ДРЕВНІЙ
ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКІЙ
ЯЗЫКЪ.

ФОНЕТИКА.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ

А. И. Соболевскаго,

ординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульв.

1891.

Проф. 19[illegible]

ПРОФ. 1953

СССР

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Естественных наук
Академии Наук СССР
54!
50

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предисловіе.

Введеніе..... 1— 2

I. Что такое церковно-славянскій языкъ?..... 3—11

II. Источники ..... 12—20

III. Звуки церковно-славянскаго языка..... 21—51

Гласные..... 25

Согласные..... 42

IV. Отношеніе звуковъ церк.-слав. яз. къ звукамъ родственныхъ индо-европейскихъ яз..... 52—85

1. Гласные..... 55

2. Чередованія гласныхъ 62

I. Группа *A*..... 62

II. Группа *J*..... 68

III. Группа *У*..... 71

3. Согласные..... 76

V. Обще-славянскія измѣненія звуковъ ..... 86—132

1. Гласные..... 87

Переходъ *о* и *е* въ *ъ* и *ь*..... 87

Образованіе носовыхъ гласныхъ..... 89

Удлиненіе *ă* и *е* передъ плавными согласн..... 94

Измѣненія гласныхъ подъ вліяніемъ *j* и мягкихъ согласныхъ..... 99

Переходъ *ѣ* въ *и*..... 104

Отожествленіе двухъ *ѣ*..... 105

Стяженіе гласныхъ..... 106

Количество обще-славянскихъ гласныхъ..... 107

2. Согласные..... 108

Переходъ *с* въ *х*..... 108

Первое смягченіе гортанныхъ..... 109

Второе смягченіе гортанныхъ 112
Смягченіе свистящихъ 117
Смягченіе зубныхъ..... 118
Смягченіе группы *кт* 120
Переходъ *j* въ *л*..... —
Ассимиляція согласныхъ..... 121
Неорганическіе согласные въ началѣ и серединѣ словъ..... 127
Исчезновеніе начальныхъ согласныхъ..... 129
Исчезновеніе конечныхъ согласныхъ..... 130

VI. Церковно-славянскія измѣненія звуковъ. ..... 133—148
1. Измѣненія въ до-историческую эпоху 133
2. Измѣненія въ историческую эпоху..... .. 138
Исчезновеніе глухихъ гласныхъ..... 138
Переходъ глухихъ въ чистые..... 140
Образованіе плавныхъ гласныхъ 143
Отожествленіе ъ съ ь 144
Измѣненія согласныхъ..... 145

Изъ литературы предмета..... 149—153

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Наша ученая литература такъ бѣдна трудами по церковно-славянскому языку и то, что имѣется въ ней, оригинальное и переводное, такъ кратко и неполно, что изданіе въ свѣтъ части нашего университетскаго курса не представляется намъ излишнимъ.

Въ своемъ трудѣ мы постоянно имѣемъ въ виду, рядомъ съ церковно-славянскимъ, также русскій языкъ, съ тою цѣлію, чтобы этотъ трудъ могъ быть органически связанъ съ другимъ нашимъ трудомъ—по исторіи русскаго языка.

Мы отнюдь не претендуемъ на новизну и оригинальность взглядовъ и выводовъ. Мы старались воспользоваться всѣми старыми и новыми трудами по славяновѣдѣнію и сравнительному языковѣдѣнію, но воспользовались ими лишь настолько, насколько наши наблюденія надъ исторіею языка позволили намъ согласиться съ выводами ученыхъ.

Спб.
1891 г.

лишь въ той или другой части тожественныхъ явленій и отличается случайностью: такъ, мы наблюдаемъ рядомъ переходъ *ъ* въ *ы* передъ *j* въ добрыи (изъ добръ-ји) и отсутствіе этого перехода въ добрѣи.

Измѣненія втораго рода отличаются полною случайностью, что̀ впрочемъ не мѣшаетъ имъ иногда имѣть мѣсто въ очень значительномъ количествѣ тожественныхъ явленій. Аналогія препятствуетъ дѣйствію звуковыхъ законовъ и производитъ исключенія изъ этихъ законовъ. Такъ, *у* въ славянскомъ языкѣ никогда не измѣняется въ *а*: но благодаря вліянію формъ род. на *а*, мы видимъ въ формѣ сына звукъ *а* на мѣстѣ *у*.

Должно имѣть въ виду, что законы измѣненія звуковъ не отличаются постоянствомъ. Они въ одномъ и томъ же языкѣ могутъ быть въ различныя эпохи его жизни различными (до извѣстныхъ предѣловъ). Такъ, въ одну, древнѣйшую эпоху жизни славянскаго языка *к* передъ мягкими гласными перешло въ *ч*: печемъ, а въ другую оно при тѣхъ же условіяхъ дало *ц*: пьци.

Ссылки на Зографское и Маріинское Евангелія дѣлаются нами по изданіямъ Ягича, на Саввино Ев.— по изд. Срезневскаго, на Ассеманово Ев. — по изданію Чрнчича, на Синайскіе памятники — по изд. Гейтлера, на Клоцовъ Сборникъ — по изд. Копитара и (гдѣ буква М) Миклошича, на Супрасльскую рукопись — по изд. Миклошича. *Здѣсь цифры означаютъ страницы.* Прочіе памятники, церковнославянскіе и средне-болгарскіе, если не указанъ печатный источникъ, цитуются нами по подлинникамъ, и *здѣсь цифра означаетъ листъ* рукописи. Древне-русскіе памятники цитуются нами такъ же, какъ въ «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка».

I. Что такое церковно-славянскій языкъ?

Церковно-славянскій, или старо-славянскій, или древне-болгарскій языкъ — тотъ языкъ, на который славянскіе первоучители свв. Кириллъ и Меѳодій перевели съ греческаго книги священнаго писанія и богослужебныя и который, послѣ ихъ кончины, сдѣлался литературнымъ языкомъ болгаръ, сербовъ и русскихъ.

У болгаръ онъ нашелъ себѣ широкое употребленіе въ X вѣкѣ, при царѣ Симеонѣ. Въ это время, въ золотой вѣкъ болгарской письменности, на него было переведено значительное количество произведеній какъ духовной, такъ отчасти и свѣтской византійской литературы и, сверхъ того, на немъ было написано нѣсколько оригинальныхъ произведеній. Послѣ эпохи Симеона, около половины XII вѣка, церковно-славянскій языкъ, измѣнившійся подъ вліяніемъ живыхъ болгарскихъ говоровъ въ звукахъ, формахъ, словахъ, перешелъ въ такъ называемый средне-болгарскій языкъ. Въ своемъ новомъ видѣ онъ долгое время былъ употребляемъ для новыхъ переводовъ съ греческаго и для оригинальныхъ сочиненій, и значеніе литературнаго языка болгаръ было сохраняемо имъ до XVII столѣтія.

У сербовъ церковно-славянскій языкъ, измѣнившійся согласно съ особенностями сербскаго языка, былъ употребляемъ какъ литературный языкъ и въ эпоху наибольшаго развитія сербской письменности, въ XIV и XV вѣкахъ, и въ эпоху послѣдующую; даже въ нынѣшнемъ столѣтіи, прежде чѣмъ укоренилась въ Сербіи реформа Вука Караджича, онъ, съ русскою окраскою, лежалъ въ основаніи сербскаго литературнаго языка.

Русскіе познакомились съ церковно-славянскимъ языкомъ очень рано. Уже первые русскіе христіане пользовались церковно-славян-

скими богослужебными книгами, какъ показываетъ, между прочимъ, папская булла 967 года, упоминающая о славянскомъ богослуженіи у русскихъ: древнѣйшіе дошедшіе до насъ письменные памятники русскихъ — переводы договоровъ съ греками кіевскихъ князей Олега 912 г. и Игоря 945 г. — написаны на смѣси церковно-славянскаго языка съ русскимъ, едва ли не священниками-болгарами, жившими въ Кіевѣ. Послѣ принятія христіанства всею Русью при святомъ Владимирѣ, церковно-славянскій языкъ, съ болѣе или менѣе сильною русскою окраскою, сдѣлался русскимъ литературнымъ языкомъ и продолжалъ быть имъ въ теченіе многихъ столѣтій, почти до половины XVIII вѣка. Сверхъ того, значительное количество его звуковыхъ, формальныхъ и словарныхъ особенностей вошло въ языкъ русскаго образованнаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ въ современный русскій литературный языкъ.

Такимъ образомъ церковно-славянскій языкъ былъ въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій общимъ литературнымъ языкомъ южнаго и восточнаго славянства. Онъ остается до сихъ поръ языкомъ богослуженія у всѣхъ православныхъ славянъ (а равнымъ образомъ у уніатовъ и немногихъ католиковъ), и болгары, сербы, русскіе пользуются въ наши дни одними и тѣми же церковно-славянскими богослужебными книгами.

Сообразно съ употребленіемъ у разныхъ славянскихъ племенъ, церковно-славянскій языкъ имѣетъ нѣсколько типовъ.

Собственно церковно-славянскій языкъ, т. е. сравнительно чистый церковно-славянскій языкъ, сохранился въ немногихъ памятникахъ болгарскаго происхожденія, о которыхъ будетъ сказано ниже; этотъ языкъ составляетъ предметъ настоящаго труда.

Церковно-славянскій языкъ, принявшій въ себя особенности болгарскихъ говоровъ XII и послѣдующихъ столѣтій, или церковно-славянскій языкъ болгарскаго извода, находится въ памятникахъ болгарскаго происхожденія, такъ называемыхъ средне-болгарскихъ; изъ нихъ древнѣйшій съ датою относится къ концу XII или къ началу XIII вѣка; это Болонская Псалтырь. Главная характеристическая особенность средне-болгарскихъ текстовъ сравнительно съ собственно церковно-славянскими — мѣна юсовъ, или употребленіе (послѣ j и

мягкихъ согласныхъ ѧ вмѣсто а и на оборотъ—а вмѣсто ѧ: ѧзыкъ вмѣсто ызыкъ, моєѧ вмѣсто моєа (родит. п. ед. женск. р.); любла вмѣсто любѧ (1 л. ед. ч.), моа вмѣсто моѧ (вин. п. ед. ж. р.).

Церковно-славянскій языкъ, измѣнившійся подъ вліяніемъ особенностей сербскаго языка, или церковно-славянскій языкъ сербскаго извода, находится въ памятникахъ сербскаго происхожденія, изъ которыхъ старшіе съ датами — два Евангелія, Мирославово и Волкановo — относятся къ концу XII вѣка. Главныя особенности текстовъ сербскаго извода: употребленіе *у* (*ю*) и *е* вмѣсто церк.-слав. ѫ и а: рука вмѣсто ржка, ѕзикъ вмѣсто ызыкъ: употребленіе *и* вмѣсто церк.-слав. ы: *бити* вмѣсто *быти*: употребленіе мягкихъ *к* (ѣ) и *г* (ѣ) вмѣсто церк.-слав. *шт* (изъ *т*) и *жд* (изъ *д*): свѣкя вмѣсто свѣшта, межю вмѣсто между.

Церковно-славянскій языкъ, принявшій въ себя особенности русскаго языка, или церковно-славянскій языкъ русскаго извода, является въ огромномъ количествѣ памятниковъ русскаго происхожденія. Древнѣйшіе изъ нихъ съ датами, дошедшіе до насъ въ оригиналахъ, относятся ко второй половинѣ XI вѣка. Это: Остромирово Евангеліе 1056—1057 гг., Святославовъ Сборникъ 1073 года, Святославовъ Сборникъ 1076 года и Архангельское Евангеліе 1092 года. Главныя особенности текстовъ русскаго извода: употребленіе *у* (*ю*) и *я* (*а*) вмѣсто церк.-слав. ѫ и а: рука вмѣсто ржка, *сяду* вмѣсто садѫ, чадо вмѣсто чадо, и употребленіе *ж* и *ч* вмѣсто церк.-слав. *шт* (изъ *т*) и *жд* (изъ *д*): свѣча вмѣсто свѣшта, межю вмѣсто между.

Кромѣ церковно-славянскаго языка болгарскаго, сербскаго и русскаго изводовъ, нѣкогда существовалъ церковно-славянскій языкъ западно-славянскаго или, точнѣе, моравскаго извода. Онъ сохранился только въ двухъ небольшихъ памятникахъ, писанныхъ глаголицею—въ кіевскихъ отрывкахъ, вѣроятно, XI вѣка и въ пражскихъ отрывкахъ, вѣроятно, XI—XII в. и отличается отъ собственно церковно-славянскаго языка главнымъ образомъ употребленіемъ *и* и *з* вмѣсто церк.-слав. *шт* (изъ *т*) и *жд* (изъ *д*): свѣиа вмѣсто свѣшта, мезю вмѣсто между.

Конечно, церковно-славянскій языкъ принадлежитъ къ славянской группѣ языковъ, слѣдовательно, находится въ ближайшемъ родствѣ съ живыми языками (ново-)болгарскимъ, сербо-хорватскимъ,

Польский чувод: пишетъ: дz (вм. уд) и ц (вм. шт), напр. miedzy.

словинскимъ, русскимъ, польскимъ, чешско-словенскимъ и лужицкими. Но гдѣ онъ былъ въ живомъ употребленіи и какой вѣтви славянскаго племени принадлежалъ?

Одни изъ славистовъ — особенно словинцы Копитаръ и Миклошичъ — полагаютъ, что онъ былъ языкомъ тѣхъ славянъ, которые въ IX вѣкѣ обитали между Дунаемъ и Дравою, т. е. въ предѣлахъ древней Паннонiи, и на которыхъ распространялась проповѣдь Кирилла и Меѳодія. По мнѣнію этихъ ученыхъ, славяне, говорившіе на церковно-славянскомъ языкѣ, были или предки нынѣшнихъ словинцевъ, или славянское племя уже не существующее, ближайшимъ образомъ родственное со словинцами и болгарами.

Другіе слависты, по преимуществу русскіе, а также нѣмецъ Шлейхеръ, видятъ въ церковно-славянскомъ языкѣ языкъ солунскихъ славянъ, на которомъ «чисто бесѣдовали» всѣ греки-солунцы, современники Кирилла и Меѳодія, и вмѣстѣ съ ними, конечно, и сами наши первоучители; слѣдовательно, они признаютъ церковно-славянскій языкъ языкомъ древне-болгарскимъ.

Такимъ образомъ вопросъ о родинѣ церковно-славянскаго языка — вопросъ спорный. Для рѣшенія его мы располагаемъ слѣдующими данными.

1) По свидѣтельству древнихъ житій нашихъ первоучителей, извѣстныхъ подъ именемъ паннонскихъ, составленныхъ или ихъ учениками, или людьми ихъ хорошо знавшими, Кириллъ былъ въ Паннонiи, во владѣніяхъ князя Коцела, сравнительно небольшое количество времени, проѣздомъ изъ Моравіи въ Римъ; а Меѳодію, хотя онъ и былъ посвященъ папою въ епископы Паннонiи, почти совсѣмъ не пришлось жить въ своей епархіи. Они были посланы императоромъ Михаиломъ въ при-дунайскія земли по просьбѣ моравскаго князя Ростислава, дѣйствовали главнымъ образомъ въ Моравіи, во владѣніяхъ Ростислава, и, при переводѣ священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ, должны были имѣть въ виду прежде всего жителей Моравіи, предковъ нынѣшнихъ моравянъ и словаковъ. Такимъ образомъ, создавая литературный языкъ славянскій, они не могли имѣть не только основанія, но даже и возможности воспользоваться языкомъ паннонскихъ славянъ и отдать ему предпочтеніе передъ языкомъ своей моравской паствы или передъ хорошо знакомымъ имъ съ дѣтства языкомъ солунскихъ славянъ. Иначе говоря, приступая

къ переводу священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ, первоучители могли выбирать только между моравскимъ говоромъ чешскаго языка и солунскимъ болгарскаго языка.

2) Тѣ же паннонскія житія даютъ намъ понять, что первоучители прибыли въ Моравію съ готовымъ славянскимъ переводомъ нѣкоторой части священнаго писанія и что они докончили переводъ священнаго писанія и богослужебнаго чина вскорѣ по прибытіи къ своей новой паствѣ. Такимъ образомъ оказывается, что евангеліе, апостолъ, псалтырь, служебникъ и требникъ, а вѣроятно, и другія богослужебныя книги, были ими переведены прежде, чѣмъ они могли освоиться съ языкомъ моравянъ, слѣдовательно, на языкъ не моравянъ, а солунскихъ болгаръ. Во всякомъ случаѣ, Кириллъ и Меѳодій имѣли уже готовый переводъ священнаго писанія и главныхъ богослужебныхъ книгъ раньше своего посѣщенія Паннонія во время путешествія изъ Моравіи въ Римъ и ознакомленія съ языкомъ паннонскихъ славянъ.

3) Взаимная близость славянскихъ нарѣчій въ эпоху дѣятельности Кирилла и Меѳодія, во второй половинѣ IX вѣка, была еще настолько велика, что безъ сомнѣнія, говорившій на одномъ изъ нихъ могъ свободно понимать говорившаго на другомъ. Въ виду этого славянскимъ первоучителямъ, владѣвшимъ болгарскимъ языкомъ, не было особой надобности учиться языку при-дунайскихъ славянъ и вводить его особенности въ свои болгарскіе тексты. Они могли довольствоваться съ одной стороны — тѣмъ, что сами понимали свою паству, и съ другой — тѣмъ что паства достаточно понимала ихъ рѣчь и книги. Само собою разумѣется, ученики первоучителей, придунайскіе уроженцы, переписывая переведенныя ихъ наставниками книги, могли вносить въ нихъ нѣкоторыя черты своихъ говоровъ, точно такъ же, какъ послѣ сербскіе и русскіе переписчики измѣняли, согласно съ особенностями своихъ языковъ, церковно-славянскіе тексты; но нельзя сомнѣваться, что при-дунайскія черты были и случайны, и малочисленны: въ дошедшихъ до насъ древнихъ церковно-славянскихъ памятникахъ мы не находимъ ничего такого, въ чемъ можно было бы признать, съ достаточнымъ вѣроятіемъ, особенность того или другаго изъ при-дунайскихъ говоровъ. Форма повелит. накл. *визжь* = *вижд*ь, напоминающая собою древне-чешскую форму визь (*viz*) и находящаяся въ Маріинскомъ Евангеліи, можетъ

быть простою опискою: слова: розьство (Клоцовъ Сборникъ 23, Маріинское Ев. 48) = рождьство, невѣзество (Синайск. Псалт. 46) = невѣждьство, кажущіяся съ перваго взгляда моравизмами, могутъ быть легко объяснены изъ церковно-славянской фонетики: въ нихъ *з* могло развиться изъ *жд*, послѣ исчезновенія звука ъ, вслѣдствіе ассимиляціи *жд* съ послѣдующимъ *с*; сравни церк.-слав. бѣсство (Ассеман. Ев.), бѣство изъ бѣжьство, церк.-слав. блѫдництьство (Супр. рук. 99) изъ блѫдничьство, древне-русск. розьство, розество (галицкая грамота 1409 г.) изъ рожьство, ризкый изъ рижъскый, варязьскый изъ варяжъскый и т. п. Во всякомъ случаѣ, *з* и въ визжь, и въ розьство, и въ невѣзество не можетъ быть признано паннонизмомъ, или словинизмомъ.

4) Языкъ древнихъ церковно-славянскихъ текстовъ, вышедшихъ изъ подъ пера первоучителей (евангелія и псалтыри), не отличается ничѣмъ существеннымъ отъ языка текстовъ, переведенныхъ послѣ первоучителей въ Болгаріи и дошедшихъ до насъ какъ въ церковно-славянскихъ спискахъ (Клоцовъ Сборникъ, Супрасльская рукопись), такъ въ средне-болгарскихъ и древне-русскихъ. Словарный матеріалъ кирилло-меѳодіевскихъ переводовъ — тотъ самый, который находится въ трудахъ жившаго при царѣ Симеонѣ Іоанна Экзарха болгарскаго и въ церковно-славянскихъ переводахъ твореній отцовъ церкви, сдѣланныхъ въ Болгаріи и дошедшихъ до насъ въ древнихъ спискахъ. Среди этого матеріала находится нѣсколько словъ, въ которыхъ сторонники паннонскаго происхожденія церковно-славянскаго языка видятъ паннонизмы. Это *братръ* братъ, *балиги* врачъ, *небесьскъ* небесный, *хлѫпати* просить, *искръ* близь, *миса* блюдо, *оцьтъ* уксусъ и др. Но эти слова, находящіяся въ древнихъ текстахъ кирилло-меѳодіевскаго происхожденія (въ евангеліи и псалтыри), не имѣютъ значенія для рѣшенія вопроса: они сравнительно нерѣдки въ текстахъ происхожденія послѣ-кирилло-меѳодіевскаго, появившихся несомнѣнно въ Болгаріи, а нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ въ современныхъ болгарскихъ говорахъ; поэтому они могутъ считаться столько же паннонизмами, сколько и болгаризмами. Такъ, слова *братръ* (рядомъ съ *братъ*) и *балиги* мы находимъ въ Клоцовомъ Сборникѣ; слово *небесьскъ* встрѣчается въ Клоцовомъ Сборникѣ, въ Супрасльской рукописи, въ Богословіи Іоанна Дамаскина, переведенномъ Іоанномъ Экзархомъ, по русскому списку XII вѣка (*Чтенія* 1878 г. 90, 102,

114, 115), въ Пандектахъ Антіоха по русскому списку XI вѣка (библіотека Воскресенскаго монастыря, листъ 20 об.), въ Словахъ Григорія Богослова по русскому списку XI вѣка, въ толкованіи Θеодорита на псалтырь по русскому списку XI—XII в. (Толковая Псалтырь Имп. Публ. Библ. f. 23, лл. 27, 48, 65); слово *хлѣпати* находится въ Лѣствицѣ Іоанна Лѣствичника по русскому списку XII вѣка (Румянцевскаго Музея); слово *искрь* отмѣчено нами въ Пандектахъ Антіоха по русскому списку XI вѣка (дѣвъство *искрь* есть цѣломудрия, 51 об.); слово *миса* принадлежитъ къ числу греческихъ словъ (это латинск. mensa, mēsa, передѣланное въ византійскомъ греческомъ въ μήνσα, μήσα), перешедшихъ въ славянскій языкъ, прежде всего, конечно, въ болгарскіе говоры, и существующее до сихъ поръ, въ видѣ *мѣса*, въ болгарскомъ языкѣ; слово *оцьтъ*, происходящее отъ лат. acetum, употребляется, въ видѣ *оцтъ*, до нынѣ въ болгарскихъ говорахъ Македоніи, вблизи Солуня.

5) Нѣкоторыя звуковыя особенности церковно-славянскаго языка: смягченіе *т* и *д* въ *шт* и *жд*: свѣ*шт*а, ме*жд*ю, и частое отсутствіе *j* передъ начальнымъ *а*: *а*зъ, *а*года, свойственны исключительно болгарскому языку и неизвѣстны другимъ славянскимъ нарѣчіямъ, въ томъ числѣ предку или ближайшему родичу языка паннонскихъ славянъ — словинскому; въ послѣднемъ на мѣстѣ церк.-слав. *шт* мы обыкновенно находимъ *ч*: sveča, и на мѣстѣ церк.-слав. *жд* всего чаще встрѣчается *j*: meju; въ немъ нѣтъ словъ безъ *j*, въ родѣ *а*зъ, *а*года. Нѣсколько славянскихъ словъ въ мадьярскомъ языкѣ съ *шт* и *жд*: mošt*o*ha = ц.-слав. ма*шт*еха, русск. мачеха; peš*t* = ц.-слав. пе*шт*ь, русск. печь; ro*ž*da = ц.-слав. ръ*жд*а, русск. рожа, ржавчина, — не даютъ основанія думать, что въ какомъ-либо говорѣ славянъ древней Паннониі или ближайшихъ къ ней мѣстъ *т* и *д* смягчались по-болгарски: эти слова (ихъ всего три), вѣроятно, заимствованы мадьярами у болгаръ, которые нѣкогда жили значительно сѣвернѣе, чѣмъ теперь — въ мѣстахъ поселенія нынѣшнихъ румынъ.

Равнымъ образомъ тожество *ѣ* и *я*, наблюдаемое нами во всѣхъ глаголическихъ и въ одномъ кирилловскомъ памятникѣ собственно церковно-славянскаго языка, свойственно исключительно нѣкоторымъ болгарскимъ говорамъ и чуждо всѣмъ другимъ славянскимъ языкамъ.

6) Всѣ вообще важнѣйшія звуковыя черты церковно-славянскаго языка находятся въ самой тѣсной связи съ соотвѣтствующими чер-

тами средне-болгарскаго языка. Такъ, церковно-славянскій языкъ обыкновенно отличаетъ носовые гласные (юсы) отъ чистыхъ гласныхъ: то же мы видимъ въ средне-болгарскихъ памятникахъ XII, XIII. XIV вв., между прочимъ въ грамотахъ, писанныхъ на живомъ болгарскомъ языкѣ: остатки носовыхъ гласныхъ сохраняются до нынѣ въ ново-болгарскомъ языкѣ, по преимуществу въ юго-западныхъ македонскихъ говорахъ. Или, въ церковно-славянскомъ языкѣ звукъ, обозначаемый буквою *ѣ*, нерѣдко находится въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ всѣ другія славянскія нарѣчія, въ томъ числѣ русскій языкъ, имѣютъ *а*, *я*: *волѣ*, имен. ед. женск. р., *морѣ*, род. ед. средн. р., *ѣко* = яко; то же мы видимъ въ средне-болгарскомъ языкѣ, между прочимъ въ языкѣ грамотъ царя Іоанна Асѣня первой половины XIII вѣка: Бѣдынѣ, род. ед. муж. р., *ѣко* = яко, и царя Константина Асѣня второй половины того же вѣка: понавлѣти = понавляти, царѣ, род. ед. муж. р. Или, церковно-славянскому языку свойственно такъ называемое смягченіе губныхъ согласныхъ (посредствомъ мягкаго *л*), но не вполнѣ, такъ что въ немъ употребляются рядомъ люблѫ и любѭ, възлюбленъ и възлюбенъ; то же мы наблюдаемъ въ средне-болгарскихъ памятникахъ, въ томъ числѣ въ грамотахъ: грамота царя Іоанна Асѣня XIII в.: куплѭ, твор. ед. женск. р., и земѧ, вин. ед. женск. р.

Приведенныя данныя, взятыя вмѣстѣ, на нашъ взглядъ, даютъ право сдѣлать тотъ выводъ, что церковно-славянскій языкъ въ своемъ основаніи есть не что иное, какъ солунскій говоръ древняго болгарскаго языка, говоръ, можетъ быть, съ теченіемъ времени вымершій, можетъ быть, сохраняющійся донынѣ въ остаткахъ, въ смѣшеніи съ другими болгарскими говорами, въ мѣстахъ около родины Кирилла и Меѳодія. Кириллъ и Меѳодій по тѣмъ или другимъ причинамъ (между прочимъ, потому, что будучи греками, они могли не знать всѣхъ его мелкихъ чертъ) не могли или не хотѣли воспользоваться въ своихъ текстахъ всѣмъ тѣмъ матеріаломъ, который находился въ солунскомъ говорѣ, и, можетъ быть, употребивъ однѣ формы, игнорировали другія. Такъ, можетъ быть, взявъ формы косвенныхъ падежей членныхъ прилагательныхъ на *аго*, *уму* и т. п., они не воспользовались существовавшими рядомъ съ этими формами въ солунскомъ говорѣ формами на *ого*, *ому*; или, употребивъ формы 2 лица ед. ч. на *ши*, они оставили внѣ литературнаго употребленія формы

того же лица на *шь*. Такимъ образомъ церковно-славянскій языкъ кирилло-меѳодіевскаго перевода, сдѣлавшійся послѣ кончины первоучителей литературнымъ языкомъ въ Болгаріи, съ самаго начала своего литературнаго употребленія былъ до извѣстной степени отличенъ отъ живаго болгарскаго языка и заключалъ въ себѣ не весь грамматическій (и, конечно, не весь словарный) матеріалъ, который находился въ этомъ послѣднемъ.

Современники первоучителей, употреблявшіе церковно-славянскій языкъ, именовали себя словѣнами (имен. ед. словѣнинъ, им. мн. словѣне), названіемъ, употреблявшимся въ древности и употребляющимся теперь у многихъ славянскихъ племенъ (у новгородскихъ русскихъ, у моравскихъ словаковъ, у паннонскихъ словинцевъ); отсюда древнее названіе этого языка словѣньскъ, находящееся въ паннонскихъ житіяхъ Кирилла и Меѳодія, у Іоанна Экзарха болгарскаго, у переводчика Толковой Псалтыри Ѳеодорита и у другихъ древнихъ болгаръ, перешедшее отъ нихъ къ русскимъ и у этихъ послѣднихъ передѣланное сперва, въ XVI в., подъ вліяніемъ словъ сходнаго образованія, — въ словянскій (словяне изъ словѣне — по образцу горожане, римляне; лѣтописные своды и хронографы XVI и XVII вв.), потомъ, подъ вліяніемъ неосновательнаго сближенія съ словомъ *слава*,—въ славянскій.

II. Источники.

Собственно церковно славянскій языкъ дошелъ до насъ въ небольшомъ количествѣ памятниковъ, изъ которыхъ одни писаны кириллицею, другіе глаголицею. И тѣ, и другіе представляютъ собою жалкіе остатки нѣкогда, безъ сомнѣнія, обширной двухъ-азбучной древне-болгарской письменности, случайно сохраненные судьбою отъ гибели въ разныхъ мѣстахъ внѣ предѣловъ своей родины и дошедшіе до насъ въ самомъ неприглядномъ видѣ: въ отрывкахъ, безъ начала, безъ конца, съ вырванными листами. Большая часть этихъ собственно церковно-славянскихъ памятниковъ отличается малымъ форматомъ, сравнительно мелкимъ письмомъ, чуждымъ всякой претензіи на изящество, скудостью или отсутствіемъ украшеній, что̀ бросается въ глаза всякому, кто знакомъ съ роскошными памятниками древне-русской письменности XI и XII вв., въ родѣ Остромирова и Мстиславова Евангелій. Только одна Супрасльская рукопись имѣетъ сравнительно богатую внѣшность: она писана въ малый листъ, крупнымъ, четкимъ и красивымъ уставомъ; она даетъ намъ возможность составить себѣ нѣкоторое понятіе о тѣхъ погибшихъ церковно-славянскихъ рукописяхъ, которыя послужили образцами для рукописей древне-русскихъ.

Три изъ сохранившихся собственно церковно-славянскихъ памятниковъ — евангелія; одинъ представляетъ собою отрывокъ евангелія; одинъ — псалтырь; въ нихъ мы имѣемъ дѣло съ текстами, несомнѣнно принадлежащими перу нашихъ первоучителей, разумѣется, значительно (особенно въ правописаніи) измѣненными при переписке. Далѣе, одинъ памятникъ представляетъ собою часть требника, именно молитвы при разныхъ мелкихъ чинопослѣдованіяхъ: при постриженіи волосъ младенцу, при побратимствѣ, при посадкѣ винограда, надъ съѣвшимъ скверное, надъ страдающими разными неду-

гами и т. п. Хотя главныя чинопослѣдованія требника, безъ сомнѣнія, были переведены Кирилломъ, но дошедшій до насъ текстъ, вѣроятно, не принадлежитъ ему и переведенъ послѣ него, въ Болгаріи. Далѣе, три памятника заключаютъ въ себѣ переводы житій святыхъ и твореній св. отцовъ: одинъ изъ нихъ — такъ называемая мѣсячная минея-четья; другой, вѣроятно, отрывокъ изъ минеи или какого-либо сходнаго съ минеею сборника; въ нихъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго права видѣть трудъ первоучителей: это, конечно,— памятники переводческой дѣятельности послѣдующей эпохи, вѣка царя Симеона.

Итакъ, собственно церковно-славянскихъ памятниковъ дошло до насъ 9. Они называются:

1) **Зографское Евангеліе.** Это — евангеліе-тетръ (расположенное по евангелистамъ). Оно писано глаголицею на 340 листахъ, безъ начала и многихъ листовъ въ серединѣ: изъ числа утраченныхъ листовъ 17 (съ 41 по 57) еще въ древности были пополнены новыми листами, съ глаголическимъ письмомъ и съ небольшимъ количествомъ средне-болгарскихъ особенностей въ языкѣ. Зографское Евангеліе издревле, по меньшей мѣрѣ съ XIV вѣка, до недавняго времени находилось въ библіотекѣ болгарскаго Зографскаго монастыря на Аѳонѣ; теперь хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Этотъ памятникъ изданъ Ягичемъ въ Берлинѣ въ 1879 г.

2) **Саввино Евангеліе.** Это—евангеліе-апракосъ, т. е. расположенное по недѣлямъ, безъ начала и конца, дополненное русскими прибавленіями XI и XIV вв., которыя указываютъ на нахожденіе его издавна въ Россіи. Оно писано кирилицею на 129 листахъ и имѣетъ приписку, писанную какимъ-то попомъ Саввою (не писцомъ); нѣкогда принадлежало Середкину монастырю подъ Псковомъ; въ настоящее время хранится въ Московской Типографской Библіотекѣ, подъ № 15. Этотъ памятникъ изданъ Срезневскимъ въ Петербургѣ въ 1868 г.

3) **Ассеманово,** или Ватиканское **Евангеліе.** Это—также евангеліе-апракосъ, безъ конца (вѣроятно безъ одного послѣдняго листа), писанное глаголицею, на 159 листахъ. Оно было пріобрѣтено нѣкимъ Ассеманомъ въ Іерусалимѣ въ 1736 году отъ лица славянскаго происхожденія; теперь хранится въ Ватиканской библіотекѣ, подъ № 3. Судя по упоминанію въ его календарѣ о Несторѣ Солунскомъ, Дими-

тріи Солунскомъ, Ѳеодорѣ Солунской, Климентѣ епископѣ Величскомъ, Тимоѳеѣ, Ѳеодорѣ и Евсевіи Струмицкихъ, мѣстныхъ святыхъ Македоніи, писецъ этого памятника былъ родомъ изъ Македоніи, изъ мѣстъ не вдалекѣ отъ Солуня. Ассеманово Евангеліе издано въ первый разъ Рачкимъ въ Загребѣ въ 1865 г. (глаголицею), во второй Чернчичемъ въ Римѣ въ 1878 г. (въ латинской транскрипціи).

4) Евангельскіе **Листки Ундольскаго**. Это—отрывокъ изъ евангеліяапракосъ, состоящій всего изъ 2 листовъ, писанный кириллицею. Листки принадлежали покойному русскому библіографу Ундольскому, послѣ котораго, вмѣстѣ со всею его рукописною библіотекою, поступили въ Московскій Публичный Музей, гдѣ хранятся подъ № 961. Они изданы Срезневскимъ въ Петербургѣ въ 1868 г.

5) **Синайская Псалтырь**. Этотъ памятникъ писанъ глаголицею на 177 листахъ и дошелъ до насъ безъ конца. Онъ хранится въ библіотекѣ монастыря св. Екатерины на Синаѣ, подъ № 38 Изданъ Гейтлеромъ въ Загребѣ въ 1883 г.

6) **Синайскій Требникъ**. Это—остатокъ большой рукописи, писанной глаголицею, лишенный начала (гдѣ было около 152 листовъ) и конца, содержащій въ себѣ 106 листовъ и хранящійся въ томъ же монастырѣ св. Екатерины, подъ № 37. Отрывокъ его, въ три листа, былъ вывезенъ съ Синая епископомъ Порфиріемъ и теперь находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Требникъ изданъ Гейтлеромъ въ Загребѣ въ 1882 г.

7) **Клоцовъ Сборникъ**. Это—также остатокъ большой рукописи, писанной глаголицею, состоящій изъ 13 листовъ. Онъ принадлежалъ въ XV вѣкѣ владѣльцу острова Крка (у береговъ Далматіи) графу Франкопану; послѣ, въ количествѣ 12 листовъ, былъ въ рукахъ графа Клоца въ Тридентѣ. 13-й листъ былъ отысканъ въ недавнее время Миклошичемъ. Сборникъ, вѣроятно, состоялъ изъ житій святыхъ и поученій, и сохранившійся остатокъ заключаетъ въ себѣ одно цѣлое слово и два отрывка словъ Іоанна Златоустаго и отрывокъ слова Епифанія Кипрскаго. Этотъ памятникъ изданъ Копитаромъ въ Вѣнѣ въ 1836 г.

8) **Супрасльская Рукопись**. Это—минея-четья за мѣсяцъ мартъ, безъ начала и конца, писанная кириллицею на 285 листахъ и заключающая въ себѣ 24 житія святыхъ, 20 словъ Іоанна Златоустаго, одно слово Епифанія Кипрскаго и одно патріарха Фотія. Полная

рукопись нѣкогда принадлежала Супрасльскому монастырю, близъ Бѣлостока, изъ котораго была выдана для изслѣдованія уніатскому канонику въ Вильнѣ Бобровскому и потомъ перешла въ собственность разныхъ лицъ. Значительная часть ея находилась въ рукахъ извѣстнаго Копитара и послѣ него поступила въ библіотеку Люблянской гимназіи; другая часть попала въ библіотеку графа Замойскаго въ Варшавѣ; двѣ тетради (16 листовъ) составляютъ собственность академика Бычкова. Супрасльская рукопись вся напечатана Миклошичемъ въ Вѣнѣ въ 1851 г., а отрывокъ, принадлежащій Бычкову, сверхъ того, изданъ въ фотолитографированномъ снимкѣ Обществомъ древней письменности (подъ № 49).

9) **Хиландарскіе Листки.** Это—два сильно пострадавшіе отъ времени листа, писанные кириллицею и содержащіе въ себѣ два отрывка изъ словъ Кирилла Іерусалимскаго. Они прежде принадлежали Хиландарскому монастырю на Аѳонѣ, откуда въ сороковыхъ годахъ перешли къ покойному слависту Григоровичу; а въ настоящее время хранятся въ библіотекѣ Новороссійскаго университета, подъ № 23. Они изданы, между прочимъ, Срезневскимъ въ 1868 г.

Къ этимъ девяти памятникамъ должно присоединить еще два, равные съ ними по важности для изученія церковно-славянскаго языка:

1) Великолѣпное **Остромирово Евангеліе** 1056 — 1057 гг., апракосъ, написанное на 294 листахъ большаго формата и хранящееся теперь въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Это—памятникъ русскаго извода, заключающій въ себѣ значительное количество несомнѣнныхъ, не безъ послѣдовательности проведенныхъ руссизмовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняющій много чертъ своего церковно-славянскаго оригинала. Послѣдній былъ едва ли не древнѣе всѣхъ извѣстныхъ намъ собственно церковно-славянскихъ текстовъ. Вслѣдствіе этого Остромирово Ев. имѣетъ такія архаическія особенности церковно-славянскаго языка, какія или не встрѣчаются ни въ одномъ собственно церковно-славянскомъ памятникѣ: им*аа*мь, им*аа*ши и т. д. съ двумя *а* (53 раза), или рѣдки въ собственно церковно-славянскихъ памятникахъ (имперфектъ на *аа*хъ и др.). Остромирово Евангеліе издано въ первый разъ Востоковымъ въ Петербургѣ въ 1843 г., во второй и третій — Савинковымъ въ Петербургѣ въ 1883 и въ 1889 гг. (въ фотолитографированномъ снимкѣ).

2) **Маріинское**, или Аѳонское, или Григоровичево **Евангеліе**. Это—евангеліе-тетръ, писанное глаголицею, безъ начала и конца. Оно нѣкогда находилось въ скитѣ Пресвятой Богородицы на Аѳонѣ, откуда два листа перешли въ собственность австрійскаго консула въ Константинополѣ Михановича, а остальная часть рукописи къ Григоровичу. Въ настоящее время указанные два листа принадлежатъ Миклошичу, а остальные 171 хранятся въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, подъ № 1683. Этотъ памятникъ въ древности былъ въ рукахъ сербовъ, какъ видно изъ кирилловскихъ приписокъ на поляхъ. Нѣкоторое количество сербизмовъ (оу вмѣсто ж и на оборотъ) показываетъ, что рукопись была написана сербомъ и принадлежитъ къ числу памятниковъ сербскаго извода. Это не мѣшаетъ Маріинскому Евангелію сохранять много особенностей своего церковно-славянскаго оригинала, между прочимъ такихъ, которыя очень рѣдки въ другихъ церковно-славянскихъ текстахъ (поставитъ и, вѣдастъ и и т. п. формы 3-го лица съ ъ изъ ѣ). Этотъ памятникъ изданъ Ягичемъ въ Петербургѣ въ 1883 г.

Остромирово Евангеліе несомнѣнно относится къ половинѣ XI вѣка. Что до названныхъ нами собственно церковно-славянскихъ текстовъ, то ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ никакой хронологической даты. Время, п о з ж е котораго они не могли быть написаны, можно опредѣлить приблизительно. Старшіе памятники болгарскаго происхожденія (кирилловскіе), означенные годомъ, относятся къ концу XII — началу XIII в.; они уже имѣютъ въ своемъ языкѣ главную средне-болгарскую особенность — мѣну юсовъ. По сравненію съ ними и кирилловскіе, и глаголическіе церковно-славянскіе памятники представляются болѣе древними, и потому они должны быть отнесены ко времени не позже половины XII в. Но время, р а н ь ш е котораго эти памятники не могли быть написаны, по неимѣнію данныхъ, сколько-нибудь точно опредѣлить невозможно. Впрочемъ едва ли позволительно сомнѣваться, что они относятся къ XI вѣку или началу XII в.

Такимъ образомъ дошедшіе до насъ собственно церковно-славянскіе памятники могутъ быть считаемы написанными приблизительно между концомъ X и половиною XII столѣтій. Если основываться на особенностяхъ ихъ языка (которыя въ данномъ случаѣ мало надежная опора: изъ двухъ переписчиковъ, писавшихъ одновременно,

одинъ могъ подновлять свой оригиналъ, другой— оставлять его почти безъ измѣненія), Зографское и Саввино Евангелія, оба съ малымъ количествомъ случаевъ употребленія *о* или *е* на мѣстѣ *ъ* или *ь*, увидѣли свѣтъ раньше Ассеманова Евангелія, обоихъ синайскихъ рукописей, Клоцова и Супрасльскаго сборниковъ. О Листкахъ Ундольскаго и Хиландарскихъ, въ виду незначительности ихъ объема, нельзя сказать ничего опредѣленнаго, но первые, кажется, могутъ быть причислены къ старшей группѣ.

Ни одинъ изъ собственно церковно-славянскихъ памятниковъ не сохранилъ намъ во всей полнотѣ и чистотѣ первоначальнаго кирилло-меѳодіевскаго языка и правописанія. Ни въ одномъ изъ нихъ мы не находимъ языка и правописанія тожественныхъ съ языкомъ и правописанія другаго; иначе говоря, всѣ эти памятники имѣютъ небольшія отличія другъ отъ друга въ употребленіи *и*, *s*, твердаго *л* передъ *ѫ*, мягкаго *л* при губныхъ, архаическихъ формъ аориста и т. п.; при этомъ Супрасльская рукопись имѣетъ наибольшее количество отличій сравнительно съ другими. Несомнѣнно, въ собственно церковно-славянскихъ памятникахъ мы имѣемъ дѣло съ кирилло-меѳодіевскимъ языкомъ, измѣнившимся подъ перомъ переводчиковъ и переписчиковъ и подъ вліяніемъ живыхъ говоровъ Болгаріи X — XI — XII вв., т. е. съ одной стороны принявшимъ въ себя такія черты, которыя во времена первоучителей ему еще не были свойственны (какъ замѣна *ѣ* и *ъ* черезъ *о* и *е*), съ другой — утратившимъ нѣкоторыя изъ особенностей, принадлежавшихъ ему въ кирилло-меѳодіевскую эпоху. Вслѣдствіе этого собственно церковно-славянскіе памятники вмѣстѣ съ Остромировымъ и Маріинскимъ Евангеліями не даютъ отвѣта на многіе вопросы о церковно-славянскомъ языкѣ; напримѣръ, на основаніи однихъ этихъ памятниковъ мы не можемъ опредѣлить, какъ первоначально произносилось по церковно-славянски: брати, или бърати, или бѫрати; мрѫ, или мърѫ, или мѫрѫ; деснъ, или десънъ, или десѫнъ.

Отвѣтъ, конечно, не на всѣ, но лишь на нѣкоторые изъ подобныхъ вопросовъ, можетъ быть данъ при помощи памятниковъ не принадлежащихъ къ числу собственно церковно-славянскихъ.

Кромѣ собственно церковно-славянскихъ памятниковъ, въ той или другой степени важны для изученія церковно-славянскаго языка многіе памятники разныхъ изводовъ, особенно болгарскаго и русскаго.

2
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

Изъ многочисленныхъ памятниковъ болгарскаго извода, или среднеболгарскихъ, имѣютъ особенное значеніе древнѣйшіе, XII и XIII вѣковъ, такъ какъ ихъ языкъ лишь очень немногимъ (главнымъ образомъ взаимною мѣною юсовъ) отличается отъ языка памятниковъ собственно церковно-славянскихъ и особенности ихъ письма и правописанія нерѣдко проливаютъ свѣтъ на значеніе разныхъ особенностей церковно-славянскихъ текстовъ. Къ числу этихъ средне-болгарскихъ памятниковъ, писанныхъ, безъ сомнѣнія, въ тѣхъ же мѣстахъ Болгаріи, гдѣ писаны и собственно церковно-славянскіе тексты,— принадлежатъ, между прочимъ: 1) Евангеліе Григоровича XII в. (Московскій Публичный Музей, № 1690), 2) Охридскій Апостолъ XII в. (тамъ же), 3) Слѣпченскій Апостолъ XII в. (Публичная Библіотека), 4) Македонскій Апостолъ XIII в. (Чешскій Музей), 5) Болонская Псалтырь конца XII или начала XIII в. (библіотека Болонскаго университета) и 6) Паремейникъ Григоровича XII—XIII в. (Московскій Публичный Музей).

Изъ еще болѣе многочисленныхъ памятниковъ русскаго извода наиболѣе важны тѣ, въ которыхъ сохранилось много чертъ ихъ церковно-славянскихъ оригиналовъ и которыхъ языкъ въ той или другой степени уклоняется отъ обычнаго славяно-русскаго типа. Это — 1) Святославовъ Сборникъ 1073 г., 2) Святославовъ Сборникъ 1076 г., 3) Слова Григорія Богослова XI в., 4) Пандекты Антіоха XI в., 5) Реймское Евангеліе XI в., 6) Лѣствица Іоанна Лѣствичника XII в. (Московскій Румянцевскій Музей, № 198).

Но особенно важны древнѣйшіе списки русскихъ нотныхъ книгъ (болгарскихъ и сербскихъ нотныхъ книгъ, сколько мы знаемъ, не сохранилось).

Это—обыкновенныя богослужебныя книги, содержащія въ себѣ разнаго рода богослужебныя пѣснопѣнія православной церкви и приспособленныя къ употребленію пѣвцами: пѣснопѣнія въ нихъ положены на ноты. Едва ли можно сомнѣваться, что приспособленіе ихъ для пѣнія сдѣлано вскорѣ послѣ утвержденія христіанства въ Болгаріи, не позже эпохи царя Симеона, во всякомъ случаѣ еще въ ту пору, когда церковно-славянскій языкъ сохранялъ во всей полнотѣ свои гласные звуки. Точно также едва ли можно сомнѣваться, что соединенный съ нотами церковно-славянскій текстъ, за все время своего употребленія въ Болгаріи, не потерпѣлъ никакихъ сколько

бы то ни было значительныхъ и существенныхъ измѣненій. Перейдя на Русь, нотныя книги получили при перепискѣ обычную окраску текстовъ русскаго извода, но вслѣдствіе тѣсной связи гласныхъ буквъ съ нотными знаками, сохранили все то количество этихъ буквъ, которое было въ ихъ оригиналахъ. Такимъ образомъ, пользуясь русскими нотными книгами, мы имѣемъ возможность судить, сколько гласныхъ звуковъ находилось въ извѣстномъ церковно-славянскомъ словѣ или формѣ въ древнѣйшую эпоху историческаго существованія церковно-славянскаго языка. Такъ, на основаніи нотныхъ книгъ, мы можемъ сказать, что въ словахъ *десн*ъ, *присн*ъ, *ясн*ъ было лишь по два гласныхъ (Миклошичъ въ своемъ словарѣ церковно-славянскаго языка пишетъ ихъ съ *ь* послѣ *с*), что слова *багръ*, *свѣтлъ*, *храбръ* имѣли по три гласныхъ (Миклошичъ пишетъ *багр*ъ, *свѣтл*ъ, *храбр*ъ). Или, на основаніи тѣхъ же книгъ, для насъ возможно опредѣлить степень распространенія формъ дат. ед. на *ови*, род. мн. на *овъ*, формъ въ родѣ *слова* и *словесе* и т. п.

Русскія нотныя книги, по системѣ письма, согласно съ системою пѣнія, распадаются на два отдѣла. Въ составъ одного большаго отдѣла входятъ октоихи, ирмологи, стихирари, тріоди, минеи и т. п.; ихъ письмо въ главномъ одинаково съ письмомъ не-нотныхъ книгъ; именно, каждая гласная буква написана въ нихъ столько разъ, сколько гласный звукъ когда-то слышался въ обыденномъ произношеніи, т. е. обыкновенно одинъ разъ; причемъ надъ каждою гласною буквою находится одинъ или иногда два относящихся къ ней нотныхъ знака, или, какъ говорили у насъ прежде, — знамени (нотная знаменная система). Другой, меньшій отдѣлъ состоитъ изъ кондакарей; въ ихъ текстѣ каждая гласная буква написана столько разъ, сколько соотвѣтствующій ей звукъ повторялся при пѣніи, съ особымъ нотнымъ знакомъ каждый разъ (нотная кондакарная система). Такимъ образомъ, въ кондакѣ «Взбраннѣй воеводѣ побѣдительная» мы читаемъ: възбраньыуууууумуу=възбраньнуму, пообѣдьььььььная=побѣдьная, въсписаанееетььь=въсписаѥть, вььсѣѣѣѣѣѣхъъ=вьсѣхъ.

Старшія изъ русскихъ нотныхъ книгъ относятся отчасти къ XI—XII в. (очень немногія), но главнымъ образомъ къ XII—XIII в.

Наконецъ, весьма важно одно изъ произведеній древней болгарской литературы. Это — стихотвореніе Константина Болгарскаго, одного изъ учениковъ Кирилла и Меѳодія, бывшаго

сначала священникомъ, а потомъ епископомъ въ Болгаріи. Оно дошло до насъ въ большомъ количествѣ русскихъ списковъ, изъ которыхъ старшій (Московской Синодальной Библіотеки) — XII в., съ измѣненнымъ правописаніемъ; но возстановленіе послѣдняго дѣло нетрудное. Размѣръ этого произведенія — шестистопный ямбъ, утратившій у грековъ византійской эпохи свой древній характеръ и имѣвшій въ своемъ основаніи единственно условное признаніе однихъ буквъ (не звуковъ: византійцы уже не знали различія звуковъ по количеству) за долгія, другихъ за краткія, третьихъ за обоюдныя. Вслѣдствіе этого размѣръ стихотворенія Константина заключается лишь въ томъ, что каждый стихъ состоитъ изъ 12 слоговъ, внѣ всякой связи съ удареніемъ. Изъ него мы можемъ видѣть то же, что и изъ нотныхъ книгъ, т. е. сколько слоговъ или гласныхъ звуковъ заключалось въ извѣстномъ церковно-славянскомъ словѣ въ древнѣйшую эпоху историческаго существованія церковно-славянскаго языка, эпоху жизни учениковъ славянскихъ первоучителей. Сверхъ того, стихотвореніе Константина замѣчательно тѣмъ, что оно написано съ акростихомъ; именно, каждый его стихъ начинается отдѣльною буквою славянской азбуки, въ обычномъ ея порядкѣ. Вотъ начало этого стихотворенія въ нашемъ возстановленіи:

Азъ словомь симь молѫсѧ Богу:
Боже вьсѣмъ твари и зиждителю
Видимыимъ и невидимыимъ.
Господа Духа посъли живѫштаго,
Да въдъхнетъ въ сьрдьце ми слово....

Нѣсколько другихъ подобныхъ стихотвореній, написанныхъ съ тѣмъ же азбучнымъ акростихомъ и потому называемыхъ т о л к о в ы м и а з б у к а м и, не имѣютъ для насъ большаго значенія. Они находятся въ большомъ количествѣ русскихъ рукописей поздняго времени (не раньше конца XV в.), гдѣ нерѣдко приписываются «Константину Философу», т. е. первоучителю Кириллу. Текстъ ихъ уже настолько искаженъ переписчиками, что возстановленіе его возможно лишь для небольшаго количества стиховъ. Послѣдніе показываютъ, что эти стихотворенія составлены приблизительно въ одно время съ стихотвореніемъ Константина и имѣютъ одинакій съ нимъ языкъ и размѣръ.

III. Звуки церковно-славянскаго языка.

Одна часть церковно-славянскихъ памятниковъ писана кириллицею, другая глаголицею. Трудно рѣшить, которая изъ этихъ двухъ древнихъ азбукъ была употребляема Кирилломъ и Меѳодіемъ. То обстоятельство, что единственные два памятника моравскаго извода — глаголическіе, какъ будто свидѣтельствуетъ объ употребленіи глаголицы на мѣстѣ апостольскихъ подвиговъ первоучителей въ Моравіи и такимъ образомъ много говоритъ въ пользу этой азбуки какъ азбуки первоучителей; на оборотъ, слова мниха Храбра, заставшаго еще въ живыхъ тѣхъ лицъ, которые видѣли Кирилла и Меѳодія, и перечислившаго буквы, взятыя изъ греческаго алфавита, и буквы, изобрѣтенныя Кирилломъ для исключительно славянскихъ звуковъ, прямо указываютъ на употребленіе первоучителями кириллицы. Равнымъ образомъ трудно рѣшить вопросъ о сравнительной древности и взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ азбукъ.

Кириллица, безъ сомнѣнія, есть не что иное, какъ пополненное нѣсколькими новыми буквами греческое уставное письмо того типа, въ какомъ оно является въ рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ IX и X, отчасти XI вѣковъ (старшая изъ нихъ, дошедшая до насъ съ датою, — Псалтырь 862 года; младшая относится къ 1118—1143 году). Кирилловскія буквы для звуковъ общихъ славянскому языку съ греческимъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ памятникахъ не только сходны, но иногда даже тожественны съ соотвѣтствующими имъ греческими (напримѣръ, въ Псалтыри 862 года). Что до кирилловскихъ буквъ для звуковъ неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ греческому языку, то относительно ѳ можно съ рѣшительностію сказать, что это одна изъ разновидностей β, встрѣчающаяся въ греческихъ рукописяхъ (напримѣръ, въ Псалтыри

862 г. и въ Евангеліи 995 года): ѯ или ꙁ, позже ꙁ (зѣло),—конечно, видоизмѣненіе ꙁ: ж по всей вѣроятности восходитъ къ ѯ, утратившему свою нижнюю часть и получившему, въ интересахъ симметріи, продолженіе верхней черты; ц и ш очень сходны съ еврейскими *ц* (цадэ) и *ш* (шинъ) и, вѣроятно, восходятъ къ этимъ послѣднимъ (палеографическая таблица, сдѣланная Хвольсономъ, при его «Сборникѣ еврейскихъ надписей», Спб. 1884, показываетъ, что евр. *ш* въ IX—X вв. иногда писалось почти тожественно съ кирилл. ш); ꙋ, вѣроятно, восходитъ къ ц (которое въ Супрасльской рукописи пишется все въ строкѣ, сходно съ нашею цыфрою 4); щ — безъ сомнѣнія, вязь (соединеніе) ш и т (рядомъ съ нимъ, но рѣже встрѣчается другая вязь тѣхъ же буквъ—ш съ *над*писаннымъ надъ нимъ т, между прочимъ въ Савв. Ев., Супрасл. рук., др.-р. Словахъ Григорія Богослова XI в. и др.-р. Пугтиной Минеѣ XI в.); ю—сокращеніе ιоу=греч. ιου; изъ остальныхъ буквъ ъ, ь, ѣ должны восходить къ одному и тому же знаку, а ѧ долженъ быть видоизмѣненіемъ ѧ (промежуточная ступень—ѧ, у котораго нижняя половина тожественна съ ѧ, въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г. и въ др.-р. Юрьевскомъ Ев. ок. 1120 г.).

Глаголическія буквы въ полномъ ихъ составѣ не имѣютъ по своему типу ничего сходнаго ни съ одною изъ извѣстныхъ азбукъ. Изъ многочисленныхъ попытокъ ученыхъ указать источникъ глаголицы ни одну нельзя признать достаточно удачною. Новѣйшая попытка произвести глаголицу отъ греческой скорописи IX в. (точнѣе: отъ такъ называемаго минускульнаго письма), сдѣланная Тэйлоромъ и подхваченная Ягичемъ, на нашъ взглядъ такъ же неудачна, какъ и другія. Помимо того, что глаголица уставное письмо и что уже по одному этому затруднительно считать ея источникомъ скоропись, должно имѣть въ виду, что значительное большинство глаголическихъ буквъ не обнаруживаетъ сколько-нибудь близкаго сходства съ греческими скорописными и что въ этомъ случаѣ Тэйлору и Ягичу не помогаютъ ни сочиненіе не встрѣчающихся въ греческой скорописи вязей (соединеній нѣсколькихъ буквъ въ одно начертаніе), ни грубыя натяжки, въ родѣ производства глаголическаго *б* изъ греч. μβ, *ж* изъ ϑϑ, *з* изъ ϑ, *ц* изъ ζ, *ч* изъ τσσ, *ш* изъ σσ и т. д.: греки, первые начавшіе передавать славянскіе звуки греческими буквами и бывшіе, безъ сомнѣнія, учителями славянъ, въ IX — X вв. держались уже

извѣстной системы и довольно послѣдовательно передавали слав. *б* черезъ свое *β* (у Константина Багрянороднаго: βούλγαρος, Βορίσης и др.; срв. передачу греческаго *β* черезъ слав. *б*: рабби Зографск. Ев. 74. *Б*ера фрачьскааго, *Б*ибла града Свят. Сборн. 1073 г. 263. 263 об., въ *Б*ерѣ Путятина Минея XI в. 61. *Б*енедикту Охридскій Ап. XII в. 104 об., указывающую на существованіе у грековъ IX—XI вв. спорадическаго произношенія *β*, безъ предыдущаго *μ*,— какъ *б*), слав. *ж* и *з* черезъ свое *ζ* (у Константина: ζουπάνος = жупанъ, ζάκανον = законъ), слав. *и* и *ч* черезъ свое *τζ* (у Константина: Κοτζίλης=Коцьлъ, Κριβίτζοι=Кривичи, Βιτατζέβη=Витечевъ и др.), *ш* черезъ *σ* (у Константина: Βουσεγρασέ=Вышеградъ).

Едва ли не болѣе удачна старая попытка произвести глаголицу изъ кириллицы. Кирилловскія буквы для звуковъ, существующихъ и въ славянскомъ яз. и въ греческомъ, въ общемъ не лишены сходства съ глаголическими: сравни слав. л (писавшееся нерѣдко—напримѣръ, въ Листкахъ Ундольскаго—сходно съ нашимъ печатнымъ *ф* безъ праваго овала, все въ строкѣ) и ѧ, д (писавшееся иногда все въ строкѣ) и ѣ, є и э, ї и ѳ, л и љ, м и ѿ, п и ҁ, р и ь, с и ѕ, т и ѿ. Большая же часть кирилловскихъ буквъ для звуковъ неизвѣстныхъ или малоизвѣстныхъ греческому языку настолько сходны съ глаголическими, что въ ихъ генетической связи нѣтъ возможности сомнѣваться: сравни ѕ и ѯ, ж и ѫ, ѯ и ѱ, ц (написанное все въ строкѣ) и ѵ, ч и ҍ, ш и ш, щ (иногда писавшееся все въ строкѣ) и ѱ, ю и ҏ. При этомъ кирилловскія буквы оказываются или очень близкими къ своимъ греческимъ первообразамъ (ѕ, ѯ), гораздо болѣе близкими, чѣмъ глаголическія, или вполнѣ ясными по образованію (щ, ю), чего никакъ нельзя сказать объ ихъ глаголическихъ двойникахъ. Такимъ образомъ тожественное съ греческою *β* кирилловское ѕ не можетъ быть объяснено изъ глаголическаго *б*, а глаголич. *б* вполнѣ можетъ быть объяснено изъ ѕ; или, ясное по образованію кирилловское ю не можетъ быть объяснено изъ глаголич. *ю*, но на оборотъ— глагол. *ю* легко объясняется изъ ю, и т. д. Сверхъ того, мы должны обратить вниманіе на слѣдующій фактъ, указывающій по меньшей мѣрѣ на очень древнее вліяніе кирилловскаго письма на глаголическое. Древніе кирилловскіе памятники (въ числѣ ихъ Остромирово Ев.) иногда имѣютъ ꙋ (ижицу) вмѣсто оу въ качествѣ сокращенія оу (котораго не было въ употребленіи у грековъ). То же мы находимъ въ

важнѣйшихъ глаголическихъ памятникахъ—въ Зографскомъ, Ассемановомъ, Маріинскомъ Ев., Син. Пс.: богѵ Зогр. 6, сѵдар Асс. 176 чловѣкѵ Син. Пс. 227 и др., хотя глаголическое ꙋ = кирилл. ѵ не имѣетъ ничего общаго съ глагол. Ꙋ = оѵ.

Какъ бы то ни было, старая взаимная связь двухъ славянскихъ азбукъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ глаголицѣ, какъ бы въ подражаніе кириллицѣ, тамъ гдѣ эта послѣдняя является слишкомъ точною, въ ущербъ смыслу, копіею греческой азбуки, — мы находимъ нѣсколько буквъ лишнихъ: двѣ (или, точнѣе, три) буквы для означенія звука *і*, двѣ буквы для означенія звука *о*, буквы ⰱ = *ѳ*, ⰲ = *ѳ*, ⰳ = *ѵ*. Въ свою очередь, въ кириллицѣ, какъ бы въ подражаніе глаголицѣ, рядомъ съ изображеніемъ іотированныхъ гласныхъ по латино-греческому способу—сложными іотированными буквами ꙗ, ѥ, ю (=греч. ια, ιε, ιου) и т. д., есть стремленіе передавать нѣкоторые изъ этихъ гласныхъ особыми простыми буквами; такъ, іотированный малый юсъ передается иногда буквою ѧ. Помимо всего этого, буквы той и другой азбуки издревле излагались въ одномъ и томъ же порядкѣ, почти тожественномъ съ порядкомъ греческой азбуки и вполнѣ тожественномъ съ порядкомъ современной азбуки русской. Точно также буквы и той, и другой имѣли числовое значеніе. Кириллица вполнѣ слѣдовала своему греческому оригиналу, и въ ней только буквы греческаго происхожденія, въ порядкѣ греческой азбуки, означали числа: а = 1, в = 2, г = 3, д = 4, є = 5, ѕ = 7, и = 8, ѳ = 9, і = 10 и т. д., а новыя буквы для славянскихъ звуковъ (кромѣ ѧ = 900) оставались безъ числоваго значенія. При этомъ для означенія 6 употреблялась греч. ϛ (стигма, потомокъ древней дигаммы), а для означенія 90—греч. ϟ (коппа), изъ которыхъ потомъ ϛ = s, замѣнивъ собою ѕ, ꙁ, з, стала не только цифрою, но и буквою (з въ свою очередь какъ у южныхъ славянъ, такъ и въ древней Руси получило значеніе цифры 6: Савв. Ев., др.-р. Минея 1096 г.), а ϟ съ теченіемъ времени было замѣнено буквою ч. Въ глаголицѣ же всѣ буквы, кромѣ нѣсколькихъ послѣднихъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ цифрами: *а* = 1, *б* = 2, *в* = 3, *г* = 4 и т. д.

Большая часть буквъ кириллицы и глаголицы имѣли постоянно одно и то же значеніе и употребленіе, но нѣкоторыя въ разныхъ памятникахъ употреблены разно, едва ли не потому, что ихъ зна-

ченіе еще не успѣло установиться. Это—кирилловскія ѧ и ѧ, глаголическія ѥ и ѩ.

Кирилловское ѧ въ Листкахъ Ундольскаго (не знающихъ іотированныхъ гласныхъ) употребляется и въ значеніи не іотированнаго а, и въ значеніи ы; Саввино Евангеліе и Супрасльская рукопись знаютъ эту букву въ значеніи ы; Хиландарскіе же Листки и Остромирово Евангеліе ставятъ ѧ только послѣ согласныхъ и отличаютъ его отъ ы.

Кирилловское ѧ въ Саввиномъ Евангеліи и Супрасльской рукописи имѣетъ значеніе не іотированнаго гласнаго и ставится послѣ согласныхъ; въ Хиландарскихъ Листкахъ оно означаетъ ы. Кирилловское ѧ, находящееся въ Саввиномъ Ев., — варіантъ ѧ, имѣющій одно съ нимъ значеніе.

Глаголическое ѥ въ Зографскомъ, Ассемановомъ и Маріинскомъ Евангеліяхъ, въ Синайскомъ Требникѣ и въ Клоцовомъ Сборникѣ имѣетъ значеніе не іотированнаго а; въ Синайской же Псалтыри эта буква употреблена почти исключительно въ словѣ ангелъ, на мѣстѣ согласнаго н (67, 69, 205, 215, 302).

Глаголическое ѩ въ тѣхъ памятникахъ, гдѣ ѥ = ѧ, означаетъ ы; въ Синайской же Псалтыри оно имѣетъ значеніе какъ іотированнаго, такъ и не іотированнаго а, т. е. обыкновенно употреблено въ значеніи ѧ.

Гласные. Кирилловское ѧ, глаголическое ѧ означало звукъ *а* въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ не имѣлъ передъ собою *j* или мягкаго согласнаго. Судя по тому, что греческое α словъ въ родѣ σατανᾶς, παράδεισος, Λάζαρος нерѣдко передается въ церковно-славянскихъ памятникахъ черезъ *о*: сотона, порода, Лазорь,—церк.-слав. *а* было звукомъ рѣзкимъ и очень открытымъ.

Кирилловское ѩ, употребляющееся въ Саввиномъ и Остромировомъ Евангеліяхъ, въ Супрасльской рукописи и въ Хиландарскихъ Листкахъ, означало *а* съ предшествующимъ *j*: ѩко = *ја*ко, или мягкимъ согласнымъ: ныѭ.

Кирилловское ѥ, глаголическое ѣ означало звукъ *е*, который, повидимому, нерѣдко звучалъ закрыто и, сверхъ того, былъ близокъ къ современному великорусскому и ново-болгарскому *е*, въ томъ от-

ношеніи, что произносился мягко и постоянно имѣлъ передъ собою мягкій согласный. Вслѣдствіе этого въ церковно-славянскихъ памятникахъ нѣтъ стремленія различать **є** и **ꙗ**=*je*, и послѣдняя буква неизвѣстна въ глаголическихъ памятникахъ и мало употребительна въ кирилловскихъ. Изъ послѣднихъ Листки Ундольскаго ея совсѣмъ не знаютъ: въ Саввиномъ Евангеліи она является всего нѣсколько разъ, а въ Хиландарскихъ Листкахъ—два раза (послѣ гласной); но Супрасльская рукопись употребляетъ **ꙗ** почти постоянно въ началѣ словъ и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ: **ꙗ**ште, ко**ꙗ**му, знамени**ꙗ** и т. п., вполнѣ сходно съ Остромировымъ Евангеліемъ и другими древне-русскими памятниками. Старшіе средне-болгарскіе памятники или совсѣмъ не знаютъ **ꙗ**, или употребляютъ его рѣдко; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, вмѣсто **ꙗ**, въ значеніи **ꙗ** пишется особое большое *є* (Болонская Псалтырь, Охридскій Апостолъ), встрѣчающееся также въ древне-русскомъ письмѣ (Реймское Евангеліе, Галицкое Евангеліе 1143 г.).

Супрасльская рукопись показываетъ, что церковно-славянское *є* въ началѣ словъ и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ обыкновенно имѣло передъ собою *j*: **ꙗ**му, ко**ꙗ**го. Но кажется, было нѣкоторое количество случаевъ отсутствія *j* передъ *е* въ окончаніяхъ формъ членныхъ прилагательныхъ, формъ 3-го л. ед. ч. настоящаго врем. и т. п. По крайней мѣрѣ формы въ родѣ добр*аа*го, добр*ъ*ѣмъ, подоб*аа*тъ предполагаютъ существованіе формъ добр*ае*го, добр*ъ*ѣмъ, подоб*ае*тъ, съ *е* безъ *j*. Сверхъ того, нѣсколько словъ въ Супрасльской рукописи, вмѣсто **ꙗ**, изрѣдка, безъ послѣдовательности, имѣютъ въ началѣ *е*: *е*и, *е*да, *е*зеро, *е*лико, *е*ша, *е*ште, *е*стъ, *е*ста (дв. ч.), *е*му, *е*и (дат. п.) и т. п.

То же въ Остромировомъ Евангеліи и во многихъ другихъ древне-русскихъ памятникахъ: *е*и, *е*да, *е*дъва, *е*зеро (О. Е. 89, 99), *е*теръ, *е*ще (при **ꙗ**ще) и друг.; срв. русск. муромск. эщо и польск. областн. *e*szcze.

Вѣроятно, въ большей части этихъ случаевъ церковно-славянскій языкъ имѣлъ *е* безъ предшествующаго *j*, т. е. *е* близкое къ современному русскому *э* въ этотъ.

Немногіе находящіеся въ церковно-славянскихъ памятникахъ случаи употребленія *и* вмѣсто *е* и на оборотъ, не смотря на то, что они иногда совпадаютъ съ обычнымъ въ современныхъ болгар-

скихъ говорахъ произношеніемъ не ударяемаго *е* (изъ древняго *е* и изъ *ѧ*) какъ *и*,—должны быть считаемы за ошибки или описки.

Кирилловскія о, ѡ, глаголическія ϑ, Ϙ означали одинъ звукъ *о*. Это былъ въ большинствѣ случаевъ звукъ открытый, подобный ударяемому *о* въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ, приближавшійся болѣе къ *а*, чѣмъ къ *у*, и казавшійся грекамъ похожимъ на *а*: ζάκανον = законъ, σϑλαβηνοι = словѣне, Πειραγαστός = Пирогость. Вслѣдствіе этого греческое *α*, нерѣдко произносившееся закрыто, иногда передавалось славянами черезъ *о*: порода = παραδεισος, полата = παλάτιον, сотона = σατανᾶς, поганъ = παγανός, paganus (сравни у сирійцевъ: konūnō = κανών, īsogōgī = εἰσαγωγή и т. п.), а греческое *о*, особенно изъ ѡ, въ тѣхъ случаяхъ, когда оно произносилось также закрыто, близко къ *у*, иногда передавалось славянскимъ *у*: въ притворѣ соломуни Зогр. Ев. 156, румьскаго Асс. Ев. 119 = ῥωμαῖος, ікуня Син. Пс. 154 = εἰκών, работы фарауша Син. Тр. 9, урарь ὡράριον 70, кпискупъ Супр. р. 38 (сравни у сирійцевъ: konūnō = κανών, hīgmūnō = ἡγεμών, hedjūtō = ἰδιώτης).

Рядомъ съ открытымъ *о* въ церковно-славянскомъ языкѣ эпохи памятниковъ, повидимому, уже существовало *о* закрытое, то, которое слышится въ современныхъ болгарскихъ говорахъ и которое, особенно при отсутствіи ударенія, можетъ звучать близко къ *у*. Церковно-славянскіе памятники не представляютъ данныхъ, которыя бы свидѣтельствовали объ существованіи закрытаго *о*: тъкъмy Зогр. Ев. 62, быть можетъ,—образованіе отличное отъ тъкъмо; убy=убо, пуучатиса=поучатиса, грубу=гробу Мар. Ев. 228, 294, 308 (какъ и помилои = помилуи, оченикь, охо) - едва ли не простыя описки. Но одинъ средне-болгарскій памятникъ — Евангеліе Григоровича XII вѣка—имѣетъ рядъ случаевъ употребленія *у* вмѣсто *о*, совершенно согласнаго съ ново-болгарскимъ произношеніемъ: убидѣлъ 21 об., агтелумъ 45 об. (дат. мн.), рутитиса 67. Сверхъ того, въ средне-болгарскомъ Карпинскомъ Ев. XIII в. (Хлудова, № 28) мы читаемъ: вьзрадуватиса 7.

Буква ѡ, Ϙ въ однихъ памятникахъ употребляется рядомъ съ *о*, безразлично и въ греческихъ, и въ славянскихъ словахъ (Листки Ундольскаго); въ другихъ же мы ее видимъ только въ словахъ греческихъ, обыкновенно на мѣстѣ греческаго ѡ: Соломѡнъ, Мѡси

Зогр. Ев. 6, 49, Ѳеодѡръ Супр. р. 47, Фараѡнъ, Иѡсифъ 57, Иѡаннъ Остр. Ев. 4 и т. п.

Кирилловскія н, і, ї, глаголическія ⊗, Ч, Ж произносились одинаково и въ кирилло-меѳодіевскую эпоху исторіи церковно-славянскаго языка постоянно означали гласный звукъ *и*. Древне-русскія нотныя книги знаменной системы всегда имѣютъ надъ буквою *и* нотный знакъ, все равно, соотвѣтствуетъ ли это *и* современному русскому *и*, или современному русскому *й*, *j*; въ нотныхъ книгахъ кондакарной системы мы нерѣдко находимъ повтореніе буквы *и* въ формахъ, напримѣръ, имен. п. ед. ч. муж. р. (тво*и*), что, безъ сомнѣнія, указываетъ на гласное произношеніе этой буквы; въ стихотвореніи Константина Болгарскаго *и* всегда составляетъ слогъ.—Въ эпоху дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ памятниковъ буквы *и*, *ꙋ*, *і* въ нѣкоторыхъ случаяхъ, главнымъ образомъ въ концѣ словъ, могли означать уже не гласный звукъ *и*, а согласный *j*, такъ какъ формы, напримѣръ, имен. п. ед. ч. муж. р. (кра*и*, сво*и*) въ эту эпоху произносились—какъ въ современномъ русскомъ языкѣ—съ *j* на концѣ (кра*j*, сво*j*).

Нѣкоторые церковно-славянскіе памятники употребляютъ буквы *и*, *ꙋ*, *і* безразлично; таковы Ассеманово Евангеліе и Синайская Псалтырь; въ другихъ памятникахъ *и*, *ꙋ*, *і* отличаются другъ отъ друга и ставятся каждое въ извѣстныхъ случаяхъ (впрочемъ, безъ строгой послѣдовательности); такъ, въ Зографскомъ Евангеліи *и* обыкновенно ставится послѣ согласныхъ, а *ꙋ*, *і* въ началѣ словъ и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ; Саввино Евангеліе имѣетъ *и* послѣ согласныхъ и въ началѣ словъ, а *і* послѣ гласныхъ: фарисе*і*, сво*і*мъ, да *і* сынъ тво*і* и т. п.; въ Супрасльской рукописи обыкновенно употребляется *и*, а *і* встрѣчается изрѣдка послѣ *и*: третии, прии́мѣте, и *і*шедъ и т. п.; Остромирово Евангеліе ставитъ *і* очень рѣдко, главнымъ образомъ въ концѣ строки, при недостаткѣ мѣста для *и*.

По всей вѣроятности (употребленіе *и*, *ꙋ*, *і* не позволяетъ дѣлать никакихъ выводовъ), звукъ *и* въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ очень часто имѣлъ передъ собою *j* (сво*и*мъ = сво*j*и́мъ), а болѣе или менѣе часто *j* находился и передъ начальнымъ *и* (*и*мъ, можетъ быть, = *j*и́мъ).

Кирилловскія оу, ѹ, глаголическое ⰑⰒ означали звукъ *у*. Этотъ звукъ, вѣроятно, тожественный съ современнымъ русскимъ и болгарскимъ *у*, въ церковно-славянскомъ языкѣ не приближался къ *в*, точно также какъ и *в* не приближалось къ *у*. Вслѣдствіе этого на *въ* въ словѣ *въ*годьнъ и родственныхъ (Син. Требн.: благо*въ*годьнѣ 110; Супр. р.: *въ*годившимъ 121. *въ*годивъ 206. *въ*гаждании 123. *въ*гаждати 206, *въ*годьникъ 142. 144. 152 и друг.; Святославовъ Сборн. 1073 г.: *въ*годьно 82, *въ*годіть 85 об., *въ*годити 91 об., *въ*гожьша 91; Слова Григ. Богослова XI в.: *въ*гожда. благо*въ*годьны. *въ*годьно: Синодальн. Кормчая XII в. № 227; Богословіе Іо. Дамаскина XII в. и др.) и на *у* въ словѣ *у*селеная и родственныхъ (Син. Псалт. 29, 69, 202, 208, 216; Маріинск. Ев. 196; Святославовъ Сб. 1073 г.: *у*селенуѫ 9 об., *у*селеную 55 об., *у*селѥныя 17. -ѣи 18, *у*селяться 37; Слова Григорія Бог.: *у*селѥная. -ѣи. *у*селишися) — слѣдуетъ смотрѣть какъ на префиксы *въ* и *у*.

Мы уже указали, что церковно-славянское *у* иногда передавало *ѳ* греческихъ словъ.

Кирилловское ю, глаголическое ⰐⰓ изображало собою звукъ *у* съ предъидущимъ *j* (въ началѣ словъ и въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ) или мягкимъ согласнымъ (послѣ согласныхъ); такимъ образомъ церковно-славянское *ю*тро = *jу*тро, *люблѭ* = *л'у*блѭ (*л'*—*л* мягкое).

Кирилловское ъ, глаголическое ⱏ въ кирилло-меѳодіевскую эпоху исторіи церковно-славянскаго языка п о с т о я н н о означало звукъ. Древне-русскія нотныя книги знаменной системы имѣютъ нотный знакъ надъ каждою буквою *ъ*; въ нотныхъ книгахъ кондакарной системы эта буква нерѣдко повторяется, что указываетъ на произношеніе ея наравнѣ съ другими гласными буквами; въ стихотвореніи Константина Болгарскаго каждый *ъ* составляетъ слогъ. Въ послѣ-кирилло-меѳодіевскую эпоху, эпоху дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ памятниковъ, *ъ* часто былъ только буквою и не означалъ никакого звука, такъ что во многихъ случаяхъ его роль была одинакова съ ролью *ъ* въ современномъ русскомъ письмѣ.

Звукъ, изображавшійся этою буквою, въ кирилло-меѳодіевскую эпоху отличался отъ звука *о*, но былъ до извѣстной степени близокъ къ нему. Вслѣдствіе этого въ послѣдующую эпоху онъ въ из-

вѣстныхъ случаяхъ перешелъ въ *о*: сонъ (изъ сънъ), вонъ (изъ вънъ), *со* мнои (изъ съ—) и т. п. Вѣроятно, ъ былъ глухимъ *о*, часто болѣе короткимъ, чѣмъ *о* и большая часть другихъ гласныхъ звуковъ. Современные болгарскіе говоры нерѣдко имѣютъ на мѣстѣ церк.-слав. ъ глухой звукъ, передаваемый на письмѣ буквами ъ и а и звучащій въ однихъ изъ нихъ сходно съ нѣмецкимъ *ö* (если это послѣднее произнести гортанно), въ другихъ—какъ глухое или даже чистое *а*.

Кстати должно замѣтить, что писцы церковно-славянскихъ памятниковъ, подобно своимъ древне-русскимъ собратьямъ, имѣли обыкновеніе при переносѣ словъ дополнять строку буквою ъ (или ь), ставя ее послѣ согласной: къвасу Савв. Ев. 46, осъновалъ Син. Пс. 226, цѣрькъве Мар. Ев. 37 (зърьно Савв. Ев. 50, мьртвъ 55, жьрьдьми 87, оскъврьнатса 103). Конечно, въ приведенныхъ написаніяхъ эта буква не имѣла никакого звуковаго значенія.

Кирилловскія ы, ъи (рѣдко; Супр. рук.), ы (рѣдко; Супр. рук.), глаголическія ⱏ, ⱐ, ⱓ (рѣдко; Син. Пс.) передавали звукъ если не тожественный съ современнымъ русскимъ и польскимъ *ы* (мы не знаемъ качества *ы*, существующаго въ нѣкоторыхъ ново-болгарскихъ говорахъ; Изв. Спб. Слав. Общ. 1888 г. № 9),—то во всякомъ случаѣ близкій къ нему и до извѣстной степени сходный съ *и*. Вслѣдствіе этого послѣ *р* въ церковно-славянскихъ памятникахъ мы нѣсколько разъ находимъ *и* на мѣстѣ *ы*: рибѣ Зогр. Ев. 57; рибѣ, рибиць Савв. Ев. 20 (при рыбѫ 21), гризетъ 44, отъкрити 131; покриваше Клоц. Сб. 2, покриетъ 4, съкрити 24, крилса 24 (при упокрыты Савв. Ев. 78, захарыино Син. Тр. 28, фарысѣи Кл. Сб. 10). Сравни въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 года: прикриваѥ 185, риба 251. Нѣсколько случаевъ *и* вмѣсто *ы* и на оборотъ: изици Син. Пс. 191, въ изіцѣхъ 212, ликуими Супр. рук. 236 (1 л. мн.), власфымлѣетъ Асс. Ев. 49, потрѣбытъса Син. Пс. 12, крьвьи 49 (род. п. ед.), иноплеменьныкы 96, о несъмысльни жидовине Клоц. Сб. 1, — не внушаютъ въ себѣ довѣрія и похожи на описки; *ы* въ Магъдалыни Остр. Ев. 17 об., псалтырь и т. п. обязано своимъ происхожденіемъ аналогіи исконныхъ славянскихъ словъ на ыни и ырь (пустыни, пустырь).

Единичный случай употребленія *оі* вмѣсто *ы* въ Саввиномъ Еван-

геліи: ѥзоіѥмъ 138 (сравни въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.: помоіѥлиться 13),—безъ сомнѣнія, описка.

Тѣ же буквы означали также сочетанія ъ и и, вслѣдствіе чего иногда представляется затруднительнымъ рѣшить, какъ въ томъ или другомъ мѣстѣ слѣдуетъ ихъ читать.

Кирилловское ь, глаголическое ⷌ въ кирилло-меѳодіевскую эпоху п о с т о я н н о означало гласный звукъ: подобно ъ, оно всегда имѣетъ надъ собою ноту или повторяется въ древне-русскихъ нотныхъ книгахъ и составляетъ слогъ въ стихотвореніи Константина Болгарскаго; въ эпоху дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ памятниковъ буква ь играла ту же роль, что и ъ, т. е. иногда, будучи безъ ударенія, была только буквою. Звукъ, передававшійся ь-ремъ, первоначально былъ близокъ къ е: отсюда нерѣдкій переходъ его въ е: день (изъ дьнь), шедъ (изъ шьдъ), весь (изъ вьсь). Послѣ звукъ ь слился съ ъ, т. е. сталъ произноситься какъ глухое о: шьдъ Савв. Ев. (изъ шьдъ); вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ и въ большей части старшихъ средне-болгарскихъ памятниковъ мы встрѣчаемъ безразличное употребленіе буквъ ъ и ь, съ преобладаніемъ то той, то другой буквы: Слѣпченскій Апостолъ XII в. имѣетъ только ъ. Современные болгарскіе говоры (если не всѣ, то большая часть) не знаютъ особаго звука ь и на мѣстѣ церковно-славянскаго ь имѣютъ тотъ же глухой гласный, который въ нихъ слышится на мѣстѣ церковно-славянскаго ъ.

Кирилловское ѣ, глаголическое ⷑ означаетъ въ разныхъ церковно-славянскихъ памятникахъ разные звуки.

Глаголическіе памятники и кирилловскіе Листки Ундольскаго (также нѣсколько старшихъ кирилловскихъ средне-болгарскихъ памятниковъ: Слѣпченскій Апостолъ XII в., Македонскій Апостолъ XIII в., Парижскій Стихирарь XIII в.) не знаютъ ѣ и употребляютъ ѣ безразлично на мѣстѣ какъ ѣ другихъ славянскихъ языковъ (въ томъ числѣ русскаго), такъ и я. Такимъ образомъ мы въ нихъ читаемъ: брѣгъ, сѣсти и пѣко, свѣтъ, волѣ (им. ед. женск. р.). Значеніе здѣсь ѣ можетъ быть опредѣлено на основаніи слѣдующихъ данныхъ:

1) Глаголическіе памятники чрѣдко имѣютъ рядомъ сѣѣти и сѣати, добрѣѣ (им. мн. ср. р.) и добраа, чѣсъ и часъ и т. п., такъ что

въ нихъ *ѣ* чередуется съ *а* и находится къ *а* въ томъ самомъ отношеніи, въ какомъ въ Саввиномъ и Остромировомъ Евангеліяхъ находится ѧ къ *а*: сѣѧти и сѣати, добраѧ и добра*а*. Изъ этого видно, что глаголическое *ѣ* отличается отъ *а* только отсутствіемъ *j* или мягкости въ предъидущемъ согласномъ.

2) Тѣ же памятники и Листки Ундольскаго нерѣдко имѣютъ въ греческихъ словахъ *ѣ* на мѣстѣ *а*: дьѣволъ, Иродьѣда, Каіѣфа, Иѣковъ. Сравненіе этихъ написаній съ написаніями въ родѣ Іюда показываетъ, что въ нихъ *ѣ* вполнѣ соотвѣтствуетъ *ю* и отличается отъ *а* греческихъ написаній только нахожденіемъ передъ нимъ *j*.

3) Въ нѣкоторыхъ глаголическихъ памятникахъ *е* при ассимиляціи съ *ѣ* переходитъ въ *а*. Такъ, въ Ассемановомъ Евангеліи мы находимъ формы мѣстнаго пад. ед ч. прилагательныхъ членныхъ: вѣчнѣ*а*мъ 14, 16, 33, друзѣ*а*мъ 45, небесьнѣ*а*мъ 47, грѣшьнѣ*а*мъ 92; въ Маріинскомъ Евангеліи мы встрѣчаемъ не разъ формы 3-го лица ед. числа настоящаго времени: авлѣ*а*тъ, оставлѣ*а*тъ, кланѣ*а*тъ и т. п. и форму сравнительной степени добрѣ*а* (=добрѣ*е*). Здѣсь *а*, несомнѣнно, образовалось изъ *е* вслѣдствіе ассимиляціи *е* съ предшествующимъ *ѣ*. Этотъ послѣдній, ассимилируя съ собою *е*, могъ превратить его въ *а* только въ томъ случаѣ, если самъ звучалъ какъ *а*, т. е. означалъ ѧ.

4) Глаголическая Синайская Псалтырь и нѣкоторые средне-болгарскіе памятники изрѣдка имѣютъ *а* вмѣсто *ѣ* послѣ согласныхъ: Синайская Псалтырь: наслѣдъствующіи 5 =наслѣд—, наслѣдиші 184, прѣвратї 172, прѣвратішасѧ 174, погрѣбаѣі 176, врѣмѧ 183; кирилловскій средне-болгарскій Слѣпченскій Апостолъ XII в., совсѣмъ не знающій ѧ: *сѣмо* 5 =*сѣмо*; кирилловскій средне-болгарскій Македонскій Апостолъ XIII вѣка, почти не знающій ѧ и употребляющій вмѣсто него *ѣ*: вѣроваша = вѣр—, зѣло = зѣло, ноз*а* (дат. ед.), чрѣво, оцѣстити, рѣц*а* (дат. ед.), рьцѣте (2 л. мн.), чрѣво и т. п. (еще: прямѣдро, о Христѣ).

5) Кирилловскій средне-болгарскій Паремейникъ Григоровича XII—XIII в., найденный въ Македоніи, употребляетъ *ѣ* и ѧ безразлично, ставя одну букву вмѣсто другой безъ всякой послѣдовательности и, очевидно, въ одномъ и томъ же значеніи: ржкотворенаѣ (им.-вин. множ. ср. р.), распаденіѣ, бытиѣ и дѣлати = дѣлати, вѣси = вѣси, вѣнецъ, главѣ (дат. ед.), себѣ (дат. ед.), посрѣдѣ, врѣмѧ и т. п.

Сходное употребленіе ѫ встрѣчается также въ сербскихъ рукописяхъ, списанныхъ съ средне-болгарскихъ оригиналовъ: въ Мирославовомъ Ев. конца XII в.: о свѣтꙗ = о свѣтѫ. в мірѣ бꙗ (рядомъ: ѫко, испльнениѫ, вьсиѫ, и т. п.); въ Синаксарѣ 1330 г.: млякомь, разгнявав се, съвлꙗче. повелꙗ (аор.), повеляніе. оделяютъ (=одолѣетъ), руца (дв.), крѣпца (Іаманскій. О славянскихъ рукописяхъ... въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, 20—21).

Эти данныя показываютъ, что ѫ глаголическихъ церковно-славянскихъ памятниковъ и Листковъ Ундольскаго произносилось одинаково съ ѫ, а и означало а съ предъидущимъ j: ѫко, или съ мягкимъ согласнымъ. Нѣкоторые изъ южныхъ говоровъ современнаго болгарскаго языка, употребляемые въ мѣстахъ недалекихъ отъ Солуня (напр. римѣръ, говоръ рупаланъ), на мѣстѣ глаголическаго ѫ постоянно имѣютъ я: гряшенъ = грѫшьнъ, дява = дѫва, дяте = дѫтѧ, ряка = рѫка. Очевидно, эти говоры сохранили въ себѣ одну изъ особенностей кирилло-меѳодіевскаго языка.

Можетъ показаться, что противъ признанія ѫ глаголическихъ памятниковъ равнымъ я говоритъ употребленіе ѫ на мѣстѣ греческихъ αι и ε (особенно αι), распространенное въ нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ (особенно въ Зографскомъ Евангеліи): Галилѫя Γαλιλαίᾳ, фарисѫи φαρισαῖος, Тадѫи Θαδδαῖος, Вельзѫволъ Βεελζεβούλ, иерѫи ἱερεύς, Назарѫтъ Ναζαρέτ Зогр. Ев., трапѫза Кл. Сб., ефимѫрие ἐφημερία Мар. Ев., рядомъ съ которымъ мы находимъ въ тѣхъ же памятникахъ (и особенно въ Ассемановомъ Евангеліи) е: Галилея, фарисеи, иереи и т. д. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ славянскою передачею греческаго е, которое въ IX—X вѣкахъ иногда произносилось открыто, до нѣкоторой степени приближаясь къ церковно-славянскому а (на это указываетъ, между прочимъ, постоянная замѣна древне-греческаго ε въ началѣ словъ новогреческимъ α: др.-греч. ἐργάτης—нов.-греч. ἀργάτης); это греческое е, не имѣя себѣ соотвѣтствующаго звука у славянъ, произносившихъ ѫ какъ я, передавалось ими приблизительно, сходными звуками, — то е, то ѫ = я (сравн. современную нашу передачу англійскаго *th* приблизительно — то черезъ *т*, то черезъ *с*: Smi*th* = Смитъ = Смисъ).

Равнымъ образомъ можетъ показаться, что противъ признанія глаголическаго ѫ = я говоритъ встрѣчающееся въ глаголическихъ памятникахъ употребленіе ѫ вмѣсто и и на оборотъ. Но число слу-

чаевъ постановки *ѣ* вмѣсто *и* и на оборотъ совсѣмъ незначительно: облацѣ Син. Пс. 29, врагѣ 201 (им. мн.), въ олѣѣ 207, моленѣѣ 257, въ крови своемъ 51, нозi 151 (дв. ч.), къдѣ есть богъ ихъ 117 (= къдѣ?), въ сынѣ сватѣи 137, сотьримъ Син. Тр. 180, и между ними одни — ошибки или описки, другіе, быть можетъ, — особыя формальныя образованія. Какъ бы то ни было, они не позволяютъ намъ дѣлать никакихъ заключеній объ качествѣ глаголическаго *ѣ*.

Изъ числа кирилловскихъ памятниковъ Саввино Евангеліе довольно рѣзко отличаетъ *ѣ* отъ ѧ. Буква ѧ стоитъ въ немъ въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ: ѧко, ѧстъ, достоѧше, напаѧетъ и т. п.; сверхъ того, мы видимъ эту букву послѣ *н*: нынѧ 2, ближнѧго 9, кланѧшеса 24, вышнѧго 38 и др. (рѣдко *ѣ*: испльнѣѣса 140). Иногда ѧ стоитъ въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ рядомъ съ *ѣ*, напр. въ глаголѣ ѣсти и производныхъ, такъ что мы имѣемъ и ѧсти, и ѣсти. — Буква *ѣ* постоянно употреблена послѣ согласныхъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она употребляется въ современномъ русскомъ языкѣ, и кромѣ того, тамъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ слышится *я*, именно послѣ *л* и *р*: волѣ 8, 59, землѣ 30, тьлѣ 44 (имен. ед.), кораблѣ 21, учителѣ 37 (род. ед.), дѣлѣ 74 = дѣля, помышлѣти 31 и др.; морѣ 21, чрѣва матерѣ 24 (род. ед.), съмѣрѣѥіса 52 и др.

Писецъ Супрасльской рукописи также рѣзко различалъ *ѣ* и ѧ, но онъ, повидимому, списывалъ съ оригинала, имѣвшаго правописаніе Листковъ Ундольскаго. Отсюда у него отсутствіе строгой послѣдовательности — съ одной стороны частое употребленіе ѧ въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ и нерѣдкая постановка ѧ послѣ *н*, *л*: вышнѧаго, поклонѧахжса, измѣнѧѥса, нынѧ; мѫчителѧ 4, промышлѧи 9, молѧше 12, казателѧ 37; съ другой — *ѣ* тамъ, гдѣ мы ожидали бы ѧ: бѣѣше, видѣѣхѫ, огнѣ 4, 5 (род. ед.), измѣнѣаше 9, поклаѥѣвѣса 9, поставлѣѣ 36, капѣѣми 37, звѣрѣ 32, 36, прѣтварѣшеса и т. п. (цасару 142 и бесадамъ 268, — вѣроятно, описки).

Въ Хиландарскихъ Листкахъ употребленіе ѧ и *ѣ* не сходно съ употребленіемъ ихъ ни въ Саввиномъ Евангеліи, ни въ Супрасльской рукописи; мы читаемъ въ нихъ съ одной стороны: ѧко, кръщенѧ, дѧволь, съ другой: — уподобѣѣса, нынѣшьнѣа (множ. ср. р.), полѣзѣ (имен. ед.), т. е. находимъ ѧ постоянно въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ, а *ѣ* также постоянно послѣ всѣхъ согласныхъ.

Остромирово Евангеліе обыкновенно употребляетъ ѧ (съ его замѣною а) и ѣ согласно съ русскимъ употребленіемъ звуковъ *я* и *ѣ*, но въ немъ сохранены нѣкоторыя черты его церковно-славянскаго оригинала, бывшаго по правописанію похожимъ на Саввино Евангеліе: молѣахѫ 86, 95, помышлѣѥте 130, творѣаше 287, ближьнѣаго 77, вышьнѣаго 88 и др.

Изъ этого обзора употребленія ѧ и ѣ въ кирилловскихъ памятникахъ можно вывести только то заключеніе, что писцы этихъ памятниковъ различали по значенію ѧ и ѣ, т. е. что звуки, изображавшіеся этими буквами, не казались имъ тожественными, хотя не казались и рѣзко отличавшимися другъ отъ друга. По всей вѣроятности, звукъ ѣ былъ для нихъ открытое мягкое *е*, въ значительной степени приближавшееся къ *а* и рѣзко отличавшееся отъ *е*, то *е*, которое во многихъ говорахъ современнаго болгарскаго языка (особенно въ восточныхъ) въ однихъ случаяхъ, подъ удареніемъ и передъ твердыми согласными, перешло въ *я*: вя́ра = вѣра, въ другихъ превратилось въ обыкновенное *е*: веришъ = вѣришь.

Во всякомъ случаѣ ѣ въ кирилловскихъ памятникахъ не могъ смѣшиваться съ *е*, почему въ нихъ (кромѣ прѣждѣ Савв. Ев. 89, сѣдмиѣ Супр. р. 414 и одного примѣра въ Остромировомъ Евангеліи: нѣсть 26, который, безъ сомнѣнія — руссизмъ) мы не находимъ замѣны ѣ черезъ *е* или на оборотъ. Эта замѣна — большая рѣдкость даже въ старшихъ средне-болгарскихъ памятникахъ, и изъ нихъ мы можемъ указать ее только въ Охридскомъ Апостолѣ XII вѣка: бе 6 об., въ . . . июдеистеи 7.

Само собою разумѣется, *е* вмѣсто ѣ и ѣ вмѣсто *е* въ глаголическихъ памятникахъ: тѣмь Асс. Ев. 67, сѣверъ Син. Пс. 197, съвѣдетельствуетъ Кл. Сб., благовѣщьшаго, слово твоѣ Син. Тр. 14, 66, агарѣнѣ Син. Пс. 185,— простыя описки, большая часть которыхъ произошла отъ употребленія писцомъ вмѣсто одной буквы— другой, съ нею сосѣдней; всѣлѣетъ Син. Тр. 84, 89 — глагольная форма отличная отъ формы въселяетъ (сравн. чешск. přesídliti); окамѣнилъ Зогр. Ев. 161, Асс. 34, Мар. 369—глагольная форма отъ прилагательнаго камѣнъ, отличная отъ глагольной формы отъ существительнаго камы, камень; сравни въ средне-болгарскомъ Евангеліи Григоровича XII в.: окамѣни 29, и въ средне-болгарскомъ Паремейникѣ Григоровича XII—XIII вв.: камѣниа (Срезневскій, Пам. 261).

Какъ бы ни произносился *ѣ*, во всякомъ случаѣ этотъ гласный, находясь въ началѣ словъ и въ срединѣ словъ послѣ гласныхъ, повидимому, постоянно имѣлъ передъ собою *j*. Единственный памятникъ, имѣющій іотированный *ѣ*, — древне-русскій Святославовъ Сборникъ 1073 года, ставитъ эту букву, безъ особой послѣдовательности, именно тамъ, гдѣ на нашъ взглядъ необходимо присутствіе *j*: ѣсти 52, 160 об. и др., всеѣдьство 61, о своитьнѣѣмь 231 об., о творитьнѣѣмь 232 и т. п.

Кирилловское ѫ, глаголическое ⱑ означало гласный носовой звукъ. На это указываютъ какъ написанія церковно-славянскихъ памятниковъ въ родѣ сѫдарь = σουνδάριον, пѫтьскъ = πόντιος Син. Тр. 90, Лѫгинъ = Λογγῖνος Остр. Ев., гдѣ черезъ ѫ передаются греческія συν, σν, такъ и существованіе во многихъ (преимущественно южныхъ и юго-западныхъ) болгарскихъ говорахъ на мѣстѣ церковно-славянскаго ѫ небольшаго количества носовыхъ гласныхъ: бѫндешъ = бѫдеши, гѫмба = гѫба, дѫмбъ = дѫбъ, сѫмбота = сѫбота. Сравни также скѫндѣлникъ, въ скѫндѣлъныхъ съсѫдѣхъ, скѫнделъни въ средне-болгарскомъ Слѣпченскомъ Апостолѣ XII в. и церк.-слав. сѫдѣлъ.

Повидимому, ѫ церковно-славянскихъ глаголическихъ памятниковъ былъ носовымъ *о*, какъ можно догадываться 1) на основаніи состава глаголической буквы ⱑ, представляющей соединеніе глаголическаго ⱁ = *о* съ глаголическимъ ⱔ, которое въ Синайской Псалтыри нѣсколько разъ употреблено вмѣсто *н* въ словѣ ангелъ, и 2) на основаніи употребленія изрѣдка *о* вмѣсто ѫ и на оборотъ: іно Зогр. Ев. 74 (вин. ед. женск.; также: приджша 54); бѣахо Асс. Ев. 4, градощааго 16; можемъ Син. Пс. 30, порогашася 40, искоштеимъ 45, оскодѣ 58, оскодѣша 203, въ гослехъ 63, одесноѫ 97, зълобо 110 (вин. п.), глумлѣхося 139, въ добровѣ 156, локъ 161, 174, помѣношя 171, поть 179, поті 181, сътожаѫштася 182, 235, омотіхъ 195, роками 216, законопрѣстопленіе 219, молітво 221, 239, 246, умодріть 231, проси 232, 248, помѣно 239, заблодіша 238 (также: жржьѣ Син. Пс. 26, жржъемь 96, подѫ мноѫ 32, жтрѫба 58, възѫвѫть 182, сѫбоѫ 192); озоѫ Син. Тр. 19, отробѫ 152 (также: жржиѣ 53, нѫжа = ножа 177); новоѫ пѣснь Клоц. Сб. 1, могоште 2, вьсѣко правъдѫ, духовноѫ (вин. ед.) М. 10; бодетъ Мар. Ев. 15, 387, събодетъся 45, бодѫтъ 69, ржгахося 27, прикоснося 133, радоваахося

260, съмѣахо 291, содитъ 323, глаголаахо 345. Впрочемъ, изъ приведенныхъ случаевъ употребленія *о* вмѣсто ѫ многіе очень похожи на описки, а изъ случаевъ употребленія ѫ вмѣсто *о* едва ли даже одинъ заслуживаетъ полнаго довѣрія. Это *о* вмѣсто ѫ, указывающее, вѣроятно, на спорадическое ослабленіе носоваго элемента въ ѫ, имѣетъ себѣ полное соотвѣтствіе въ томъ *о*, которое мы находимъ въ южныхъ и западныхъ ново-болгарскихъ говорахъ на мѣстѣ церковно-славянскаго ѫ: добъ = дѫбъ, пото = пѫть, рока = рѫка, мошко дете = мѫжьско дѣтѫ.

Что до ѫ церковно-славянскихъ кирилловскихъ памятниковъ, то трудно сказать, какъ произносили этотъ звукъ ихъ писцы: *о* вмѣсто ѫ и на оборотъ въ нихъ почти не встрѣчается: сѫпрогъ Савв. Ев. 47, владыко Супр. рук. 388, 392 (дважды, вин. ед.), рекѫмѫѫ 142, пръстивѫ 333,—вѣроятно, описки. Позволительно догадываться, что въ нихъ ѫ могъ звучать какъ носовой ъ: по крайней мѣрѣ, въ среднеболгарскихъ памятникахъ ѫ сравнительно нерѣдко стоитъ на мѣстѣ ъ и слившагося съ нимъ ъ или замѣняется ъ-ромъ и ъ-ремъ: мѫзда Ев. Григоровича XII вѣка, 4 = ц.-сл. мъзда, въ стѫгнахъ 28, бѫдите 43 об. = бъдите, лѫжесвѣдѣтеле 66, тѫмницѫ 107 об. и друг.: възѫпилъ Охридскій Апостолъ 6 = възъпилъ.

Тѣ ново-болгарскіе говоры, въ которыхъ еще слышатся носовые гласные, имѣютъ на мѣстѣ церковно-славянскаго ѫ носовой ъ: гъмба = гѫба, дъмбъ = дѫбъ и т. п., а изъ другихъ говоровъ, утратившихъ ринезмъ въ гласныхъ безъ остатка, въ большей части церковно-славянскій ѫ замѣненъ или простымъ ъ (послѣдній передается иногда буквою ѫ), или замѣною ъ-ра — *а*: гъба, дъбъ, или габа, дабъ.

Большая часть церковно-славянскихъ памятниковъ имѣетъ въ томъ или другомъ количествѣ *у* (*ю*) на мѣстѣ ѫ (ѭ) и на оборотъ. Но это обстоятельство лишено всякаго значенія. Пять случаевъ въ Зографскомъ Евангеліи: отьнуду 17, отътуду 59, іnуду 155 = отьнѫду и т. д., градуштю 101, — на нашъ взглядъ, несомнѣнныя описки, происшедшія отъ повторенія писцомъ сосѣдней буквы. Малочисленные случаи въ Ассемановомъ Евангеліи: рѫкѫ твою 48, заповѣдаю 141; въ Синайской Псалтыри: пищю 131 (вин. ед.), паучина 203, искрьнѫму 70, рѫкѫ своею 175 (дв. ч.), рѫкѫ твоеѭ 206 (дв. ч.); въ Синайскомъ Требникѣ: трѣвѫ сѣкѫщю сѣмѧ 22, кыпѫщю водѫ 39, въ лущѣ 99, силою 169; въ Клоцовомъ Сборникѣ: богонаученуѭ 1,

жтробу 19 (вин. ед.), мѵцѣ 19, другуѭ М. 18, приду М. 22 (аор. 3 л. мн.); въ Супрасльской рукописи: имуштууму 279, гонезнути 331, дръзнувъ 342, минувъшу 442, кажушту 448, джшу — душѫ, — также внушаютъ къ себѣ мало довѣрія и весьма похожи на ошибки или описки.

Церковно-славянскій ѫ, будучи носовымъ гласнымъ, не вполнѣ соотвѣтствовалъ греческимъ ουν, ον — сочетаніямъ чистыхъ гласныхъ съ носовыми согласными, и потому въ немногихъ случаяхъ, въ родѣ пѫтьскъ, Лѫгинъ, мы изрѣдка находимъ прибавленіе къ ѫ согласнаго *н*, несомнѣнно въ цѣляхъ болѣе точной передачи греческаго произношенія. Такъ, въ Зографскомъ Евангеліи мы читаемъ: пѫн'тьскуму 42, 86; въ Супрасльской рукописи: при пѫнтьстѣмъ 131.

Кириловское ѭ, глаголическое ⱑ означало ѫ съ предъидущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ. Кое-гдѣ въ церковно-славянскихъ памятникахъ вмѣсто ѭ мы находимъ простой ѫ (между прочимъ, постоянно въ Листкахъ Ундольскаго).

Кирилловское ѧ (а), глаголическое ⱔ (ⱐⱔ) означало также носовой гласный звукъ, какъ показываетъ 1) передача черезъ ѧ въ церковно-славянскихъ памятникахъ греческихъ εμ, εν: септѧбрь=σεπτέμβριος, декѧбрь = δεκέμβριος, пѧтикостии (Остр. Ев. 54, Син. Тр. 114, 118) = πεντηκοστή и т. п., и 2) существованіе въ нѣкоторыхъ (южныхъ и юго-западныхъ) ново-болгарскихъ говорахъ, на мѣстѣ церк.-слав. ѧ, носоваго *е*: чендо = чѧдо, гренде = гѧде(тъ), *ензикъ* = ѧзыкъ и т. п.

Это былъ звукъ двоякаго качества, или, точнѣе, это было два разныхъ звука.

Въ однихъ случаяхъ онъ звучалъ какъ *е*, вслѣдствіе чего въ церковно-славянскихъ глаголическихъ памятникахъ изрѣдка встрѣчается съ одной стороны употребленіе, вмѣсто ѧ, простаго *е*: ужасише Зогр. Ев. 135, не етъ 151 = ѧтъ; езыцѣ Син. Пс. 2 = ѧзыци, на те 46, создашесѧ 64, отеготѣшѧ 80, възложетъ 109, наслѣдетъ 143 (3-е л. мн. ч.), единого те 147, поштедѣтъ 150, съпешті 194, одръжаше 195; начельниче Син. Тр. 95; — съ другой стороны постановка, вмѣсто *е*, носоваго ѧ: крьстѧштѧ ѧ Зогр. Ев. 46 (имен. мн. муж. р.), врѣмѧ своѭ 81, отѧмлѫштааго 92 = отем-, бѫштьдьнъ 125 = бештѧд-, довьлѧтъ 145 (3 л. ед.), не разумѣшѧ что бѣашѧ

ѣже глаголаша імъ 155 = бѣаше, глаголаше; Ефрамові Син. Пс. 167 (при Ефремъ 175), аа = ѧ 301; свое милосръдиа Син. Тр. 114. Само собою разумѣется, большая часть приведенныхъ примѣровъ (между прочимъ тѣ, гдѣ, какъ въ Синайской Псалтыри, *е* поставлено вмѣсто ѧ, такъ какъ послѣдняя буква есть не что иное, какъ ѧ = *е* + с = а) могутъ быть простыми описками.—То же употребленіе, вмѣсто а, простаго *е*, указывающее на ослабленіе или исчезновеніе въ а носоваго элемента, встрѣчается въ средне-болгарскихъ памятникахъ: Охридскій Апостолъ XII в.: творе 4, 15, прѣходе 14 об. (прич. наст.). Въ ново-болгарскихъ говорахъ мѣсто церковно-славянскаго а обыкновенно занято чистымъ *е*: чедо, *е*зикъ и др.

Въ другихъ случаяхъ церк.-слав. а звучалъ какъ *ъ*, т. е. или какъ *а* съ предъидущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ, или какъ звукъ близкій къ *а*. Это видно изъ изрѣдка встрѣчающейся замѣны его въ нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ памятникахъ черезъ *ъ*: съвъзавъше Мар. Ев. 105 = съваз—, грѣди 121 = гради (сѣдѣштемъ Мар. Ев. 35, вѣроятно, описка; на оборотъ: о глагола Асс. Ев. 149, на мастѣ Син. Тр. 120 = мъ—), которую мы находимъ также въ средне-болгарскихъ памятникахъ: славлѣ въ Болонской Пс. XII — XIII в.; висѣи въ Македонскомъ Ап. XIII в.; грѣди, -ѣте,—ы въ Карпинскомъ Ев. XIII в.; славлѣ, авѣ = ср.-болг. славла, ава = ц.-сл. славлѫ, авы (1 л. ед. ч.) въ Октоихѣ XIII в. Южнослав. Акад., и которая также не чужда современнымъ болгарскимъ говорамъ: впрягамъ = въпрагаамь, девятъ = девать, жатва = жатва, чадо = чадо и др. Сравни а на мѣстѣ греческаго αν: александровъ Мар. Ев. 181 = Ἀλέξανδρος, Костатиня града Остр. Ев. 270 об., Костятинъ др.-русск. Богословіе Іо. Дамаскина XII в. 3 = церк.-слав. *Костатинъ = Κωνσταντῖνος. Сравни также двоякую замѣну древняго а въ западныхъ сербскихъ (чакавскихъ) говорахъ — обычную черезъ *е* и рѣдкую черезъ *а* jačmik (= ц.-слав. ячьмы; Arch. für sl. Phil., V, 183).

Всѣ случаи замѣны а-са черезъ *и*, въ родѣ придѫтъ = прад- Зогр. Ев. 6, трисавице С. Тр. 91,—принадлежатъ къ числу описокъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобно тому какъ ѫ не вполнѣ соотвѣтствовалъ греческимъ ομ, ον, такъ и а не былъ тожественъ съ греческими εμ, εν. Отсюда написанія: Супрасльская рукопись: декамбра 216; Святославовъ Сборникъ 1073 г.: пѧтикостиѧ 147=πεντηκοστή, Костяѧтинъ 266; Реймское Евангеліе XI вѣка: ноямьбря 1 и т. п.

Кирилловское ѧ (д. а), глаголическое (въ нѣкоторыхъ глаголическихъ памятникахъ) Ⱁⰵ означало а съ предъидущимъ *j* или, рѣже, съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ іотація ѧ означала особенно сильную мягкость согласнаго. Она отмѣчена только въ Зографскомъ Евангеліи: десѧте 65, 100, сѣдѧште 129 (очень рѣдко), въ Синайскомъ Требникѣ: мѧ 52, сѧ 53 (очень рѣдко) и въ Ассемановомъ Евангеліи: лѧгѫ 77, 80, проклѧть 87, грѧдѫ 8, 13, 25, 37, 72 и др., обрѧщтете 59, сътрѧсе 72, зьрѧ 73, творѧть 87, имѧ 35, мѧсопусть 84, 85 и др., кѣнѧзи 119, памѧть 89, пѧть 18, 25, 28, 51, 68, 76 и др., распѧть 15, вьспѧть 20, 73, сѧ 42, 85, 86, 88, сѣдѫ 78, 86, 94, десѧть 77, 82, 83, тѧготьнѣ 105 и т. п.

Кирилловское ѹ, глаголическое Ⱃⰻ означало тѣ звуки, которые греки передавали черезъ ου. Буква ου у грековъ произносилась въ однихъ случаяхъ, между гласными, какъ *в*, въ другихъ—какъ нѣмецкое ü, наши *и* и *у*. Отсюда разнообразіе значеній *г* въ церковно-славянскихъ памятникахъ: оно то употребляется рядомъ съ *в*: еѵаггелиѥ и еѵангелиѥ, Паѵлъ и Паѳьлъ Супр. р., и, слѣдовательно, означаетъ *в*; то чередуется, даже въ однихъ и тѣхъ же словахъ, съ *и*, *у*: мѵро Зогр. Ев. 39, тѵрьскѫ 22, газофилакѵови, газофуликѵѫ 70; порфѵрѫ Асс. Ев. 68, сѵкомарьѫ 81, газофилакьѫ 82, ѵпокрити 88; скѵменъ Син. Пс. 26, 118, Сѵрьѫ 123, тѵмьпанъ 181, въ Еѣѵптѣ 172; газофилакьѫ Остр. Ев. 115 об., хламѵдѫ 187, Порфѵра 240, Тѵр'са 244 об.=Θύρσος, Поликар'пу 281 об., и т. п. Но особенно часта въ нихъ замѣна *г* черезъ *ю*, въ случаяхъ въ родѣ кѵринѣнинъ, вслѣдствіе чего *г* иногда стоитъ вмѣсто *ю* въ славянскихъ словахъ и окончаніяхъ: Іѵлияни Супр. р. 4 (при Іулияни 2, какъ Июда при Иуда), Агриколаѵ 54 (зват. п. отъ Агриколаи), Пиониѵ 100, 106 (дат. п. отъ Пионии), по цѣсарѵ повелѣнию 100, плѵска 168 (род. ед. отъ плюскъ) и др. Употребленіе *г* вмѣсто *ю* —явленіе весьма нерѣдкое въ древне-русскихъ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, XI—XII вв.: *г*гъ Свят. Сб. 1073 г. 138 об. = *ю*гъ, Тимоѳеѵ 199 (дат. п.).

Надо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ греческихъ говорахъ IX и начала X вѣка ου и древній дифтонгъ οι произносились тожественно, какъ ü, такъ что есть рукописи, гдѣ ου и οι смѣшиваются между

собою въ употребленіи, но постоянно отличаются отъ ι, ϊ, ει (Foy въ Bezzenbergers Beiträge zur Kunde d. indogerm. Spr XII, 57; Krumbacher, Sitzungsberichte Мюнхенской Акад. 1886 г. III, 368), и что въ современномъ греческомъ языкѣ кое-гдѣ древнее υ звучитъ какъ наше ю: λιούκο = λύκος, κιουρέ = τυρός (Blass, Ueber die Aussprache d. Griechischen², 44). Сравни передачу слав. ю черезъ υ у Константина Багрянороднаго: τὰ πολύδια = полюдиѥ. Отсюда въ текстахъ церк.-славянскихъ и въ древне-русскихъ, списанныхъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ, мы иногда видимъ ѵ и у на мѣстѣ греческаго ου: сурофѵникисса Зогр. Ев. 59; фѵникъ Остром. Ев. 142; фуникъ др.-р. Минея 1097 г. (Ягичъ, 349) = φοῖνιξ; стухии Син. Тр. 6 (род. мн.) = στοιχεῖον; уфія Опис. р. Синод. Б. I. 29 = σῖφι; асурiи, луд, мадиан, парѳ, фѵникес и др., индѵ, вактриан, скоту, спану и др. Свят. Сборн. 1073 г. 138, 139 (имен. мн.) = ἀσσύριοι, λυδοί, ... σκότοι, σπάνοι. Отсюда также и употребленіе ои на мѣстѣ греческаго υ: перьсомъ и оирѣка номъ, епископъ Оирканиа Свят. Сборн. 1073 г. 261 об., 263 = ὑρκ-.

Мы не указали изъ числа гласныхъ звуковъ церковно-славянскаго языка ни одного долгаго. Повидимому, церковно-славянскій языкъ въ эпоху своего историческаго существованія уже не имѣлъ долгихъ гласныхъ. По крайней мѣрѣ ни обѣ азбуки, стремившіяся къ возможно точной передачѣ звуковъ и имѣвшія всѣ нужныя для нея средства, ни древне-русскія нотныя книги, ни—что особенно важно—стихотвореніе Константина Болгарскаго не дѣлаютъ ни малѣйшаго различія между гласными по отношенію къ количеству. Константинъ Болгарскій навѣрное зналъ византійскую теорію о долготѣ однихъ гласныхъ буквъ въ ямбическомъ стихѣ и о краткости другихъ, и могъ бы ею вполнѣ воспользоваться, если бы его языкъ представлялъ два ряда гласныхъ, ясно различавшихся по количеству. Только относительно звуковъ ѣ, ъ и и можно съ достовѣрностью сказать, что въ кирилло-меѳодіевскую эпоху они въ извѣстныхъ случаяхъ, при отсутствіи ударенія, произносились короче, чѣмъ другіе гласные: въ слѣдующую эпоху—эпоху памятниковъ—они въ этихъ случаяхъ уже исчезли изъ произношенія.

Немногіе, спорадическіе случаи употребленія двойныхъ гласныхъ, находимые нами въ церковно-славянскихъ и древнѣйшихъ русскихъ

памятникахъ: прѣдаание Зогр. Ев. 21; въ сръдцiiихъ Асс. Ев. 49, 64, 168, гноiiнъ 68; законопрѣстжпniiцi Син. Пс. 6, раазддѣлiшѧ 41, льстiивъ 116, похотiимъ Клоц. Сб. 4, прѣдаастъ 7; глаголаалъ Остр. Ев. 55, глаголаати 171 об., параакλитъ 167; ваамъ Святосл. Сб. 1073 г. 190, въ мрьтвьциихъ 192, мъногаамъ 209, талаантъ 211, о дъскаахъ 237 об., каамыкъ 258, сочиивъмь 260 и т. п.,— лишены всякой послѣдовательности и кажутся намъ дѣломъ случайной прихоти писцовъ или ошибками и описками.

Согласные. Кирилловскiя ж, ѵ, ш, глаголическiя ⰶ, ⰸ, ш, а также сочетаніе *жд* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно образовалось путемъ смягченія изъ *д* или изъ *зг*, *зд*, въ эпоху дошедшихъ до насъ памятниковъ произносились иногда твердо, иногда мягко. Твердое произношеніе всего чаще мы наблюдаемъ передъ *а*: *ужасъ*, *часъ*, *чаша*, *жѧжда* (хотя изрѣдка встрѣчаются написанія, указывающія на мягкое произношеніе, въ родѣ сконъчьнье Л. Унд.; *жьбы* Син. Пс. 172, *чьша* 44, 160, грѣшьнiчь 245; мно*жьшиiѣ* Син. Тр. 13, *чьша* 8, наде*ждь* 145, им. ед.). Затѣмъ, твердое произношеніе вполнѣ обычно передъ ж: *лъжж*, *мжчж*, *чашж*, *жѧждж* (хотя сравнительно нерѣдки остатки мягкаго произношенія, въ родѣ *въложж* Асс. Ев. 9, *притжжъ* 82, *чловѣчж* 34, *пророчж* 49; *сълъжжтъ* Син. Пс. 132, *умочж* 8, *душж* 84, *хождж* 91; *кожж* Син. Тр. 7, *чашж* 85, *отьчж* 152, *рождьшжж* 158, *жѧждѫщѧѧ* 9, *страждѫщиимь* 46, *жѧждж* 55). Далѣе, твердое произношеніе сравнительно рѣдко передъ *у*, и написанія шипящихъ и *жд* съ *ю* въ большей части памятниковъ (кромѣ Супрасльской рукописи) явленіе обычное: *чюетъ* Зогр. Ев. 5, *чюеши* 7, *шюiца* 5, *съшедъшю* 8, *междю* 59; *мжжю* Асс. Ев. 44, *чюдитеса* 11, *чюеши* 43, *междю* 17, 25, 41; *чюдеса* Син. Пс. 12, *чюхъ* 71, *шюмъ* 13, 90, *мюждю* 137 и т. п.

По всей вѣроятности, шипящіе и *жд* передъ *е*, *и*, *ъ*, *ѧ* произносились постоянно мягко. Впрочемъ, церковно-славянскіе памятники представляютъ нѣсколько случаевъ употребленія ѧ послѣ *ж* и др., вмѣсто *ѧ*, указывающаго, быть можетъ, на особенно мягкое (сравнительно съ другими согласными) произношеніе этихъ звуковъ: *лежѧшти* Асс. Ев. 74, *жѧждж* 24, -ща 87, *чѧсть* 84, *видѣшѧ* 15, *събрашѧ* 59, *въждѧждетъса* 24, -дахъса 87; *искашѧ*, *заклинашѧ*, *заплъвашѧ* Син. Тр. 88.

Кирилловскія ѕ, ꙁ, ꙁ = s (зѣло), глаголическое ⊖ находятся не во всѣхъ црк.-слав. памятникахъ. Изъ нихъ одни: Ассеманово Евангеліе, Синайская Псалтирь, Листки Ундольскаго и Хиландарскіе, довольно строго отличаютъ s отъ *з*, и s является въ нихъ только въ извѣстныхъ, сравнительно немногихъ словахъ и формахъ, тамъ гдѣ оно образовалось на славянской почвѣ изъ *ꙁ*, именно: въ словахъ въ родѣ sѣло, стьsа, раждisати, сътasатиса, въ формахъ имен. п. мн. ч. въ родѣ бosи, врasи, дат. и мѣстн. ед. носѣ, босѣ, им.-вин. дв. ч. въ родѣ носѣ, повелит. накл. въ родѣ mosи, mosѣте. Впрочемъ и въ этихъ памятникахъ есть исключенія: скозѣ Асс. Ев. 70; *з*ѣницѫ Син. Пс. 26, раждьзі 49, вмѣсто ожидаемыхъ скозѣ, sѣницѫ, раждьsі. Другіе памятники: Зографское и Маріинское Евангелія, Клоцовъ Сборникъ, употребляя и s. и *з*, не дѣлаютъ между ними строгаго различія, и мы находимъ въ нихъ нерѣдко *з* и иногда s вмѣсто ожидаемаго *з*. Третьи памятники: Саввино Евангеліе, Синайскій Требникъ, Супрасльская рукопись, Остромирово Евангеліе совсѣмъ не знаютъ s, и въ нихъ на мѣстѣ s Ассеманова Евангелія стоитъ постоянно *з*. Многіе средне-болгарскіе памятники (въ томъ числѣ Болонская Псалтырь, Слѣпченскій Апостолъ, Охридскій Апостолъ и Паремейникъ Григоровича) съ большею или меньшею послѣдовательностью отличаютъ s отъ *з*, и это обстоятельство заставляетъ думать, что въ древней Болгаріи нѣкоторые говоры имѣли особый звукъ s, на мѣстѣ котораго въ другихъ говорахъ слышалось *з*; а существованіе въ обоихъ азбукахъ буквы s показываетъ, что языкъ кирилло-меѳодіевскихъ текстовъ принадлежалъ къ числу говоровъ знавшихъ s.

Современные болгарскіе говоры (главнымъ образомъ западные) иногда имѣютъ *дз* на мѣстѣ церковно-славянскаго s: бладзе = блasѣ, *дз*везда = sвѣзда, ковчедзи = ковьчеsи (им. мн.). Это заставляетъ думать, что s произносилось какъ *дз*. (Булг. 3)

Церковно-славянское s въ эпоху дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ памятниковъ передъ твердыми гласными обыкновенно произносилось твердо: польsа, сътasатиса и т. п., но могли быть случаи и мягкаго произношенія этого звука: польѣ Хил. Л., польѧ Син. Пс. 56 (им. ед.), во стьѧхъ 25, стьѧмь 46, 275, стьѧ 52, помиѧюще 71, гобьѧющимъ 288.

S - твердо перед твердыми гласными

Церковно-славянское *з*, замѣняющее въ нѣкоторыхъ памятникахъ s, также иногда могло произноситься мягко (между прочимъ въ древне-русскихъ памятникахъ—очень рѣдко—мы читаемъ: пользюжтъ Пандекты Антіоха XI в. 32 об., кая пользь 37 об.; пользю Уставъ церк. Тип. Б. XI—XII в. 25 об.; ползю Прологъ 1262 г. 7 об.).

Глаголическое ⰳ, буква нерѣдкая въ церковно-славянскихъ глаголическихъ памятникахъ и употреблявшаяся исключительно для передачи греческаго γ передъ мягкими гласными: анѓелъ = ἄγγελος, ѓеона = γέεννα и т. п. (очень рѣдко передъ твердыми гласными: ѓельѓота Зогр. Ев. 43, ѓелъѓота 76, ѓолѓота, ѓазофилакиѣ; въ землі еѓупетьсцѣ Син. Пс. 168,—еѓупотьсцѣ 173, въ Еѓуптѣ 172),—не имѣло себѣ другаго соотвѣтствія въ кирилловской азбукѣ, кромѣ г или ґ (Супр. р.). Вслѣдствіе этого, въ виду постояннаго употребленія на мѣстѣ ѓ какъ въ кирилловскихъ (а иногда и въ глаголическихъ) церковно-славянскихъ текстахъ, такъ и въ средне-болгарскихъ памятникахъ буквы *г*, а равно въ виду данныхъ современныхъ болгарскихъ говоровъ, мы должны признать, что ѓ означало не что иное, какъ мягкое *г*.

Тотъ *j*, который мы находимъ въ древне-русскихъ памятникахъ на мѣстѣ глаголическаго ѓ, греческ. γ: Ꙗюптъ, Ꙗжптъ Αἴγυπτος Святославовъ Сборникъ 1073 г. 115 об., 136, 137 об., 138 об., 154 об. и др., Пандекты Антіоха XI в. 86 об. и др.,—не имѣетъ прямаго отношенія къ ѓ: онъ — не что иное, какъ греческій *j*, замѣнившій собою въ нѣкоторыхъ случаяхъ греческое γ передъ мягкими гласными.

Кирилловское л, глаголическое ⰾ передавало два согласныхъ звука *л*, одинъ твердый, другой мягкій. Первый, повидимому, былъ отличенъ отъ современнаго русскаго и польскаго *л* (въ ложка) и былъ тѣмъ среднимъ *л*, который обыкновенно слышится въ современномъ болгарскомъ, въ сербскомъ, въ чешскомъ языкахъ. Такимъ образомъ онъ былъ сравнительно близокъ къ другому, мягкому *л* и легко могъ образовываться изъ этого послѣдняго. Вслѣдствіе этого въ нѣкоторыхъ церковно-славянскихъ памятникахъ, въ однихъ часто (въ Саввиномъ Евангеліи, Клоцовомъ Сборникѣ), въ другихъ рѣже (въ

Ассемановомъ Евангеліи, Синайской Псалтыри, Остромировомъ Евангеліи), мы находимъ употребленіе твердаго *л* вмѣсто мягкаго передъ ж: глаго*лж*, умо*лж*, ав*лж*, зем*лж*, а изрѣдка и передъ *а*: мыс*лаше* Асс. Ев. 73, помыш*лаахж* Син. Пс. 71. Другіе церковно-славянскіе памятники (особенно Зографское Евангеліе и Супрасльская рукопись) не только отличаютъ *л* твердое (передъ ж, *а*, *у*) отъ *л* мягкаго (передъ ѣ, *я*, *ю*), но даже дѣлаютъ различіе между *л* передъ ѧ, *ъ* (въ *лѧгж*, *лъто*) и между *л* передъ ѣ, *я* (= *ѧ*, въ зем*ля*, зем*лѧ*), подобно тому какъ въ современномъ сербскомъ языкѣ слышится въ разныхъ случаяхъ разное *л*, напримѣръ, передъ *е* (*ле* и *љ*е). Въ нихъ очень мягкое *л*, въ отличіе отъ *л* твердаго и *л* просто мягкаго, часто изображается буквою ѯ или ѯ. Хиландарскіе Листки, отличая *л* твердое отъ *л* мягкаго, не дѣлаютъ различія между мягкимъ *л*, вслѣдствіе чего мы въ нихъ находимъ одну и ту же букву (ѯ) въ уподоблѣасѧ, *љ*вѣ, польѕѣ, одолѣти, прием*ли*. Остромирово Евангеліе постоянно имѣетъ *ле*: *лежѧ*, и *ље*: възлюб*ље*нѣ, но не отличаетъ *лѧ* отъ *лы* и т. п.

Немногіе случаи передачи греческаго λ церковно-славянскимъ *мягкимъ л* въ родѣ Издраи*ль* Ἰσραήλ, род. п. Издраи*ля*, Натанаи*ль* (рядомъ: Михаи*лъ* и т. п.), исключительно въ исходѣ словъ, обязаны своимъ происхожденіемъ аналогіи славянскихъ словъ на *ль*, муж. р. Сравни церковно-славянскіе мягкіе согласные въ псалтыръ, потиръ, Елисаветъ и т. п.

Кирилловское ꙛ, глаголическое ⱐ означало согласный *р*. Большая часть церковно-славянскихъ памятниковъ болѣе или менѣе часто имѣютъ твердое *р* вмѣсто ожидаемаго мягкаго, такъ что мы въ нихъ читаемъ: узь*рж*, цѣса*ръ*, цѣса*ра*, цѣса*ру* и т. п. Очевидно, лица, переписавшія эти памятники, подобно современнымъ бѣлоруссамъ, произносили всякое *р* твердо, т. е. не знали мягкаго *р*.

Въ кирилло-меѳодіевскую эпоху *л* и *р* были только согласными. Въ эпоху памятниковъ, кромѣ согласнаго произношенія, они имѣли также гласное произношеніе, т. е. были въ извѣстныхъ случаяхъ, находясь между согласными,—гласными плавными, подобными тѣмъ гласнымъ *л* и *р*, которые слышатся въ нѣкоторыхъ (западныхъ) говорахъ современнаго болгарскаго языка, въ сербскомъ и чешскомъ языкахъ. Древне-русскія нотныя книги кондакарной системы такими написаніями, какъ стъъъъъ*л*пъ, съъъмъъъъъъ*р*ти, ууудъъъъъ*р*жаста (Кон-

дакарь при Уставѣ церковномъ XII в., М. Типогр. Б. N. 285, лл. 24 об., 42 об., 76 об.), съ повтореніемъ глухихъ ъ и ь, на мѣстѣ которыхъ въ древнемъ церк.-слав. текстѣ не могло быть гласныхъ *л* и *р*, такъ какъ гласные *л* и *р* не могутъ повторяться при пѣніи, — показываютъ, что въ кирилло-меѳодіевскую эпоху гласные плавные еще не были извѣстны и что они развились уже въ слѣдующую эпоху. Церковно-славянскіе памятники обыкновенно означаютъ эти гласные черезъ сочетанія *лъ*, *ль*, *ръ*, *рь*, но въ нихъ есть нѣкоторое количество случаевъ, гдѣ буквы ъ и ь опущены: с*рд*це Зогр. Ев. 6, к*рст*ителѣ 14, 20, д*р*'кол'ми 40, ц*р*'ковь 41, 80, к*рст*а 44, на с*р*'дцихъ 83; мілос*рд*ъ Асс. Ев. 64, т*рпл*ѣ 72, с*рд*це 89; милос*рд*ованы Савв. Ев. 20; к*р*'ститися Син. Тр. 10, од*ржащ*ѣ 53; к*рст*а Клоц. Сб. 17, на к*рст*ѣ 18; к*р*'стишася Супр. рук. 25, х*р*'стовы 35 (при Х*рст*ови 39), о ск*р*'би 41, отв*р*'зъ 43, д*р*кол'ми 59, съм*р*'ть 67, ц*р*'кве 414; также: скв*рн*аштаа Мар. Ев. 52, милос*рд*ъ 54, к*рв*ъ 56 (=кровь), о ц*рк*ви 63, к*рст*ителѣ 146, милос*рд*ованъ 150.

То же мы видимъ въ нѣкоторыхъ средне-болгарскихъ памятникахъ: воск*рсн*ѣтъ, по вск*рс*ении Болонская Пс. (Срезневскій, Пам. 354); см*рт*ъ Слѣпченскій Апостолъ 13 об., съм*рти* 14 об., к*рст*итеся 23 об.; с*рн*а Охридскій Апостолъ 3 об. (при с*рн*а 3 об.), отв*рзе* 4; см*рти* Евангеліе 1277 г. (Срезневскій, Св. и з. N XLIX, стр. 183). Карпинское Ев. XIII в. (Хлудова, № 28) имѣетъ подобныя написанія очень часто: по ск*рби* 48 об., ск*рб*ѣти 122, прискр*б*на 122, ск*рб*ь 126, до в*рху* 65 об., утв*рд*ися 72 об., утв*рди* 73 об., 120 об., м*рт*выхь 117, съм*рти* 122, вь в*рт*ѣ 133, вь к*рви*, отъ к*рве*, до к*рве* 117, каплѣ к*рве* 192 об., сребр*н*икь 133 об., ст*л*пь 53 об., 116, м*лч*и 54 об., сѣть п*л*ни 117, испл*н*и (аор.) 126.

Должно замѣтить, что церковно-славянскіе плавные гласные различались по произношенію, смотря по тому, образовались ли они чрезъ опущеніе ъ или ь передъ плавнымъ согласнымъ (изъ *ъл*, *гр*, *ър*), или произошли изъ слоговъ *лъ*, *ль*, *ръ*, *рь*. Въ первомъ случаѣ они составляли слогъ, или были слогообразующими гласными, вслѣдствіе чего образованіе ихъ не оказало никакого вліянія на предъидущій слогъ и не превратило ъ, ь этого слога въ *о*, *е* (ни одинъ памятникъ не имѣетъ сомрьть или что-нибудь подобное; вездѣ всегда: съмрьть). Въ послѣднемъ случаѣ плавные гласные часто не составляли слога, и напримѣръ, слова сльза, кръстити были одно одно-

сложнымъ, другое двусложнымъ; вслѣдствіе этого при образованіи ихъ, какъ и вообще при опущеніи глухихъ, *ъ* и *ь* предъидущаго слога перешли въ *о* и *е*: воскрѣсенѫ Син. Пс. 1, 16, 19, сокрѣвеныхъ 26, возгрѣмѣ 29 и т. п. Сравни различіе плавныхъ гласныхъ въ древнечешскомъ языкѣ: въ произведеніяхъ писанныхъ стихами (напримѣръ, въ Александреидѣ) гласные *л* и *р* изъ *ъл*, *ър*, *ьр* постоянно считаются составляющими слогъ, между тѣмъ какъ тѣ же гласные изъ *лъ*, *ль*, *ръ*, *рь* часто не составляютъ слога. Это различіе между церковно-славянскими плавными гласными не было значительно, и тѣ ново-болгарскіе говоры, которые уже утратили плавные гласные, имѣютъ на ихъ мѣстѣ одинаково или *ър*, *ъл*, или *ръ*, *лъ*: гърло, първъ, мълчи (= церк.-слав. гърло, пьрвъ, мълчи) и дърво, кръщене, сълзи, кълне (= церк.-слав. *дрво, крьщенье, слъзы, клънетъ).

Можетъ быть, гласные *л* и *р* иногда звучали мягко, подобно согласнымъ *л* и *р*.

Кирилловское ѳ, глаголическое ⰹ передавало звукъ *ф*, чуждый церковно-славянскому языку и употреблявшійся исключительно въ заимствованныхъ у грековъ книжнымъ путемъ словахъ. Вмѣсто этого звука мы иногда находимъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ *п* и *в*: пінікъсъ φοῖνιξ Син. Пс. 207, власвимия βλασφημία, просвора προσφορά Супр. р. 400, быть можетъ, согласно съ греческимъ произношеніемъ. На оборотъ, звукомъ *ф* иногда замѣняется звукъ *п*: форфирѫ Зогр. Ев. 117; скорьфиі Савв. Ев. 54, ефифаніі 144; Ефіфана Асс. Ев. 172; скорьфиѭ Син. Тр. 94, исофомь 155, Фетронии 171; та фати Остр. Ев. 164, Мар. Ев. 387 = τὰ πάθη.

Кирилловское ц, глаголическое ⰶ означало звукъ *ц*, который, сходно съ шипящими *ж*, *ч*, *ш*, произносился то твердо, то мягко; именно — онъ произносился почти всегда твердо передъ *а* и *ѫ* (однако: блисцьнье Син. Пс. 29, десниць 32, въсклицьньемъ 63, ліць 163, род. ед.; десницѫ Син. Тр. 75, владычицѫ 113, троицѫ 122 и др.) и звучалъ весьма часто мягко передъ *у*: сръдьцю Зогр. Ев. 16, слъньцю 17; Асс. Ев. 14, 31, отьцю 25, 36; ліцю Син. Пс. 91, 97, сръдьцю 152; отьцю Син. Тр. 15, сръдьцю 35 и др.

Кирилловское щ, глаголическое ⱎ употреблялось рядомъ съ шт, шꙋ (Ассем. Ев., Син. Пс.), и потому необходимо признать, что оно было тожественно по значенію съ этими сочетаніями. Второй изъ двухъ согласныхъ, происшедшихъ путемъ смягченія изъ *т, ст, ск*,— согласный *т* иногда произносился твердо, иногда мягко. Твердое произношеніе мы постоянно наблюдаемъ передъ *а*: сѫ*щаа*го, пу*шта*ти· про*ща*ти; его же мы обыкновенно находимъ передъ ѫ (однако: вьзвѣ*щѫ*, поропь*щѫ*тъ, пі*щѫ* Син. Пс., пи*щѫ*, хо*щѫ*, трепе*щѫ*тъ и т. п. Син. Тр.; послѣдній памятникъ имѣетъ ѭ послѣ *щ* очень часто); мягкое произношеніе *т* встрѣчается довольно часто передъ *у*: съпѣмни*шту*, хота*шту*, *ошту*тишꙗ Зогр. Ев.; дыха*жщю*, има*жщю*му Ассем. Ев.; жива*жщю*му, непь*щю*ете, упьва*жшту* Син. Пс. Сверхъ того, мы изрѣдка видимъ послѣ *щ* не ѧ, а ѭ: стражд*шту* Зогр. Ев. 57, лежа*щѫ* Асс. Ев. 3 и т. п.

Современные болгарскіе говоры имѣютъ, на мѣстѣ церк.-слав. *щ*, или твердое *шт*, или, рѣже, *шч*, звучащее какъ малорусское *щ*. Это *шч*, безъ сомнѣнія, развилось изъ мягкаго *шт*, вслѣдствіе ассимиляціи втораго согласнаго съ первымъ.

Кирилловское ѳ, глаголическое ⱁ употреблялось въ церковно-славянскихъ памятникахъ (не во всѣхъ) исключительно для передачи греческаго ϑ и произносилось, повидимому, всего чаще какъ *т*. По крайней мѣрѣ, рядомъ съ ѳ для замѣны ϑ мы болѣе или менѣе часто во всѣхъ памятникахъ находимъ *т*: *Т*адеи, *Т*ома, Вар'*т*оломѣи Зогр. Ев., Мар*т*а, Ви*т*ания Асс. Ев., е*т*іоплѣні. Да*т*анъ Син. Пс., Сава*от*ъ, Варъ*т*оломѣи Син. Тр. и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ приблизительною передачею труднаго для славянскаго произношенія греческаго звука. — Кромѣ *т*, ѳ произносилось какъ *ф*. Случаи употребленія *ф* вмѣсто ѳ и на оборотъ почти неизвѣстны въ церковно-славянскихъ памятникахъ: Ви*ф*ани*ѫ* Зогр. Ев. 66, си*ф*овъ 87 (однако глаголическое *ф* потомокъ скорѣе греческаго ϑ, чѣмъ φ), но ихъ много въ памятникахъ древне-русскихъ и они не особенно рѣдки въ памятникахъ средне-болгарскихъ: Святославовъ Сборникъ 1073 г.: ѳилиписиомъ, сапьѳиръмь, анъ*ф*ракъсъ, Фермодонты рѣкы, сераѳима; Реймское Евангеліе XI в.: Мат*ф*ѣя, А*ф*анасия, Тимо*ф*еа; Слова Григорія Богослова XI в.: Ферситъ,

Аѳина; средне-болгарское Евангеліе Григоровича XII в.: газоѳилакиѫ 23, Аѳонома 102 об., Троѳима 109 об.; средне-болгарскій Македонскій Апостолъ XIII в.: Еѳесь, Ѳилипа, Ѳлора, Епиѳана, аѳинестии (даже: въ ѳ. годинѫ).

Славянское произношеніе ѳ какъ ф, безъ сомнѣнія, основано на греческомъ произношеніи ϑ. Что греки византійскаго періода въ большемъ или меньшемъ количествѣ случаевъ произносили ϑ сходно или тожественно съ τ, это видно изъ цѣлаго ряда данныхъ: готы въ IV вѣкѣ на мѣстѣ ϑ поставили въ своемъ алфавитѣ f, съ числовымъ значеніемъ 9; сирійцы въ VII вѣкѣ вмѣсто ϑ писали τ, употребляя одну и ту же букву въ Θωμᾶς и въ στέφανος (Gardthausen, Griechische Paläographie, 157), и друг.

Случай употребленія з вмѣсто ѳ: панта та езни = πάντα τὰ ἔθνη, Богословіе Іо. Дамаскина XII в. — случай единичный и едва ли не описка.

Прочія согласныя буквы церковно-славянской кирилловской азбуки, равно какъ и соотвѣтствующія имъ буквы азбуки глаголической, означали тѣ согласные звуки, которые передаются ими и въ современной кириллицѣ, въ литературномъ языкѣ русскихъ и болгаръ. Такъ, буква б означала согласный *б*, буква в — согласный *в*, буква г — согласный *г* (= лат. g, не лат. h), и т. д. При этомъ одна и та же согласная буква могла передавать и твердый, и мягкій звуки, такъ какъ въ церк.-славянскомъ языкѣ, какъ въ современномъ литературномъ русскомъ и въ ново-болгарскомъ, почти всѣ согласные звуки могли произноситься и твердо, и мягко, смотря по тому, какой гласный звукъ за ними слѣдовалъ; такимъ образомъ, напримѣръ, буква *б* въ *быти* означала твердое *б*, а въ *бити* тою же буквою передавалося мягкое *б*. Впрочемъ буква для мягкаго звука иногда отличалась отъ буквы для твердаго звука особымъ значкомъ: ь.

Нѣкоторыя согласныя буквы были рѣдко употребляемы или вообще, или въ какомъ-либо своемъ частномъ значеніи. Такъ, буквы ѯ = *кс*, ѱ = *пс* имѣются только въ кирилловскихъ памятникахъ, и то рѣдко (особенно часто въ Супрасльской рукописи), главнымъ образомъ въ греческихъ словахъ: Алеѯандръ, ѱалмъ, и лишь въ видѣ исключенія въ славянскихъ словахъ — въ ѱати и родственныхъ.

Буква *г*, согласно греческому обычаю, иногда, въ однихъ памятникахъ чаще, въ другихъ совсѣмъ рѣдко, употреблялась въ значеніи *н* исключительно въ греческихъ словахъ въ родѣ аггелъ, евангелистъ, пріикѵ҃ъ Супрасльск. рук. = princeps.

Какъ кирилловское, такъ и глаголическое письмо обыкновенно имѣло разные надстрочные знаки.

Объ одномъ знакѣ, находящемся во всѣхъ церковно-славянскихъ памятникахъ,—прямой или выгнутой чертѣ надъ строкою—нѣтъ надобности распространяться: это — знакъ сокращенія, перешедшій къ славянамъ отъ грековъ, въ значеніи котораго не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Другіе знаки помѣщаются только въ нѣкоторыхъ памятникахъ, исключительно при согласныхъ (главнымъ образомъ при *л*, *н*, *р*, *г*, *к*, *х*) и имѣютъ задачею указывать на мягкость звука; въ однихъ памятникахъ (въ Хиландарскихъ Листкахъ и въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ), писанныхъ кириллицею, эти знаки, въ формѣ прямой черты, загнутой на концѣ, присоединяются къ согласнымъ *л*, *н* съ лѣвой стороны, такъ что получается *ѧ*, *ѩ*; въ другихъ памятникахъ (въ Зографскомъ Евангеліи и въ Супрасльской рукописи) тѣ же знаки, въ формѣ облеченнаго ударенія, помѣщаются надъ строкою, между буквами *л*, *н* и друг. и слѣдующими гласными: лю҆бы, волѭ (= волѣ), огнь҆, аггелъ.

Третьи знаки, встрѣчающіеся въ большей части церковно-славянскихъ памятниковъ (ихъ нѣтъ только въ Маріинскомъ Евангеліи и въ Синайской Псалтыри) находятся надъ гласными и имѣютъ форму то греческихъ придыханій, то греческихъ ударені̆й, то нашихъ знаковъ краткости. Они стоятъ, безъ особенной впрочемъ послѣдовательности, надъ гласными 1) въ началѣ словъ и 2) въ серединѣ словъ послѣ гласныхъ: е҆го, и҆мъ, о҆нъ, напаѣ҆ше, глаголаа҆хъ, своѭ҆мъ. Эти знаки едва ли имѣли какое-нибудь значеніе; будучи копіями греческихъ ударені̆й и придыханій, они могли служить иногда только для указанія начала слова, т. е. для отдѣленія словъ другъ отъ друга.

Четвертые знаки имѣютъ форму то легкаго придыханія, то облеченнаго ударенія и находятся всего чаще или между двумя согласными, или надъ первою изъ двухъ согласныхъ. Зографское Евангеліе

употребляетъ ихъ чаще въ греческихъ словахъ: алек'сан'дрову, нар'дьны, ѣен'симании и т. п., рѣже въ славянскихъ: д'нь 72, 65, іш'дѣшемъ 58 (сравни: всь Саввино Евангеліе 2, безъ всякаго знака). Ассеманово Евангеліе, Синайскій Требникъ, Супрасльская рукопись, Остромирово Евангеліе имѣютъ ихъ и въ греческихъ, но чаще въ славянскихъ словахъ, обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ долженъ бы былъ быть написанъ ъ или ь: к'то, д'вою, м'нѣ, к' тому, вѣрен' и т. п. Не слѣдуетъ думать, что эти знаки имѣли какое-нибудь значеніе и что они указывали на опущеніе ъ или ь. Примѣры употребленія ихъ въ родѣ к'васу, к'васа Зогр. Ев. 19, 60, д'виженіѣ, гнѣз'да Асс. Ев. 18, 72, ог'ня, разг'нѣвалъ, усѣк'нѫти, исп'льни, крьс'тияны Супр. рук., умьр'т'вѫть Остромирово Ев. 225, въскръс'нетъ Хил. Лист., въ случаяхъ, гдѣ не могло быть опущенія ъ, ь, показываютъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ копіями греческихъ знаковъ, которые въ нѣкоторыхъ греческихъ рукописяхъ византійскаго происхожденія находятся послѣ согласной въ концѣ слова или послѣ первой изъ двухъ стоящихъ рядомъ согласныхъ, если изъ нихъ вторая не λ, ρ, ν: ὀφθαλ'μου, σπερ'ματων, καρ'πον, κερ'κερ', Βηθ'σαϊδα, ηρ'νησατο, ηνεγ'κεν, и которые, безъ сомнѣнія, лишены всякаго значенія (Gardthausen, Griechische Paläographie, 272). Въ церковнославянскомъ языкѣ самыя обыкновенныя древнія (безъ опущенія ъ, ь) соединенія согласныхъ — соединенія нѣмыхъ съ плавными, въ родѣ *пл*ыти, *кр*ыти; большая часть прочихъ соединеній, встрѣчающихся въ церковно-славянскихъ памятникахъ, — сравнительно новаго происхожденія и получились черезъ выпаденіе ъ или ь; поэтому вполнѣ естественно, что указанные знаки, будучи употребляемы согласно греческому обычаю, очень часто, даже почти постоянно находятся тамъ, гдѣ опущенъ ъ или ь.

Кстати должно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ средне-болгарскихъ и древне-русскихъ памятникахъ эти знаки употребляются также между нѣмыми и плавными: раз'лѫчаетъ, с'лавѣ, п'лътъ; рядомъ: въс'таетъ, ес'ть, в'сѣка, в'сег'да Охридскій Ап. XII в. 34; дрѣв'лѭ, яв'лѥно, зем'ли; рядомъ: жиз'ни, прѣж'де, ложес'на новгородск. Путятина Минея XI в. 2 об., 3, 3 об.

IV. Отношеніе звуковъ церковно-славянскаго языка къ звукамъ родственныхъ индо-европейскихъ языковъ.

Церковно-славянскій языкъ и потому, что онъ первый изъ числа славянскихъ нарѣчій получилъ литературное употребленіе, и потому, что онъ сохранилъ въ своемъ звуковомъ и формальномъ строѣ такія черты, которыя были утрачены большею частію другихъ славянскихъ нарѣчій прежде, чѣмъ возникла на нихъ письменность,—можетъ быть избранъ представителемъ славянской семьи языковъ при сравненіи особенностей этой семьи съ особенностями другихъ семей индо-европейской группы, въ цѣляхъ ознакомленія съ отличительными чертами славянской группы и съ древнѣйшею исторіею ея звуковъ и формъ.

Индо-европейская группа языковъ, кромѣ семьи славянской, состоитъ изъ 9 семей: 1) индійской, важнѣйшимъ представителемъ которой служитъ языкъ древне-индійскій, или санскритскій; 2) эранской, важнѣйшій представитель которой языкъ Авесты—древне-бактрійскій, или зендскій; 3) армянской, которая представляется въ настоящее время языкомъ армянскимъ; 4) греческой, важнѣйшій представитель которой языкъ древне-греческій; 5) албанской, заключающейся теперь въ одномъ языкѣ албанскомъ; 6) италійской, представляемой главнымъ образомъ языкомъ латинскимъ; 7) кельтской, сохраняющейся въ остаткахъ въ живыхъ говорахъ современной Бретони, Шотландіи и Ирландіи; 8) германской, древнѣйшіе представители которой языки готскій и древне-верхне-нѣмецкій, и 9) литовской, состоящей изъ двухъ живыхъ языковъ – собственно литовскаго и лотышскаго и изъ вымершаго, дошедшаго до насъ въ незначительномъ количествѣ памятниковъ XV—XVI вв. языка прусскаго.

Всѣ эти семьи—потомки одного обще-индо-европейскаго, или праарійскаго языка, который прекратилъ свое отдѣльное, самостоятельное существованіе за много столѣтій до Р. Хр.

Само собою разумѣется, до насъ не дошло никакихъ памятниковъ отъ этого языка-предка, но современная наука, путемъ сопоставленія особенностей языковъ-потомковъ, находитъ возможнымъ возстановлять тѣ главныя черты, которыя были ему свойственны въ послѣднюю эпоху его существованія, въ эпоху распаденія. Что до чертъ, бывшихъ въ немъ въ эпохи, предшествовавшія эпохѣ распаденія, то о нихъ мы можемъ различно, съ большею или меньшею вѣроятностью, гадать, но опредѣленіе ихъ не можетъ быть основано ни на какихъ фактическихъ данныхъ, и потому принадлежитъ области фантазіи. Такъ, напримѣръ, мы можемъ строить различныя гипотезы о тѣхъ трехъ звукахъ, которые дали начало звукамъ эпохи распаденія, чередовавшимся въ родственныхъ корняхъ: *a*, *e*, *ā*, *ē* (=славянск. *o*, *e*, *a*, *ъ*), *ī*, *ī̄*, *ai* и *ei* (=славянск. *ь*, *и*, *ъ*), *u*, *ū*, *au* и *eu* (=славянск. *ъ*, *ы*, *у*); но въ нашемъ распоряженіи нѣтъ ничего для опредѣленія этихъ звуковъ, кромѣ противорѣчащихъ одна другой аналогій изъ жизни отдѣльныхъ индо-европейскихъ языковъ, и потому опредѣленіе ихъ невозможно.

Кромѣ взаимнаго родства семей индо-европейской группы какъ потомковъ одного языка-предка, между нѣкоторыми изъ нихъ обнаруживается особенная близость. Таковы семьи индійская и эранская, которыя, повидимому, нѣкогда, уже по распаденіи обще-индо-европейскаго языка, составляли одинъ языкъ — арійскій. Таковы семьи славянская и литовская. Послѣднія настолько близки между собою по особенностямъ звуковымъ, формальнымъ, лексическимъ, синтаксическимъ, что происхожденіе ихъ отъ одного славяно-литовскаго языка (покончившаго свое существованіе едва ли позже Р. Хр.) можетъ считаться уже доказаннымъ и принятымъ въ наукѣ.

Обѣ семьи, и славянская, и литовская, имѣютъ, между прочимъ, три важныхъ звуковыхъ черты.

1) Одна изъ нихъ до нѣкоторой степени свойственна главнымъ языкамъ индійской и эранской семей и въ то же время совершенно отсутствуетъ въ главныхъ языкахъ семей западной Европы. Это — употребленіе свистящихъ или шипящихъ согласныхъ (съ ихъ производными) на мѣстѣ гортанныхъ (съ ихъ производными) языковъ

греческой, италійской, кельтской и германской семей: церк.-слав. и древне-русск. сто, литовск. šimtas, лотышск. simts — санскритск. çatam, зендск. çatem—греч. ἑκατόν, лат. centum, др.-ирск. cēt, готск. hund: церк.-слав. десѧть, др.-русск. десять, лит. dešimtis, лот. desmit—санскр. daça — греч. δέκα, лат. decem, готск. tehun.

Вторая черта до извѣстной степени чужда главнымъ языкамъ индійской и эранской семей и, напротивъ того, свойственна всѣмъ языкамъ западной Европы. Это—употребленіе звука ĕ (съ его производными) въ корняхъ, напримѣръ, формъ настоящаго времени изъявительнаго накл., вмѣсто котораго въ санскритскомъ и зендскомъ языкахъ мы находимъ ă (съ его производными): церк.-слав. берѫ, др.-русск. беру, лит. beriu (сыплю), лотышск. beru (сыплю)—греч. φέρω, лат. fero, др.-ирск. berim, готск. baira (читай: bera, несу)—санскр. bharāmi (несу); церк.-слав. везѫ, др.-русск. везу, лит. vežu (везу), лот. vezdu—греч. ἔχω, лат. veho, готск. viga (*i* изъ *e*)—санскр. vahāmi (везу).

Третья черта также чужда главнымъ языкамъ индійской и эранской семей и также свойственна языкамъ западной Европы. Это — сравнительно большое количество словъ съ звукомъ *l* въ корнѣ. Языки санскритскій и зендскій знаютъ звукъ *l*; но онъ въ нихъ мало употребителенъ, и въ большинствѣ случаевъ мы въ нихъ находимъ *r* на мѣстѣ *l* языковъ западно-европейскихъ, славянскаго и литовскаго: ц.-слав. и др.-русск. слу-ти, греч. κλυ-τός, лат. in-clu-tus, др.-ирск. clū (слава), др.-в.-нѣм. (H)lu-do-wig—санскр. çru-tas (славный), зендск. sru-tas; ц.-сл. отъ-лѣк-ъ (остатокъ), лит. lėk-u (оставляю), греч. λείπ-ω, лат. linqu-o—санскр. корень rik (оставлять).

Первая изъ указанныхъ чертъ сближаетъ славянскую семью языковъ, вмѣстѣ съ литовскою, съ семьями языковъ Азіи; двѣ другія сближаютъ съ семьями языковъ западно-европейскихъ. Такимъ образомъ славянская семья, вмѣстѣ съ литовскою, представляетъ собою промежуточное звено между индо-европейскими языками Азіи съ одной стороны и языками западной Европы съ другой.

I. Гласные.

Славянское *а* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *ā*, греч. *ᾱ* (откуда *η*), *ω*, лат. *ā*, *ō*, лит. *o* (откуда *ā*), рѣдко (въ исходѣ словъ) *а*: ц.-сл. и др.-р. *мати* — скр. *mātā* (мать, им. ед.; основа *mātar-*), гр. дор. *μάτηρ* (аттич. *μήτηρ*), лат. *māter*, лит. *motē*; ц.-сл. и др.-р. *да-ти*, *да-нь*, *да-рь* — скр. *da-dā-mi* (даю), *dā-nam* (даръ), гр. *δι-δω-μι*, *δῶ-ρον*, лат. *dō-num*, лит. *dā-ti* (дать), *do-nis* (даръ); ц.-слав. и др.-русск. жен-*а* — скр. *aśv-ā* (кобыла, им. ед. женск. р.), греч. *χωρ-ᾱ*, др.-лат. *equ-ā*, лит. *rank-a* (рука).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ славянское *а*, долженъ былъ звучать двояко: то какъ *ā* открытое (откуда греч. *α*, *η*, лат. *ā*), то какъ *ā* нѣсколько закрытое, приближающееся къ *о* (откуда греч. *ω*, лат. *ō*). Такимъ образомъ основа и корень приведенныхъ словъ въ обще-индо-европейскомъ языкѣ должны были быть *mātar-* съ *ā* открытымъ и *dā-* съ *ā* закрытымъ, а окончаніе имен. ед. женск. р. звучало какъ *ā* открытое.

Несомнѣнно, слав. *а* первоначально, въ до-историческое время, было долгимъ звукомъ.

Кромѣ *а* изъ обще-индо-европ. *ā*, церковно-славянскій языкъ имѣетъ: 1) *а* изъ обще-индо-европ *ă*, въ сочетаніяхъ съ плавными: *ра*, *ла*, *ал* (= русск. *ро*, *ло*, *оро*, *оло*), и 2) *а* изъ *ѧ*, послѣ *j* и шипящихъ согласныхъ. Церк.-сл. *азъ*, др.-русск. *язъ*, *я*, хотя и родственны съ санскр. *ăham*, греч. *ἐγώ*, лат. *ego*, лит. *aĭ*, *eĭ*, но вѣроятно, происходятъ не отъ того обще-индо-европ. корня съ краткимъ гласнымъ, къ которому восходятъ эти послѣднія, а отъ другаго, съ *ā*.

Надо имѣть въ виду, что слав. *а* на славянской почвѣ, подъ разными вліяніями 1) вошло въ составъ *ѫ* (откуда *ꙗ*) и 2) образовало въ нѣкоторыхъ случаяхъ *ы*.

Славянское *е* обыкновенно соотвѣтствуетъ санскр. *a*, греч. *ε*, лат. *e* (откуда иногда *i*), лит. *e*: церк.-слав. *ѥс-ть* (3 л. ед.) — санскр. *as-ti*, греч. *ἐσ-τί*, лат. *es-t*, лит. *es-ti*; церк.-слав. и др.-русск. *нeб-о* — скр. *nabh-as* (небо), греч. *νέφ-ος*, *νεφ-έλη*, лат. *neb-ula*, лит. *deb-esis* (облако, съ непонятнымъ *d* вмѣсто *n*); церк.-слав. и др.-русск. *вез-ете*

(2 л. мн. ч.) — скр. *vah-a-ta* (везете, 2 л. мн.), греч. ἔχ-ε-τε, лат. *veh-i-te* (повелит. н.), лит. *vež-a-te* (везете).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ славян. *е*, долженъ былъ звучать какъ открытое *ĕ*, близкое къ *а*, или—что въ сущности то же — какъ узкое *ă*, склоняющееся къ *е*. Такимъ образомъ корни и окончаніе приведенныхъ словъ и формъ въ обще-индо-европейскомъ языкѣ должны были быть *es*,- *nebh*-, *veg*$_{1}$*h*-, -*te*.

Несомнѣнно, слав. *е* искони было звукомъ краткимъ.

Кромѣ *е* изъ обще-индо-европ. *е*, церковно-славянскій языкъ имѣетъ *е* изъ *jo*, образовавшееся на слав. почвѣ (въ копьѥ и т. п.).

Надо имѣть въ виду, что слав. *е* на славянской почвѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ 1) перешло въ *ь*, 2) вошло въ составъ ѧ, 3) перешло въ *ъ* въ церк.-славянскихъ сочетаніяхъ *рѣ*, *лѣ* (= русск. *ре*, *ле*, *ере*, *еле*).

Славянское *о* обыкновенно соотвѣтствуетъ санскр. *а*, греч. *α*, *ο*, лат. *a* (откуда *i*, *o* (откуда *u*), лит. *a*: церк.-слав. и др.-русск. *ось* — скр. *akš*-as (ось), греч. ἄξ-ων, лат. *ax*-is, лит. *aš*-is (ось); церк.-слав. и др.-русск. жен-*о* (зв. п.)—скр. *açv*-*ā* (кобыла, зв. п.), греч. νύμφ-ᾱ; церк.-слав. и др.-русск. домъ—скр. *dam*as, греч. δόμος, лат. *dom*us; церк.-слав. и др.-русск. про — скр. pr*a* (отъ), греч. πρό, лат. pr*o*-, лит. pr*a*- (про-).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ слав. *о*, долженъ былъ звучать двояко: то какъ *ā* открытое (откуда греч. *α*, лат. *a*), то какъ *ă* нѣсколько закрытое, приближающееся къ *о* (откуда греч. *ο*, лат. *o*), и, вѣроятно, отличался отъ обще-индо-европ. *ā* только количествомъ. Такимъ образомъ формы зват. п. женск. р. и корень *ak*$_{1}$*s*- должны были имѣть *ă* открытое, а корень *dam*- и предлогъ-префиксъ pr*a* —*ă* закрытое.

Едва ли можно сомнѣваться, что слав. *о* развилось изъ *ă* уже на славянской почвѣ, т. е. что въ начальную эпоху жизни общеславянскаго языка въ немъ на мѣстѣ нашего *о* слышался тотъ же звукъ, что и въ литовскомъ языкѣ, — *ă*.

Славянское *о* искони было звукомъ краткимъ.

Надо имѣть въ виду, что славянское *о* (*ă*) на славянской почвѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ 1) перешло въ *ъ*, 2) вошло въ со-

ставъ ѫ и ы и 3) перешло въ ā въ церк.-слав. сочетаніяхъ *ра, ла, ал* (= русск. *ро, ло, оро, оло*).

Славянское *и* обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) скр. ī, греч. ῑ, лат. ī, лит. ī (*y*), рѣдко (въ исходѣ словъ) *i*: ц.-слав. и др.-русск. *жи* въ—скр. dzī-vas, лат. vī-vus, лит. gī-vas (живой); ц.-сл. и др.-русск. *пи*-ти—скр. pī-tis (питье), pī-tas (выпитый), гр. πῑ́-νω; ц.-сл. и др.-русск. видѣвъш-*и* (причастіе, им. ед. женск. р.) — скр. vidúś-ī (причастіе перфекта отъ корня vid- знать; им. ед. ж. р.), лит. davus-*i* (причастіе прош., отъ глаг. давать, им. ед. ж. р.).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ это *и*, долженъ былъ звучать ī. Такимъ образомъ корни и окончаніе приведенныхъ словъ и формъ должны были быть g_2ī-, pī-, -ī.

Слав. *и* изъ обще-индо-европ. ī первоначально было звукомъ долгимъ.

Должно замѣтить, что оно вошло, на славянской почвѣ, въ составъ ѧ;

2) скр. ē (изъ āi), греч. ει, лат. ī (изъ *ei*), лит. *ei*, ē (=дифт. *ie*): ц.-сл. и др.-р. *вид*ъ—гр. Fεῖδος, лит. *vei*las (лицо); ц.-сл. и др.-р. *и*-ти—скр. ē-mi (иду), греч. εῖ-μι, лит. *ei*-ti (идти), *ei*-mi (иду); ц.-сл. *зи*ма—греч. χεῖμα, лит. *žie*ma (зима).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ это *и*, долженъ былъ звучать какъ дифтонгъ *ei*. Корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ должны были быть *vei*d-, *ei*-, g_1*hei*m-.

Слав. *и* изъ *ei* первоначально было также звукомъ долгимъ.

Кромѣ *и* изъ ī и изъ дифтонга *ei*, церковно-славянскій языкъ имѣетъ *и*: 1) изъ ь (ъ) при предъидущемъ или послѣдующемъ *j*, 2; изъ ѣ въ концѣ формъ имен. мн. и повел. накл. и послѣ *j*, 3) изъ ы послѣ *j*.

Славянское *у* обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) передъ ископи твердыми согласными и *j*: скр. ū (изъ *au*), греч. αυ, ου, лат. *au*, ū (изъ *ou*), лит. *au*: ц.-сл. и др.-р. *туръ*—греч. ταῦρος, лат. *taurus*, лит. *tauras*; ц.-сл. и др.-р. *уши* (дв. ч.)—лат. *auris*, лит. *ausis*; ц.-сл. и др.-р. *дур*-ьнъ — греч. θαῦρ-ος, лат.

fātr-or; ц.-сл. и др.-р. сын*у* (род. ед.)—скр. sūnōs (род. ед., изъ sūn-*aus*), лит. sūn*aus* (род. ед.).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ слав. *у* передъ ископи твердыми согласными и передъ *j*, долженъ былъ звучать какъ дифтонгъ *au* (можетъ быть, иногда *āu*), имѣвшій *a* или открытое (откуда греч. αυ, лат. *au*), или нѣсколько закрытое, приближающееся къ *o* (откуда гр. ευ, лат. *ū*). Такимъ образомъ корни и окончаніе приведенныхъ словъ и формы въ обще-индо-европ. языкѣ должны были быть t*aur*-, *aus*-, -*aus*.

Несомнѣнно, слав. *у* первоначально было долгимъ звукомъ.

Трудно сомнѣваться, что слав. *у* развилось изъ дифтонга *au* (чрезъ посредство дифтонга *ou*) уже на славянской почвѣ, можетъ быть, послѣ того времени, когда началось нѣмецкое вліяніе на общеславянскій языкъ (срв. ц.-сл. *у*серязь и пра-нѣм. *au*sahringos ушное кольцо);

2) передъ мягкими согласными: скр. *ō* (изъ *au*), гр. ευ: ц.-сл. бл*юд*-ѫ, др.-р. блюд-у (= бл'уд-ѫ, изъ бjуд-ѫ; *л'* — мягкое *л*) — скр. bōdh-āmi (знаю), гр. πεύθ-ομαι (изъ φευθ—). Къ этому примѣру должно присоединить еще ц.-сл. и др.-р. *жю*п-ьлъ, *чю*до, *чю*-ти, *шю*мъ, *лю*бъ, *лю*дь, *лю*ть, ц.-сл. *шт*южьдь=др.-русск. *чю*жь и т. п., для которыхъ однако мы не можемъ представить соотвѣтствующихъ словъ изъ другихъ индо-европ. языковъ.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ слав. *у* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ, долженъ былъ звучать какъ дифтонгъ *eu* (иногда, можетъ быть, *ēu*). Такимъ образомъ корень приведеннаго слова въ обще-индо-европ. языкѣ долженъ былъ звучать: bh*eu*dh-.

Несомнѣнно, это слав. *у* первоначально было также звукомъ долгимъ.

Вѣроятно, оно развилось изъ *eu* уже на славянской почвѣ и переходнымъ звуковымъ сочетаніемъ отъ *eu* къ *у* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ было сочетаніе *jу*. На это указываетъ *л* въ бл*юдж*, образовавшееся изъ *j* (какъ *л* въ люблѫ и т. п.); на это указываетъ ц.-сл. *шт* въ *шт*южьдь и др.-р. *ч* въ *чю*жь, изъ *т*, которыя не могли бы образоваться, если бы послѣ *т* не было *j*.

Славянское ъ 1) обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *u*, греч. ὐ, лат. *u*, лит. *u*: ц.-слав. и др.-р. рѫдѣти—скр. *rudh*-iras (красный), греч. ἐρυθ-ρός, лат. *rub*-er, лит. *rud*-as (рыжій); ц.-сл. дъшти, др.-р. дъчи (изъ *дъгти, *дъкти)—скр. *duhitā* (им. ед., основа *duhitar*-, дочь), гр. θυγάτηρ, лит. *duktē* (дочь); ц.-сл. и др.-р. сынъ (им. п. ед.) — санскр. sūn*u*-s (сынъ), лит. sūn*u*-s (сынъ).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ это слав. ъ, долженъ былъ звучать какъ *ŭ*, такъ что корни и основа приведенныхъ словъ были *rudh*-, *dug*$_2$*h*-, *sūnu*-.

Это слав. ъ было искони звукомъ краткимъ;

2) въ сочетаніи съ плавными согласными, именно въ группахъ ъл, ър съ послѣдующимъ согласнымъ, соотвѣтствуетъ санскр. гласному *r̥* (r) и группамъ *ur*, *ūr*, *ir*, *īr*, лит. *il* (*ir*): ц.-сл. вълкъ, откуда влкъ (влзкъ), др.-р. вълкъ—скр. v*r̥*kas (волкъ), лит. v*il*kas (волкъ); ц.-сл. и др.-р. пълнъ—скр. *pūr*nas (полный), лит. p*il*nas (полный); ц.-сл. и др.-р. дългъ—скр. d*īr*ghas (долгій), лит. *il*gas (долгій). Западно-славянскіе языки здѣсь, на мѣстѣ ц.-сл. и др.-русск. ъ, иногда имѣютъ ъ: *вълкъ (лужицк. v*el*k, пол. w*il*k).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ слав. ъ въ соединеніи съ слѣдующими согласными плавными, могъ звучать какъ гласный плавный—*r̥* или *l̥*. Такимъ образомъ основы приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ могли быть v*r̥*$_k$*a*-, p*r̥*n*a*-, d*r̥*g$_h$*a*-.

Это слав. ъ искони было звукомъ также краткимъ.

Кромѣ ъ изъ обще-индо-европ. *r̆* и ъл, ър изъ обще-индо-европ. плавныхъ гласныхъ, церк.-славянскій языкъ имѣетъ еще развившійся на славянской почвѣ ъ изъ *o* (*ă*), обще-индо-европ. *a*.

Надо имѣть въ виду, что славянское ъ на славянской почвѣ 1) вошло въ составъ ж, 2) перешло послѣ *j* въ ь и 3) перешло передъ *j* въ ы.

Слав. ъ, какого бы оно происхожденія ни было, въ древнѣйшую эпоху существованія обще-славянскаго языка (впрочемъ когда на него уже оказывалъ вліяніе нѣмецкій языкъ) звучало какъ краткое *y*. Срв. ц.-сл. кънязь, др.-р. кънязь и пра-нѣм. k*u*ningos.

Славянское ы обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *ū*, греч. *ῡ*, лат. *ū*, лит. *ū*: ц.-сл. и др.-русск. дымъ – скр. dh*ū*mas (дымъ), гр. θῦμός,

лат. f*ū*mus, лит. d*ū*mai (им. мн.); ц.-сл. и др.-р. мышь — санскр. m*ū*š- (мышь, въ сложныхъ словахъ), гр. μῦς, лат. m*ū*s; ц.-сл. и др.-русск. сынъ — санскр. s*ū*nus, лит. s*ū*nus.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ *ы*, долженъ былъ звучать какъ *ū*, такъ что корни приведенныхъ словъ были dh*ū*m-, m*ū*s-, s*ū*-.

Несомнѣнно, *ы* первоначально было звукомъ долгимъ.

Кромѣ *ы* изъ обще-индо-европ. *ū*, церковно-славянскій языкъ имѣетъ еще *ы* 1) изъ слав. *a*, обще-индо-европ. *ā*, 2) изъ слав. *o*, *ă*, обще-индо-европ. *a* и 3) изъ *ъ*, обще-индо-европ. *u*.

Слав. *ы* изъ *ū*, *ā*, *ă*, въ древнѣйшую эпоху жизни обще-славянскаго языка (впрочемъ когда уже началось на него вліяніе нѣмецкаго языка) звучало какъ долгое *y*. Сравни ц.-сл. хызъ и др.-верхне-нѣм. h*ū*s.

Слав. *ы* на славянской почвѣ послѣ *j* кое-гдѣ перешло въ *u*.

Славянское *ъ*

1) обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *i*, греч. ι, лат. *i*, лит. *i*: ц.-слав. и др.-русск. вдова — скр. v*i*dhavā- (вдова, въ сложныхъ словахъ), лат. v*i*dua; ц.-сл. и др.-р. льнъ — гр. λ*ί*νον, лат. l*i*num, лит. l*i*nas; ц.-сл. и др.-р. ѥсмь (1 л. ед. ч.)—скр. as-m*i*, гр. ε*ἰ*-μ*ί*, лит. es-m*i*.

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ это славян. *ъ*, долженъ былъ звучать какъ *ĭ*.

Корни и окончаніе приведенныхъ словъ и формъ въ обще-индо-европ. языкѣ звучали v*i*dh-, l*i*n-, -m*i*;

2) въ сочетаніи съ послѣдующими плавными и носовыми согласными, именно въ группахъ: а) *ър* и б) *ъм*, *ън*, — соотвѣтствуетъ:

а) скр. гласному *r* (*ṛ*) и группамъ *ur*, *ir*, греч. αρ, ρα, лат. *or*, лит. *ir*: ц.-слав. съ-мъ*р*-ть, откуда смрть (см*р*ть), — скр. m*ṛ*-tis (смерть), лат. m*or*-s m*or*-tis, лит. m*ir*-tis (смерть); ц.-слав. и др.-р. четв*ър*-тъ, греч. τέταρ-τος, τέτρα-τος, лит. ketv*ir*-tas (четвертый); ц.-слав. и др.-р. с*ърд*-ьце — греч. καρδ-ία, гомерич. κραδ-ίη, лит. š*ir*d-is (сердце);

б) скр. *a* и группамъ *am*, *an*, лат. *em*, *en*, лит. *im*, *in*: ц.-слав. и др.-р. мы*н*-ѣти — скр. m*a*-tis (мысль), лат. m*en*-tio; ц.-сл. и др.-р. въз-*ьм*-ѫ — лит. *im*-u, *im*-ti (беру, брать); ц.-сл. жы*н*-ѭ, др.-р. жы*н*-у — лит. g*in*-u, g*in*-ti (отражаю, отражать).

ъ-е-о-а

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ слав. *ър*, могъ звучать какъ гласный *r* (*r̥*), а обще-индо-европ. звуки, къ которымъ восходятъ слав. *ъм*, *ън*, — могли звучать какъ гласные носовые *m* (*m̥*) и *n* (*n̥*).

Несомнѣнно, слав. *ъ*, какого бы образованія оно ни было, искони было звукомъ краткимъ.

Славянское *ъ*, какого бы происхожденія оно ни было, въ древнѣйшую эпоху существованія обще-славянскаго языка (впрочемъ, когда уже началось на него вліяніе нѣмецкаго языка) звучало какъ краткое *i*. Сравни ц.-сл. и др.-р. стькло и пра-нѣм. stiklos.

Кромѣ 1) *ъ* изъ обще-индо-европ. *i* и 2) *ъ* въ группахъ *ър*, *ъм*, *ън* изъ обще-индо-европ. плавнаго и носовыхъ гласныхъ, церковно-слав. языкъ имѣетъ еще *ъ* развившійся на слав. почвѣ изъ *е* и (послѣ *j*) изъ *ѣ*.

Надо имѣть въ виду, что слав. *ъ* на славянской почвѣ 1) вошло въ составъ ѧ и 2) подъ вліяніемъ предъидущаго или послѣдующаго *j*, перешло въ *и*.

Славянское *ѣ* обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) санскр. *ā*, греч. *η*, лат. *ē*, лит. *ē* (= *ė*): ц.-слав. и др.-р. *дѣ*-ти — скр. da-dhā-mi (кладу), греч. τι-θη-μι, лит. dē-ti (класть); ц.-сл. и др.-р. *сѣ*-ти, *сѣ*-мя — греч. ἰ-η-μι (изъ σι-ση-μι), лат. sē-men, лит. sē-ti (сѣять), sē-mens (посѣвъ, мн. ч.): ц.-сл. и др.-р. об-*ѣд*-ъ — лит. ēd-mi (*ѣмъ*).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ здѣсь *ѣ*, долженъ былъ звучать какъ *ē* открытое, близкое къ *a*, или — что то же — какъ узкое *ā*, склоняющееся къ *е*. Такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европейскомъ языкѣ должны были быть dhē-, sē-, ēd-.

Несомнѣнно, слав. *ѣ* изъ *ē* первоначально было звукомъ долгимъ. Это *ѣ* на славянской почвѣ, послѣ *j* и шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, перешло въ *а*;

2) скр. *ē* (изъ *ai*), *āi*, греч. αι, οι, ᾳ, лат. *ae*, *ē*, *oe*, *ā*, лит. *ai*, *ė*: ц.-сл. и др.-р. *лѣвъ* — греч. λαιϝός, лат. laevus; ц.-слав. и др.-р *дѣверь* — скр. dēvā (деверь, осн. dēvar-), греч. δα(ϝ)ήρ, лат. lēvir; ц.-сл. *снѣгъ* — лит. snẽgas; ц.-слав. и др.-р. *вѣд-ѣ* (знаю) — скр. vēd-a (знаю), греч. Fοῖδ-α; ц.-слав. и др.-р. *бѣсъ* — лит. baisus (страшный);

ц.-сл. и др.-р. вълц-*ѣ* (мѣстн. ед.)— скр.vṛk-*ē* (мѣстн. ед., волкъ), греч. οἴκ-οι; ц.-сл. и др.-р. жен-*ѣ* (мѣстн. п. ед.) — греч. χώρ-α, лат. Rom-*ae*.

Обще-индо-европейскихъ звуковъ, къ которымъ восходитъ здѣсь *ѣ*, должно было быть два: это были дифтонги *āi* и *āi* или 1) съ чистымъ *a* (откуда греч. αι, α, лат. *ae*, *ē*), или 2) съ *a* закрытымъ, склоняющимся къ *o* (откуда греч. οι, лат. *oe*, *ī*). Корни и окончаніе приведенныхъ словъ и формъ въ обще-индо-европ. языкѣ были *lāiv-*, *dāiv-*, *vāid-*, *bhāi-*, *-āi* (мѣстн. ед. муж. р.), *-āi* (мѣстн. ед. ж. р.).

Слав. *ѣ* изъ дифтонга образовалось на славянской почвѣ, уже послѣ того, какъ началось взаимное вліяніе языковъ обще-славянскаго и нѣмецкаго (срав. ц.-слав. и др.-р. хлѣбъ и пра-нѣм. hl*ai*bhos хлѣбъ). Это *ѣ* еще не могло существовать въ то время, когда совершился въ славянскомъ языкѣ переходъ гортанныхъ согласныхъ въ шипящіе: тогда на мѣстѣ *ѣ* находился твердый гласный, неспособный смягчать гортанные, дифтонгъ *ai*.

Слав. *ѣ* изъ дифтонга на славянской почвѣ 1) въ концѣ нѣкоторыхъ словъ (формъ) и 2) послѣ *j* — перешло въ *и*.

---

2. Чередованія гласныхъ.

Если мы вглядимся въ лексическій составъ церковно-славянскаго языка, то увидимъ въ немъ цѣлый рядъ словъ, несомнѣнно родственныхъ между собою, но отличающихся (помимо суффиксовъ и т. п.) качествомъ гласныхъ звуковъ въ корняхъ.

При группировкѣ подобныхъ словъ, мы можемъ выдѣлить три главныя группы, которыя по входящимъ въ составъ ихъ звукамъ можно назвать: 1) группа *A*, 2) группа *I* и 3) группа *У*.

I. Группа А. Корни родственныхъ словъ группы *A* отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что имѣютъ гласный: одни — *е*, другіе — *о*, третьи — *ѣ* (изъ обще-индо-европ. *ē*), четвертые — *а*, пятые и шестые (передъ плавными и носовыми согласными) — *ъ* или *ъ*; иначе говоря, въ корняхъ словъ этой группы чередуются между собою звуки въ однихъ — *е*, *о*, *ѣ*, *а*, въ другихъ, передъ плавными и носовыми, сверхъ того, — *ъ*, *ъ*.

Корней, въ которыхъ бы чередовались всѣ эти гласные, не существуетъ.

Корни, въ которыхъ чередуются по четыре изъ указанныхъ гласныхъ, сравнительно немногочисленны: греб-ѫ, гроб-ъ, по-грѣб-ати, граб-ити, русск. граб-ли; лежѫ-ати, по-ложѫ-ити, лог-ати, по-лог-ати: несѫ, нос-ити, нѣс-ъ (аористъ), при-наш-ати; плетѫ, плот-ъ, съ-плѣт-ати, плат-ъ, за-плат-а; текѫ, ток-ъ, у-тѣкѫ-ати, за-тач-ати, и др.

Корней, въ которыхъ чередуются какіе-либо три изъ указанныхъ гласныхъ, также немного: 1) вед-ѫ, вод-ити, про-важд-ати, русск. спро-вад-ить; мет-ѫ, мос-ть, мѣт-ати; рекѫ, рок-ъ, рѣч-ь; сед-ѣло, сѣд-ѣти, сад-ъ; 2) берѫ, у-бор-ъ, бър-ати; дерѫ, раз-дор-ъ, дър-ати.

Гораздо больше корней, гдѣ чередуются только два гласныхъ: 1) брѣд-ѫ, брод-ъ; везѫ, воз-ъ; стен-ати, стонъ; дѣб-елъ, дѣб-рь (Зогр. Ев.), доб-ръ; тѣп-лъ, топ-лъ, топ-ити; вел-ѣ, вол-я; чес-ати, кос-а; себ-е, соб-оѭ; 2) сек-ыра (Син. Пс. 156), сѣкѫ: лет-ѣти, лѣт-ати; гнетѫ, у-гнѣт-ати; се-ло, сѣ-мѧ; 3) клон-ити, клан-ятисѧ: кол-ѣ, за-кал-ати; кос-нѫтисѧ, кас-атисѧ; моч-ити, мак-ати: пол-ѣти, пал-ити; сто-ѣ, въ-ста-ѣ.

Такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ коренныя *е* и *ъ* вошли въ составъ ѧ, коренное *е* перешло въ *ѣ* (въ церк.-слав. сочетаніяхъ *рѣ*, *лѣ*), коренное *о* (*ă*) вошло въ составъ ѫ или перешло въ *а* (въ церк.-слав. сочетаніяхъ *ра*, *ла*), въ *е* (послѣ *j*), въ *ъ*, а коренное *ѣ* перешло въ *а* (послѣ *j* и шипящихъ), то естественно, при чередованіи гласныхъ мы наблюдаемъ чередованіе не только *е*, *о*, *ѣ*, но и ихъ производныхъ. Мы находимъ:

за-конъ-ъ, за-чѣн-ѫ, за-чѧ-ти; ѥм-лѭ (изъ *jом-лѭ*), въз-ѣм-ѫ, въз-ѧ-ти; за-пон-а, рас-пѣн-ѫ, рас-пѧ-ти, пѫ-то; звон-ъ, звѣн-ѣти, звѫ-къ: по-грѧз-нѫ, по-грѫз-ити; мят-ежь, мѫт-ити; мак-ъкъ, мѫк-а; съ-прѧг-ати, съ-прѫг-ъ;

пер-ѫ, о-пор-а, прѣ-ти (изъ *пер-ти); мор-ъ, мър-ѫ, мрѣт-и (изъ *мер-ти); от-вор-ити, вър-ѫ, врѣ-ти; пол-ѣти, пла-мѧ (изъ *пӑл-мѧ): про-стор-ъ, стра-на (изъ *стӑр-на), про-стрѣ-ти (изъ *стер-ти): мърз-нѫ, мраз-ъ (изъ мӑрз-ъ); смърд-ѣти, смрад-ъ; мърк-нѫ, мрак-ъ: др.-русск. вълък-ъ (причаст. прош. вр.), ц.-сл. об-(в)лак-ъ, влък-ѫ;

жел-ати, жал-ѣти (изъ *жьл-ѣти); жер-авъ (горячій), гор-ѣти, съ-гар-ати, жар-ъ (изъ *жьр-ъ); кад-ити, чад-ъ (изъ *чьд-ъ).

Чередованіе коренныхъ гласныхъ *e*, *o*, *ъ*, *a*, *ь*, *ъ* въ родственныхъ между собою словахъ церк.-славянскаго языка не принадлежитъ къ числу свойствъ ни этого языка, ни вообще славянскихъ языковъ. Оно развилось въ недосягаемой для науки древности, еще въ глубинѣ обще-индо-европейскаго періода, и досталось церк.-слав. языку по наслѣдству въ той же мѣрѣ, въ какой и другимъ индо-европейскимъ языкамъ. Въ послѣднихъ чередуются тѣ гласные, которые соотвѣтствуютъ славянскимъ *e*, *o*, *ъ*, *a* и проч., т. е. всего чаще: въ санскритѣ—*a* и *ā*, въ греческомъ—ε, ο, η, ω, въ латинскомъ—*e*, *o*, *ē*, *ō* (съ ихъ производными), въ литовскомъ *e*, *a*, *ē*, *o*. Въ обще-индо-европейскомъ языкѣ всего чаще должны были чередоваться коренные гласные *e*, *a* (близкое къ *o*), *ē*, *ā* (близкое къ *o*), а иногда (когда въ церк.-славянскомъ являлись *ъ* и *ѣ*) могли принимать участіе въ чередованіи также гласные плавные и носовые (*er*, *ar*, *ēr*, *ār* и гласный *r̥*; *em*, *am*, *ēm*, *ām* и гласный *m̥*).

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ классическихъ языковъ и литовскаго:

греч. κλέπ-τω, κέ-κλοφ-α, κλωπ-άομαι; τρέπ-ω, τρόπ-ος, τρωπ-άω; φέρ-ω, φόρ-ος; λέγ-ω, λόγ-ος; λέχ-ομαι, ἄ-λοχ-ος; δέω, δῐ-δη-μι; μέλ-ει, μέ-μηλ-ε; τῐ-θε-μεν, τῐ-θη-μι; δῐ-δο-μεν, δό-σις, δῶ-ρον; πο-τόν, πέ-πω-κα; ὀπ-τέον, ὄπ-ωπ-α; ῥήγ-νυμι, ἔ-ῤῥωγ-α; πτήσσω, πτώσσω; ἀρήγω, ἀρωγός;

лат. teg-o, tog-a, tēxi, tēg-ula; dec-et, doc-eo; vel-le, vol-o; sequ-or, soc-ius; sed-eo, sēd-es; ed-o (наст. вр.), ēd-i (перф.); leg-o, lēg-i; voc-o, vox vōcis;

лит. met-u (бросаю), at-mat-as (отбросъ), mēt-au (прош. вр.); neš-u (тащу), pra-naš-as (пророкъ); tek-u (теку), tak-as (токъ); ved-u (веду), vad-as (вожакъ); darb-as (работа), dirb-u (работаю); ger-iu (пью), gēr-is (питье), gir-a (напитокъ); slenk-u (ползу), slank-a (лѣнтяй), slink-ti (неопред. н.).

Наблюдая тѣ случаи, гдѣ въ церковно-славянскомъ, греческомъ, латинскомъ и литовскомъ чередуются въ родственныхъ словахъ гласные группы *A*, мы иногда можемъ замѣтить связь между качествомъ кореннаго гласнаго съ одной стороны и суффиксомъ слова съ другой; иначе говоря, мы можемъ установить зависимость коренного гласнаго въ словѣ отъ суффикса этого слова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ значенія этого слова, насколько оно опредѣляется суффиксомъ.

Въ церковно-славянскомъ языкѣ особенно замѣтна связь съ суффиксами коренныхъ *е* и *о*.

Коренное *е* съ его производными мы находимъ, между прочимъ:

1) въ формахъ настоящаго врем. изъявительнаго накл., образованныхъ посредствомъ суффикса *о* (*ă*)—*е*: ц.-сл. бер-ж, бред-ж, вед-ж, вез-ж, греб-ж, жен-ж, мет-ж, нес-ж, пе-кж, рек-ж, тек-ж: стрѣг-ж (изъ *стерг-ж), влѣк-ж; блад-ж (а изъ *ен*), мат-ж (но: мог-ж); сравни:

греч. φέρ-ω, ἕλκ-ω, ἔχ-ω, λέγ-ω, λέχ-ομαι, τρέπ-ω, τρέφ-ω;

лат. fer-o, veh-o, leg-o, ter-o, em-o, reg-o, pet-o, sequ-or;

лит. ved-u, vež-u, gen-u, met-u, neš-u, tek-u, velk-u (влеку);

2) въ глагольныхъ формахъ, тѣсно связанныхъ по происхожденію съ формами настоящаго врем., между прочимъ въ формахъ неопредѣл. н. и причастія настоящ. вр.: ц.-слав. неопред. н. брес-ти, вес-ти, стрѣшти, мас-ти и т. п.; сравни:

греч. φέρ-ειν, ἔχ-ειν и т. п.;

лат. fer-re, veh-ere и т. п.;

лит. ves-ti, veš-ti и т. п.

Коренное *о* (*ă*) съ его производными мы находимъ, между прочимъ:

1) въ именахъ съ ц.-слав. суффиксомъ *о*—*е*: ц.-сл. съ-бор-ъ, брод-ъ, -вод-ъ, воз-ъ, гроб-ъ, водо-нос-ъ, про-рок-ъ, по-ток-ъ, нов-ъ, об-(в)лак-ъ (изъ —*вълк-ъ), водо-ѥмъ (изъ —*јом-ъ), блѫд-ъ, сѫпржг-ъ; сравни:

греч. φόρ-ος, ὄχ-ος, λόγ-ος, τρόπ-ος и т. п. (но: νέF-ος);

лат. rog-us, nov-us и т. п.;

лит. vad-as, tak-as, nav-as (новый) и т. п.;

2) въ формахъ настоящаго врем. изъявительн. накл. (а вмѣстѣ съ ними и въ другихъ глагольныхъ формахъ, въ томъ числѣ въ ф. неопредѣленнаго накл. и причастій) глаголовъ съ суффиксомъ *ī* (ц-сл. *и*): благо-вол-ѩ вол-и-ши, гон-ѩ гон-и-ши, лов-лѭ, лом-лѭ, мол-ѩ, мор-ѩ, твор-ѩ, хожд-ѫ, блѫжду, мѫчѫ (но: вел-ѩ, държ-ѫ, търп-лѭ и т. п.);

3) въ формахъ настоящаго вр. изъявительнаго накл. съ ц.-слав. суффиксомъ *jo*—*je*: ц.-сл. бор-ѩ бор-ѥ-ши, кол-ѩ кол-ѥ-ши, зоб-лѭ зоб-лѥ-ши (но: мел-ѩ, стел-ѩ);

4) въ именахъ съ суффиксомъ *jo*—*je* (муж. и средн. р.) или *ja*—*jo* (женск. р.): ц.-сл. вождь (изъ *вод-јъ), ножь (изъ *ноз-јъ),

лож-е, пол-ѥ, гор-ѥ, зор-я, русск. по-гон-я, гроб-ля, нош-а, вон-я, вол-я, дол-я, тѫч-а (но: межда, по-стел-я и т. п.).

Кромѣ указаннаго выше чередованія коренныхъ гласныхъ, мы находимъ въ церковно-славянскомъ, греческомъ, латинскомъ и литовскомъ языкахъ чередованіе *о* (*ă*) и *е* съ ихъ производными въ суффиксахъ, образующихъ именныя и глагольныя основы.

Церковно-славянскія имена мужескаго рода, оканчивающіяся въ имен. п. ед. ч. на *ъ*, имѣютъ въ своихъ основахъ въ однихъ падежахъ (а равно въ чистой основѣ, входящей въ составъ сложныхъ словъ)—*о* (откуда *ъ*), въ другихъ—*е*: вълко-мъ (дат. мн.), вълкъ (им.-вин. ед.), вълче (зв. ед.); рабо-мъ, рабе; бого-мъ, бого-носьнъ, боже. Имена, оканчивающіяся въ имен. ед. на *ъ* (изъ *jъ*) вмѣсто *о* имѣютъ *е* (изъ *jо*): мужемъ.

Церковно-славянскія имена средн. рода, съ окончаніемъ въ имен.-вин. ед. *о*, въ род. ед. *есе*, имѣютъ въ основахъ въ имен.-вин. ед. *о*, въ прочихъ падежахъ *е*: небо (изъ **небос*), небес-е, небес-а и т. д.; коло, колес-е, колес-а и т. д.; слово, словес-е, словес-а; чюдо и т. д.

Церковно-славянскіе глаголы въ формахъ настоящ. вр., аориста и имперфекта имѣютъ въ однихъ лицахъ *о*, въ другихъ *е*: несѫтъ (изъ **несо-нтъ*), несе-ши, несе-тъ, несе-те; несо-мъ (1 мн. аор.), несе, несе-те (2 мн. аор.); несѣахо-мъ (1 мн. имперф.), несѣаше, несѣаше-те; даѭтъ (изъ **дајо-нтъ*), даѥ-ши и т. д.

Сравни греч. 1) λύκο-ς, λύκο-ν, Λυκό-φρων, λύκε; ἄνθρωπος, ἀνθρωπο-φάγος, ἄνθρωπε; 2) νέφος, νέφε(σ)-ος, νέφε(σ)α; ἔπος, ἔπεος; ἔλκος, ἔλκεος; 3) λείπο-μεν, λείπουσι (изъ **λείπο-ντι*), λείπε-τε, ἔλιπο-ν, ἐλίπο-μεν, ἔλιπε-ς, ἐλίπε-τε, ἔλειπον, ἐλείπο-μεν, ἔλειπε-ς, ἐλείπε-τε;

лат. 1) lup*u*-s, lup*u*-m (изъ lupo-s, -m), lup*e*, domin*u*-s, domin-*e*; 2) gen*us* (изъ genos), gener-is, gener-a; op*us*, oper-is, oper-a (но corp*us*, corp*or*-is и др.); 3) veh*u*-nt (изъ veho-nt), veh*i*-s, veh*i*-t, veh*i*-tis (изъ vehe-s, vehe-t, vehe-tis);

лит. 1) vilk*a*-s (им. ед.), vilk*a*-i (им. мн.), vilk*a*-ms (дат. мн.), vilke (зв. ед.).

Вообще церковно-славянскій языкъ относительно чередованія гласныхъ въ суффиксахъ въ общемъ вполнѣ согласенъ съ другими индо-европейскими языками. Можно отмѣтить только одну особенность: формы 1 л. мн. (и дв.) ч. наст. вр. имѣютъ въ немъ (какъ и

въ латинскомъ) *e*: несе-мъ (несе-вѣ), тогда какъ языки греческій и литовскій указываютъ на *o*: λείπο-μεν, ve*ž*ă-me. Надо думать, въ виду *o* въ основахъ формъ 1 л. мн. ч. аориста и имперфекта: несо-мъ, несѣахо-мъ, — что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ славянскимъ новообразованіемъ, возникшимъ подъ вліяніемъ формъ съ *e*, т. е. что новая форма несе-мъ замѣнила собою древнюю форму 1 л. мн. ч. наст. вр. несо-мъ подъ воздѣйствіемъ формъ несе-ши, несе-тъ, несе-те. Сравни литовскую форму 2 л. мн. ч. наст. вр. ve*ž*ă-te, вмѣсто ожидаемой ve*ž*ete, которая, вѣроятно, обязана своимъ происхожденіемъ вліянію формы 1 л. мн. ч. ve*ž*ă-me и т. п.

Рядомъ съ чередованіемъ въ родственныхъ между собою словахъ коренныхъ *e*, *o*, *ъ*, *а*, *ь*, *ѣ* съ ихъ производными, мы находимъ какъ въ церковно-славянскомъ, такъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ чередованіе *e*, *o*, *ъ*, *а*, *ь*, *ѣ* и ихъ производныхъ съ одной стороны и *и* съ другой. Количество словъ, имѣющихъ въ корнѣ это *и*, сравнительно не велико. Это—слова съ плавнымъ или носовымъ согласнымъ въ корнѣ: съ-*бир*-ати, по-*жир*-ати, про-*жир*-а, у-м*ир*-ати, про-ст*ир*-ати, у-ст*ил*-ати, русск. на-ст*ил*-ка, по-м*ин*-ати, по-м*ин*-ъ, на-ч*ин*-ати, ч*ин*-ъ. За ними слѣдуетъ нѣсколько словъ въ родѣ съ-*жиз*-ати, съ-*жиг*-ати, про-р*иц*-ати, на-р*ич*-ж, ис-т*иц*-ати, у-ш*ид*ъ (бѣглецъ, Свят. Сборн. 1073 г. 67 об.).

Приведенныя слова и имъ подобныя, вѣроятно, принадлежатъ къ числу славянскихъ новообразованій. Коренное *и* явилось въ нихъ не путемъ измѣненія *ъ*, *ь* или иного гласнаго, а путемъ аналогіи словъ чередующихъ *ъ* и *и* (вторая группа чередованій, группа *J*). Дѣло въ томъ, что почти всѣ слова съ *и*, въ родѣ съ-*бир*-ати, имѣютъ при себѣ родственныя слова съ кореннымъ *ъ*, или древнимъ, соотвѣтствующимъ литовскому *i* (въ *il*, *ir*), или новымъ, развившимся на славянской почвѣ изъ *е*. Такъ, при -*бир*-ати, мы находимъ бър-ати; при -*жир*-ати — жърж, жър-ати; при -м*ир*-ати — мър-ж, у-мър-лъ (причастіе) и т. п.; при -ст*ир*-ати — про-стър-лъ (причастіе); при -ст*ил*-ати — стъл-ати; при -*жин*-ати — жън-ѫ; при -м*ин*-ати — мън-ѫ, мън-ѣти; при -ч*ин*-ати — чън-ж, на-чън-ъ; при -*жиз*-ати — жъз-и, жъгж (Супр. р., Остр. Ев.); при -р*иц*-ати — ръц-и (повелит. накл.), (повелит. накл.), др.-русск. рък-у; при -т*иц*-ати —тъц-и (повелит. накл.); при у-ш*ид*-ъ—шъд-ъ (причастіе).

Коренное *ъ* въ приведенныхъ словахъ, будучи въ звуковомъ отношеніи тожественно съ *ъ* изъ обще-индо-европ. *i*, было причиною образованія новыхъ словъ (родственныхъ) съ кореннымъ *и*, по образцу уже существовавшихъ, древнихъ словъ съ кореннымъ *и*. Такимъ образомъ *ъ* въ *бър-ати*, *стъл-ати*, *мън-ѣти*, тожественное въ звуковомъ отношеніи съ *ъ* въ *пъсати*, повело къ образованію словъ *бир-ати*, *стил-ати*, *мин-ати*, *по-мин-ъ*, по образцу *пис-ати*, *за-пис-ь*, причемъ установилось между *бър-ати* и *бир-ати* то самое отношеніе, которое существовало издревле между *чътати*, *чът-нити*, *чът-ж* и *чит-ати*, *чис-ти*; между *пъс-ати* и *пис-ати*, *пиш-ж*; между *жъд-ати*, *жъд-ж* и *о-жид-ати*, *жид-ж*; между *цвът-ж* и *цвит-ати*, *цвис-ти*, и т. п.

Впрочемъ возможно, что нѣкоторыя слова съ *и* получили свое начало не на славянской, а на славяно-литовской почвѣ; напримѣръ, *по-жин-ати*; сравни лит. *gīn-iau* (прош. вр. къ *gīn-u*, отражаю); но вполнѣ возможно, что многочисленныя литовскія слова съ *ī* — независимыя собственно-литовскія новообразованія, лишь случайно совпавшія со славянскими.

Славянскія новообразованія въ родѣ *бир-ати* отчасти совсѣмъ, безъ остатка, вытѣснили старыя образованія съ *ъ* въ родѣ *бър-ати* (польск. *bierać* и т. п. не имѣютъ съ этими послѣдними ничего общаго), отчасти стали употребляться рядомъ съ ними. Такъ, новое *по-мин-ати* стало употребляться рядомъ съ старымъ *мън-ити*, *съ-жив-ати*, *-жиг-ати* рядомъ съ *жъг-ати* (изъ **жьг—*), *по-рић-ати* рядомъ съ старымъ *про-рък-ати*.

Наконецъ мы должны отмѣтить еще одно славянское новообразованіе — чередованіе *о* и *а* въ суффиксахъ (въ глаголахъ). Церковно-славянскій языкъ имѣетъ ф. неопред. накл. *свободити* и *свобаждати*; въ русскомъ подобныя глагольныя формы довольно многочисленны: *роботаю* и *выробатываю* и т. п. Здѣсь мы имѣемъ дѣло, безъ сомнѣнія, съ результатомъ вліянія на формы *свободити* и *свобождати*, *работити* и *работати* формъ съ *о* и *а* въ корнѣ — *носити* и *нашати* и т. п.

II. Группа J. Корни родственныхъ между собою церковно-славянскихъ словъ группы *J* отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что имѣютъ: одни—*ъ*, другіе—*и* (изъ обще-индо-европ. *i* и изъ обще-индо-европ. *ei*), третьи — *ѣ* (изъ обще-индо-европ. *āi*), четвертые—*oj*, пятые (немногіе) —*aj*. Такимъ образомъ въ нихъ чередуются *ъ*, *и*, *ѣ*, *oj*, *aj*. Изъ

нихъ *oj* и *aj* мы находимъ только въ корняхъ открытыхъ (обыкновенно оканчивающихся на гласный звукъ).

Корней закрытыхъ, въ которыхъ бы чередовались три гласныхъ *ъ, а, ь*, немного: свѣ(т)-нѫ, свѧт-ати, свѣт-ъ; цвѣт-нѫ. цвѧт-ати, цвѧсти, цвѣт-ъ: лѣп-ѣти, русск. лѣ(п)-нуть, при-лѧп-ати, лѣп-ити; мѣг-нѫти, мѧт-ъ, съ-мѣж-ити.

Корней закрытыхъ, въ которыхъ бы чередовались два гласныхъ, нѣсколько больше: жѣд-ати, жѧд-ати, жѧд-ѫ (наст. вр.); съ-чѣт-ати, чѣт-ити, чѧт-ати, чѧс-ти: стѣ*s*-я, до-стѧт-ати; зѣд-ати, зѧд-ати, зажда; иѣс-ати, иѧс-ати, иашѫ; иѣх-ати, иях-ати; о-слѣп-нѫти, о-слѣп-е (аор. 3 л. ед.), слѣп-ъ; вѧд-ѣти, вѣд-ѣти; вѧс-ѣти. вѣс-ъ; иѧт-ати, иѣстунъ, русск. иѣт-аться; сѧп-ь, сѣп-ъ; чѧст-ъ. о-цѣст-ити.

Корней открытыхъ, въ которыхъ бы чередовались *ъ, а, ь, oj, aj*. совсѣмъ нѣтъ.

Немногіе корни имѣютъ чередованіе четырехъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній, большая же часть — по три и по два: иь-ѫ. иа-ти, иа-во, поѫ (= по*j*-ѫ), на-иаяти (= -на*j*-ати); по-чь-ѫ. по-чѧ-ти, покои (= -ко*j*-и), по-маяти (Лѣствица Рум. М. XII в. 171 об. = -ка*j*-ати); бь-ѫ, бѧ-ти, боя; гиь-ѫ, гиа-ти, гиоя: лъ-ѫ. лѧ-ти, лъ-ѫ: смь-ѫсѧ, смь-хъ; дь-тѧ, доѫ; бь-сѣ, боѫсѧ; иь-ти, поѫ.

Чередованіе коренныхъ *ъ, а, ь, а, oj, aj*, отмѣченное нами въ церковно-славянскомъ языкѣ, также какъ чередованіе *е, о, ѣ, а, ъ, ѣ*, не принадлежитъ къ числу свойствъ ни этого языка, ни вообще славянскихъ языковъ. Оно также развилося еще на почвѣ общеиндо-европейскаго языка и также принадлежитъ, вмѣстѣ съ славянскими, и другимъ индо-европейскимъ языкамъ. Въ послѣднихъ чередуются тѣ звуки и звуковыя сочетанія, которыя въ нихъ соотвѣтствуютъ славянскимъ *ъ, и, ь, oj, aj*, т. е. въ санскритскомъ языкѣ *i, ī, e* (=*ai*), *aj, āj*, въ греческомъ ι, ῑ, ει, οι..., въ латинскомъ *i, ī* (изъ *ī, ei*), *oe* (*ū*), *ej*, въ литовскомъ *i, ī, ë* (*ei*), *ai, ej, aj*, а также *ēj*.

Въ общеиндоевропейскомъ языкѣ должны были чередоваться *i, ī, ei, ai, ej, aj, ēj, āj* (съ *a* близкимъ къ *o*).

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ классическихъ языковъ и литовскаго:

греч. Fιδ-έ, Fεῖδ-ος, Fειδ-ώς, Foῖδ-α; ἔ-λιπ-ον, λείπ-ω, λοιπ-ός; στιχ-εῖν, στείχ-ω, στοῖχ-ος; ἐπέ-πιθ-μεν, πείθ-ω, πέ-ποιθ-α; ἔ-πι-ον,

πῑ-θι; τῑ́ω, τῑ́ω, ἐ-τῑ́-σα; λιβ-άς, λείβ-ω; ῑ́-μεν, εῑ́-μι; δειδ́-ω, δέ-δοι-κα; Fείκ-ω, Fέ-Foικ-α;

лат. fīd-es, per-fīd-us, con-fīd-o (ī изъ ei: ст.-лат. di-feid-ens), foed-eratus (= ст.-лат. foid-eratos); in-dic-o, dīc-ere (= deic—); i-tum, ī-t (= ei-t), eo (изъ ej-o);

лит. lĩk-ti (оставлять), at-līk-is (рабочій отдыхъ), lĕk-u (наст. вр.), pa-laĩk-as (остатокъ); švĩt-u (сіяю), švīt-ūti (блистать), švĕsa (изъ švĕt-sa, свѣтъ), švaĩt-au (освѣщаю); snĩg-ti (идти снѣгу), snĕg-as (снѣгъ), snaĩg-ala (снѣжинка); rĩt-u, rĩs-ti (катить), rĕt-u, rĕt-ēti (катиться), raĩt-au (круживаю); vĩ-jau я вилъ (пр. вр.), vī-ti (вить), vaĩ-nikas (вѣнокъ), vĕj-u (вью), vaj-oti (-вивать); lĩ-jau (я лилъ), lī-t (дождить), lĕ-tus (дождь), laĩ-dau (заставляю течь).

Кромѣ чередованія *ъ, и, ѣ, oj, aj* между собою въ открытыхъ корняхъ, мы ожидали бы видѣть въ церковно-славянскомъ языкѣ чередованіе ихъ также съ *ьj* и *иj* (сравни чередованіе *ъ, ы, у, ов, ав* съ *ъв* и *ыв*). И дѣйствительно, мы имѣемъ небольшое количество случаевъ этого чередованія: при бъ-ѭ, *би*-ти—у-бьѣти (Зогр. Ев., Син. Пс., Мар. Ев.; сравн. мѣ-ѭ, мы-ти и мъв-ати) = -бьj-ати, пол. u-bi*ij*-ać, у-бьиство (Зогр. Ев., Галицк. Ев. 1144 г.), у-бииство = -бьj-ьство, у-биица, чловѣкоу-бьиць (Гал. Ев. 1144 г.) = -бьj-ьц-, русск. забияка = -би*j*-ака; при въ-ѭ, *ви*-ти — по-вьѣти (Кл. Сб.) = -вьj-ати; при ль-ѭ, *ли*-ти = въз-льѣти (Мар. Ев.) = -льj-ати; при пь-ѭ, *пи*-ти —пьѣница (Зогр. Ев.) = пьj-аница, пьѣньство (Зогр. Ев.) = пьj-аньство, вино-пьиця (Гал. Ев. 1144 г.), вино-пиица = -пьj-ьца (срв. пив-ьца Зогр. Е.), пол. wy-pi*ij*-ać.

Кажется, большая часть церковно-славянскихъ древнихъ глагольныхъ образованій, имѣвшихъ *ьj, иj* въ корнѣ, вытѣснена новыми образованіями, въ которыхъ вмѣсто *ьj, иj* является *ив* и которыя возникли подъ вліяніемъ древнихъ образованій съ кореннымъ *ыв* или *ив* (изъ *ыв*).

Къ числу этихъ новыхъ образованій принадлежатъ всѣ глаголы въ родѣ у-б*ив*-ати, ис-п*ив*-ати, за-гн*ив*-ати, по-ч*ив*-ати, прѣ-л*ив*-ати, существительныя въ родѣ ц.-сл. п*ив*-ьца, русск. у-б*ив*-ецъ, у-б*ив*-ство, а вѣроятно, и всѣ причастія въ родѣ любив-ъ, творив-ъ (рядомъ съ древними любль, творь), возникшія по образцу бы*в*-ати, съ-кры*в*-ати, о-мы*в*-ати, съ-ши*в*-ати, бы*в*-ъ, кры*в*-ъ и т. д.

Сравни глагольныя образованія *дав*-ати, по-*мав*-ати, о-*дѣв*-ати, за-тьм*ьв*-ати, недо-ум*ьв*-ати, обит*ав*-ати, подъ-кон*ав*-ати и т. п. (рядомъ съ дая-ти, мая-ти, о-дѣя-ло, дѣя-ти, *умѣя-хъ, *конаяхъ, 1 л. имперф.), причастія *дав*-ъ, о*дѣв*-ъ и т. п., возникшія по образцу *быв*-ати, *быв*-ъ и т. п. отчасти на славянской почвѣ, отчасти, быть можетъ, на славяно-литовской (ц.-слав. *дав*-ъ почти тожественно съ литовск. причастіемъ прош. вр. d*av*-es).

Чередованіе *ъ, ьj, и* и пр. въ церк.-славянскомъ языкѣ и соотвѣтствующихъ звуковъ въ родственныхъ языкахъ не ограничивается корнями словъ; его мы находимъ также въ суффиксѣ именныхъ формъ, образующемъ основу—ц.-слав. *ъ*, обще-индо-европ. *i*. Одни формы церк.-славянскихъ словъ на *ъ* сохраняютъ въ основѣ *ъ*: гость, кость (им.-вин. ед.), гост*ъ*-мь (тв. ед.), гост*ъ*-мъ (дат. мн.), гост*ъ*-ми (тв. мн.); въ другихъ мы видимъ *ьj*: гост*ьи*є, гостьѥ (= гост*ьj*-е, им. мн.), гост*ьи*, гостьи (= гост*ьj*-и, род. мн.); въ третьихъ мы находимъ *и*: гост*и* (род., дат., мѣстн. ед., им.-вин. дв.), оч*и*-ма, уш*и*-ма (дат.-тв. дв.).

Родственные языки представляютъ въ главномъ то же явленіе. Именно въ основахъ на *i* (= слав. *ь*) мы находимъ чередованія:

въ санскритѣ — *i, ī, ē* (= *ai*), *aj*: av*i*-s (овца, им. ед.), av*ī* (им.-вин. дв.), av*ē*-s (род. ед.), av*ē* (зв. ед.), av*aj*-*ē* (мѣстн. ед.);

въ литовскомъ — *i, ī, ė* (изъ *ei*): ak*i*-s (глазъ), ak*i*-mi (тв. ед.), ak*ī*-s (им. мн.), ak*ė*-s (род. ед.).

III. Группа У. Корни родственныхъ между собою церковно-славянскихъ словъ группы *У* отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что имѣютъ: одни — *ъ, ъв*, другіе — *ы, ыв*, третьи — *у*, четвертые — *ов*, пятые (немногіе) — *ав*. Такимъ образомъ въ нихъ чередуются *ъ, ъв, ы, ыв, у, ов, ав*. Изъ нихъ *ъ, ы, у* находятся въ корняхъ какъ открытыхъ, оканчивающихся на гласный, такъ и закрытыхъ, а *ъв, ыв, ов, ав* — только въ корняхъ открытыхъ.

Корней закрытыхъ, въ которыхъ бы чередовались три гласныхъ — *ъ, ы, у*, довольно мало: бъд-ѣти, бѣд-ръ, възъ-быд-ати, буд-ити; дъх-нж, дых-ати, дух-ъ; гъ(б)-нж, съ-гъб-ати, съ-гыб-ати, гыб-нж, губ-ити; ръд-ѣти, ръжда, рыждь, русск. руд-а; сѣл-ати, по-сыл-ати, сул-ити; сѣп-ж, сып-ати, су(п)-ти; сѣх-нж, за-сых-ати, сух-ъ.

Корней закрытыхъ, въ которыхъ чередовались бы какіе-либо два изъ указанныхъ гласныхъ, больше: глѣх-нѫ, глух-ъ; мѣш-ица, мух-а; стрѣг-ати, струг-ати; крѣх-а, круш-ити; дѣм-ѫ, на-дым-ати; лѣг-ѫ, прилиг-ати; за-мѣк-нѫ, за-мѣк-ъ, за-мык-ати; сѣп-ати, сѣ(п)-нъ, за-сып-ати; тѣк-нѫ, тык-ати; нѣнѣ = совр. русск. нонѣ (Ассем. Ев. 68, Син. Пс. 19), нынѣ; стыд-ъ, студ-ъ; сыр-ъ, сур-овъ; в-ык-нѫ, уч-ити.

Корней открытыхъ, въ которыхъ бы чередовались *ѣ, ѣв, ы, ыв, у, ов, ав*, не существуетъ, и лишь очень немногіе имѣютъ по нѣскольку изъ этихъ звуковъ и звуковыхъ сочетаній: плѣ-ныє (струя; іеръданъскаа плъньѣ Син. Пс. 4), русск. плы-ти, русск. пере-плыв-ати, плу-ти, плов-ѫ, плав-ати; русск. слы-ти, русск. про-слыв-ати, слу-ти, слов-о, слов-ѫ, слав-а; о-снывати (Син. Пс. 226), сну-ти, о-сновати; бы-ти, быв-ати, за-бав-а; тру-ти, тров-ѫ, о-трав-а; др.-русск. крѣ-ю, по-крѣв-енъ, кры-ти, по-крыв-ати, кров-ъ; рѣв-ѫ, рѣв-ати, ры-ти, -рыв-ати, ров-ъ; др.-русск. мѣ-ю (мою), у-мѣв-ати (русск. Типогр. Ев. № 6 л. 57 об.), у-мѣв-ениє (Остр. Ев.), у-мыв-ати; зѣв-ати, при-зыв-ати, зов-ѫ; стру-га (Син. Пс. 208), стру-я, о-стров-ъ; ку-кѫ, ков-ати, ков-ъ, по-кав-ати (др.-русск. Путятина Минея XI в. 50 об.); су-ти, сов-ати, и т. п.

Такъ какъ послѣ *j* въ корнѣ *ѣ* перешло въ *ъ*, *ы*—въ *и*, *о*—въ *е*, то понятно, при чередованіи гласныхъ группы *У* мы иногда видимъ чередованіе не *ѣ*, *ы* и пр., а ихъ производныхъ: шь-кѫ, шьв-енъ, шьв-ъ, ши-ти, съ-шив-ати (*ш* изъ *сj*: сравни лит. siu-ti шить, лат. su-ere); плъв-ати, плю-нѫти (*л* изъ *j*: сравни лит. spiau-ti плевать, греч. πτύω изъ *πjύ-ω, лат. spu-ere); жьв-ати, жю-кѫ; блъв-ати, блю-кѫ; рю-ти, рев-ѫ.

Сверхъ того, въ нѣсколькихъ словахъ мы находимъ чередованіе, рядомъ съ *у* изъ обще-индо-европ. *аи*, также *ю* изъ обще-индо-евр. *еи*: бъд-ѣти, буд-ити — блюд-ѫ (*л* изъ *j*, сравни греч. πεύθ-ομαι); русск. куд-о — чюд-о (сравни греч. κεῦθ-ος).

Чередованіе коренныхъ *ѣ, ѣв, ы, ыв, у, ов, ав*, отмѣченное нами въ церковно-славянскомъ языкѣ, также какъ чередованіе *е, о, ъ, а, ь, ѣ*, не принадлежитъ къ числу свойствъ ни этого языка, ни вообще славянскихъ языковъ. Оно также развилось еще въ обще-индо-европейскій періодъ и также принадлежитъ, вмѣстѣ съ славянскими, и другимъ индо-европейскимъ языкамъ. Въ послѣднихъ обыкновенно чередуются тѣ звуки, которые соотвѣтствуютъ славянскимъ *ѣ, ѣв, ы,*

ыв, *у*, *ов*, *ав*, т. е. въ санскритѣ *u*, *uv*, *ū*, *uv*, *o* (изъ *au*), *av*, *āv*, въ греческомъ υ, υF, ῡ, ῡF, ου, οF, ωF (а также ευ, εF), въ латинскомъ *u*, *uv* (= слав. *ов*, *ов*), *ū* (= слав. *ы*, *у*), *ūv* (= слав. *ыв*), въ литовскомъ *u*, *uv*, *ū*, *ūv*, *au*, *ov* (= слав. *ов*). Въ обще-индо-европейскомъ языкѣ должны были чередоваться *u*, *uv*, *ū*, *ūv*, *eu*, *au*, *ev*, *av*, *āv* (съ *a* склоняющимся къ *o*).

Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ классическихъ языковъ и литовскаго:

греч. ἔ-φυγ-ον, φεύγ-ω; ζυγ-όν, ζεύγ-νυμι; ἐρυθ-ρός, ἐρεύθ-ω; ἀμφι-λύκη, λευκ-ός; σπεύδ-ω, σπουδ-ή; κέλευθ-ος, ἀκόλουθ-ος; φύ-σις, φύ-ω, φῦ-ω, ἔ-φῡ-σα; ῥύ-σις, ἐ-ῥύF-ηκα, ῥεῦμα, ῥέF-ω, ῥόF-ος; πλεύ-σομαι, πλέF-ω, πλόF-ος, πλώF-ω;

лат. fug-io, fūg-i; dux duc-is, dūc-ere; luc-erna, lux lūc-is; plu-it, plūv-it (перф.), plūv-ius, ст.-лат. per-plov-ere; fluv-idus, flūv-idus, ст.-лат. con-flov-ere;

лит. bud-rus (бодрый), būd-inē (ночная стража), baud-a (наказаніе); rud-as (рыжій), rūd-is (ржавчина), raud-as (красный); kruš-u, kruš-ti (сокрушать), krauš-ius (горный обрывъ); sru-ta (гной), srau-nis (быстрый), srav-a (теченіе), srov-ē (токъ); krūv-a (куча), krau-ti (наваливать), krov-iau (прош. вр.); mau-ti (надѣвать, напр., кольцо), mau-dau (купаю), mov-iau (прош. къ mauti).

При чередованіи нѣкоторыхъ изъ коренныхъ звуковъ группы *У* въ церковно-славянскомъ языкѣ и соотвѣтствующихъ имъ звуковъ въ родственныхъ индо-европейскихъ языкахъ, иногда замѣчается нѣкоторая связь между качествомъ кореннаго гласнаго съ одной стороны и суффиксомъ слова съ другой.

Такъ, коренное *ов* (въ открытыхъ корняхъ) постоянно является въ церковно-славянскомъ языкѣ:

1) въ формахъ настоящ. врем. съ суффиксомъ *о* — *е*: плов-ѫ, слов-ѫ, зов-ѫ, тров-ѫ, ков-ѫ, рев-ѫ (изъ **рjов-ѫ*); но: рѣв-ѫ.

Греческій языкъ имѣетъ (въ соотвѣтствіи съ кореннымъ *е* въ φέρ-ω и т. п.) въ открытыхъ корняхъ εF: πλέF-ω, ῥέF-ω, πνέF-ω, а въ закрытыхъ ευ: πεύθ-ομαι, φεύγ-ω σπεύδ-ω. Форма блюдѫ, единственная въ церковно-славянскомъ яз. форма съ закрытымъ корнемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ греческимъ πεύθομαι и проч. (*ю* изъ *еи*).

2) въ именахъ существительныхъ съ суффиксомъ *о* — *е*: зов-ъ, ков-ъ, ров-ъ, ров-ъ, о-стров-ъ, рев-ъ (изъ **рjов-ъ*).

Сравни греч. πλόF-ος, ῥόF-ος.

Соотвѣтствующія церковно-славянскія имена съ закрытыми корнями имѣютъ, какъ и слѣдовало ожидать, коренное *у*: гл*у*х-ъ, д*у*х-ъ, с*у*х-ъ.

Чередованіе *ъ*, *ъв*, *ы* и проч. въ церковно-славянскомъ языкѣ и соотвѣтствующихъ имъ звуковъ въ родственныхъ языкахъ не ограничивается корнями: его мы находимъ также въ суффиксахъ именныхъ падежныхъ формъ и въ нѣкоторыхъ глагольныхъ образованіяхъ.

Одни падежи церк.-славянскихъ словъ съ основою на *ъ* сохраняютъ въ основѣ *ъ*: въ другихъ, вмѣсто *ъ*, мы находимъ *ы*, *у*, *ов*: сын*ъ* (основа сын*ъ*, им.-вин.-ед.), сын*ъ*-мь (тв. ед.), сын*ъ*-мъ (дат. мн.), сын*ъ*-ми (тв. мн.); сын*ы* (им.-вин. дв.); сын*у* (род. ед.), сын*у* (зв. ед.); сын*ов*-е (им. мн.), сын*ов*-и (дат. ед.).

Большая часть падежей словъ съ основою на *ъв* (почти всѣ) сохраняютъ *ъв*: любъ*в*-е, любъ*в*-и и т. д.; но имен. ед. имѣетъ *ы*: люб*ы*.

Одни формы глагольныхъ основъ съ настоящимъ временемъ на -*у*ѫ имѣютъ въ основѣ *у* (изъ *аи*), другія *ов*: образ*у*-ѫ, образ*ов*-ати; опис*у*-ѫ, опис*ов*-ати. Вѣроятно, съ ними родственны основы съ *ыв* (откуда *ив*), очень рѣдкія въ церковно-славянскомъ языкѣ: цѣл*ыв*-ати (Супр. р.), но обычныя въ русскомъ, польскомъ, сербскомъ и друг.: др.-русск. утърп*ыв*ати (Жит. Бор. и Гл. по ст. XII в.), при-клад*ыв*-ати (Русск. Правд. по сп. ок. 1282 г.), подъ-коп*ыв*-ати (Румянц. Ев. XIII—XIV в. № 107); современн. опис*ыв*-ать, сказ*ыв*-ать, оплак*ив*-ать, польск. opis*yw*-ać и т. п.

Одни формы глагольныхъ основъ съ настоящимъ на н*у*-ѫ имѣютъ въ основѣ *у*: ми-н*у*-ѫ, другія *ов*: ми-н*ов*-ати.

Родственные языки представляютъ въ главномъ то же самое явленіе, съ тою разницею, что въ греческомъ яз. въ именныхъ основахъ на υ (= слав. *ъ*) этотъ звукъ чередуется не съ οF (= слав. *ов*), а съ εF.

Именно, въ основахъ на *u* (= слав. *ъ*) мы находимъ чередованія:

въ санскритѣ—*u*, *ū*, *ō* (=*аи*), *av*: sūn*u*-s (им. ед.), sūn*ū* (им.-вин. дв.), sūn*ō*-s (род. ед.), sūn*av*-ē (дат. ед.);

въ греческомъ—υ, εF: γλυκύ-ς, γλυκέF-ος;

въ литовскомъ—*u*, *au*: sūn*u*-s (им. ед.), sūn*au*-s (род. ед.).

Въ основахъ на *ū* (= слав. основ. на *зв*), мы находимъ чередованія:

въ санскритѣ — *ū*, *uc*: bhr*ū*-s (бровь, им. ед.), bhr*ū*-su (мѣстн. мн.), bhr*uc*-as (род. ед.);

въ греческомъ— ῡ, υF: ὀφρῦ-ς, ὀφρῦ-ν, ὀφρύ(F)-ος.

Въ глагольныхъ основахъ на *u* (родственныхъ съ слав. на *y*) мы видимъ чередованія:

въ греческомъ — υ и ῡ: κωλύ-ω, κωλῦ-σω;

въ латинскомъ *u*, *ū*, *ūv*: vol*u*-o (откуда volvo), vol*ū*-tum; met*u*-o, met*ūv*-i; in-stit*u*-o, in-stit*ū*-tum, in-stit*ūv*-i.

Въ глагольныхъ основахъ на *пи* (родственныхъ съ слав. на *ну*) мы имѣемъ чередованія:

въ санскритѣ *пи* и *по* (= *паи*): r-*пи*-masi (1 л. мн.), r-*пō*-mi (1 л. ед.);

въ греческомъ—νυ и νῡ: ἀγ-νυ-μεν, ἀγ-νῡ-μι.

Нѣкоторые ученые говорятъ о чередованіи *з*, *ы*, *у*, *ов*, *ав* съ *ви*. Конечно, корни словъ кыс-нж и квас-ъ, къп-ѣти и квап-ити, хыт-ити и хват-ати, а равно корни дъх-нж и русск. двоп-ити, дыр-а и дъвр-ъ, двор-ъ, четыр-е и четвер-о, четвър-ть, ты и твои,—родственны между собою; но родство этихъ корней не столь близко, какъ родство корней съ *з* и корней съ *ы*, корней съ *ы* и корней съ *у* и т. д. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ отдаленнымъ родствомъ корней между собою, которое въ большей части случаевъ еще въ обще-индо-европейскую эпоху закончилось совершеннымъ обособленіемъ корней и утратою между ними тѣсной связи.

Большое количество церковно-славянскихъ корней, имѣющихъ гласный *е*, или *о*, или *ъ*, или *а*, или *з*, или *ь*, или *у* и т. д., ограничивается какимъ-либо однимъ изъ этихъ звуковъ съ его производными, или даже безъ производныхъ. Таковы группы словъ съ корнями: пек-: пекж, пешть, печ-ать и т. п.; вод-: вода, на-вод-ие, навод-ьняти и т. п.; ъд-, яд-: ъс-ти, яс-ти, яд-ъ, яс-тво и т. п.; снъг-: снъг-ъ, русск. снѣж-ить и т. п. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, что всѣ подобные корни никогда не знали чередованія гласныхъ. Иногда другіе славянскіе языки имѣютъ тѣ же корни съ нѣсколькими гласными; очень часто въ родственныхъ индо-европейскихъ

языкахъ этимъ славянскимъ корнямъ соотвѣтствуютъ корни съ нѣсколькими гласными. Такъ, корень *пек-*, являющійся въ церк.-славянскомъ языкѣ съ однимъ гласнымъ—съ *е*, въ русскомъ имѣетъ не только *е*, но и *ѣ*: о-пѣк-а, малорусск. опі́ка; корень *ѣд-*, имѣющій не только въ церк.-славянскомъ, но и во всѣхъ славянскихъ языкахъ одинъ *ѣ* (изъ *ē*), въ греческомъ и латинскомъ является также съ *ĕ*: ἔδ-ομαι, ĕd-o; корень *снѣг-*, извѣстный также во всѣхъ славянскихъ яз. съ однимъ *ѣ*, родственъ съ корнями греч. νίφ-ω, лат. nix niv-is, лит. sniĝ-ti (снѣжить).

---

3. Согласные.

Славянское *б* обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) скр. *bh*, греч. *φ*, лат. *f*, *b*, лит. *b*: ц.-сл. *бер-ѫ*, др.-р. *беру*—скр. *bhar-āmi* (несу), гр. *φέρ-ω*, лат. *fer-o*, лит. *ber-iu*; ц.-слав. *братръ*, *братъ*, др.-р. *братъ* — скр. *bhrātā* (братъ), гр. *φρατρία*, лат. *frāter*, лит. *broterēlis*, *brolis* (братецъ); ц.-сл. и др.-р. *неб-о*—скр. *nabh-as* (небо), греч. νέφ-ος, лат. *neb-ula*, лит. *deb-esis*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ это слав. *б*, долженъ былъ звучать какъ *bh*, такъ что корни и основа приведенныхъ словъ въ обще-индо-европейскомъ языкѣ были *bher-*, *bhrāter-*, *nebh-*;

2) скр. *b*, греч. *β*, лат. *b*, лит. *b*. Примѣровъ чрезвычайно мало: *бол-ии*—скр. *bal-iṣṭhas* сильнѣйшій, гр. *βελ-τίων*. Надо думать, что обще-индо-европ. *b*, къ которому должно восходить это слав. *б*, встрѣчалось въ обще-индо-европ. языкѣ очень рѣдко.

Славянское *в* обыкновенно соотвѣтствуетъ санскр. *v*, греч. F, лат. *v*, лит. *v*: ц.-сл. и др.-р. *вид-ѣти*, *вѣд-ѣти*—*vēd-a* (знаю), *Fοῖδ-α*, лат. *vid-eo*, лит. *veiždiu* (вижу); ц.-сл. и др.-р. *вез-ѫ*, *воз-ъ*—санскр. *vah-āmi*, гр. *Fόχ-ος*, лат. *veh-o*, лит. *vež-u*; ц.-сл. и др.-р. *слав-а*—санскр. *çrāv-as* (слава), греч. *κλέF-ος*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ славянск. *в*, долженъ былъ звучать какъ *v*, или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ краткое, не составляющее слога *u*,—такъ что корни приведенныхъ

словъ въ обще-индо-европ. языкѣ могли быть *reid-*, *raid-*, *reg*$_1$*h-*, *rag*$_1$*h-*, k$_1$*rāv-*.

Кромѣ *в* изъ обще-индо-евр. *r*, церковно-славянскій языкъ имѣетъ неорганическое *в*, развившееся на славянской почвѣ въ началѣ словъ, главнымъ образомъ передъ *з* и *м*.

Славянское *п* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *p*, греч. π, лат. *p*, лит. *p*: ц.-слав. *прас-л*. др.-р. *порос-я*—греч. πόρκ-ος, лат. *porc-us*, лат. *parš-as* (свинья); ц.-сл. и др.-р. *пълнъ*—скр. *pūr-nas* (полный), лат. *plēnus*, лит. *pil-nas*; ц.-сл. и др.-р. *про*—скр. *pra*, гр. πρό, лат. *pro-*, лит. *pra-*.

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ слав. *п*, долженъ былъ звучать какъ *p*, такъ что корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ были *park*$_1$*-*, *pṛ-*, *pra*.

Славянское *г* обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) скр. *g* (откуда *dž*), гр. γ, β, лат. *g*, *gv*, *v*, лит. *g*: ц.-сл. и др.-р. *иго*—скр. *jug-am* (иго), гр. ζυγ-όν, лат. *jug-um*, лит. *jung-as* (иго); ц.-сл. *гов-ѧдо*, др.-р. *гов-ядо*—скр. *gāu-s* (рогатый скотъ), гр. βοῦ-ς βοF-ός, лит. *galv-ijis* (изъ *gav-ijis*, рогатый скотъ), лотышск. *gōw-s* (корова); ц.-сл. *аг-ньць*, др.-р. *яг-ня*—гр. ἀμ-νός (изъ ἀβ—), лат. *āg-nus*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ здѣсь слав. *г*, долженъ былъ звучать какъ твердое *г* (изображаемое нерѣдко g_2, въ отличіе отъ *г* мягкаго, небнаго—g_1), которое въ однихъ словахъ произносилось какъ чисто гортанный звукъ (откуда греч. γ, лат. *g*), въ другихъ—какъ губно-гортанный (откуда греч. β, лат. *gv* и его производное *v*). Такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европейскомъ языкѣ должны были быть *jug*$_2$*-*, *g*$_2$*av-*, *āg*$_2$*-*;

2) скр. *gh* (откуда *džh*), греч. χ, φ, θ, лат. *g*, *h*, *gv*, *v*, *f*, лит. *g*: ц.-сл. *до-стиг-нѫ*, др.-р. *до-стиг-ну*—скр. *stigh-nōmi* (ступаю), гр. στείχ-ω, лит. *staig-a* (внезапно), *staig-us* (стремительный); ц.-сл. и др.-р. *гость*—лат. *hostis*; ц.-сл. и др.-р. *снѣг-ъ*—греч. νίφ-ει (изъ *σν—), лат. *ningu-it*, *nix nig-is*, лит. *snēg-as* (снѣгъ); ц.-сл. и др.-р. *гор-ѣти*—скр. *ghar-mas* (жаръ), гр. θερ-μός, лат. *for-mus*.

1) губно-придыхательный?

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому здѣсь восходитъ слав. *г*, долженъ былъ звучать какъ твердое придыхательное *г* (изображаемое g_2h), которое въ однихъ словахъ произносилось какъ чисто гортанный звукъ (откуда гр. χ, лат. *g*, *h*), въ другихъ—какъ губно-гортанный (откуда гр. φ, ϑ, лат. *gv*, *v*, *f*). Такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ должны были звучать steig$_2$h-, g$_2$has-, snaig$_2$h-, g$_2$har-.

Кромѣ *г* изъ обще-и.-европ. g_2 и g_2h, церк.-славянскій языкъ имѣетъ нѣсколько словъ, въ которыхъ *г* звучитъ какъ бы на мѣстѣ *з*, изъ обще-и.-евр. g_1h, и соотвѣтствуетъ скр. *h*, гр. χ, лат. *h*, лит. *ž*: *гжс-ь*—скр. *h*ans-as (лебедь), гр. $\chi\acute{\eta}\nu$, лат. (*h*)ans-er, лит. *ž*ąs-is (гусь). Сравни *з* какъ бы на мѣстѣ *г*, изъ о.-и.-евр. g_2, въ соотвѣтствіи греческому γ, лат. *g*, лит. *g*: *зать*—гр. $\gamma\alpha\mu\beta\rho\acute{o}\varsigma$ (изъ *$\gamma\alpha\mu\rho\acute{o}\varsigma$), лат. *g*ener, лит. *g*entis (рядомъ съ *жена*, изъ *гена*, гдѣ тотъ же корень, но съ *г*, а не съ *з*). Здѣсь мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ дѣло съ исключительнымъ явленіемъ. Обще-индо-европ. языкъ, повидимому, имѣлъ нѣсколько словъ съ звуками *g*, *gh*, которые у однихъ лицъ звучали мягко, небно (слѣдовательно, g_1, g_1h), у другихъ—твердо, гортанно (слѣдовательно, g_2, g_2h). Одни изъ языковъ-потомковъ усвоили себѣ эти слова съ g_1, g_1h (между проч. литовскій), другіе получили ихъ съ g_2, g_2h (славянскій).

Славянское *г*, какого бы происхожденія оно ни было, на славянской почвѣ въ извѣстныхъ случаяхъ смягчилось и перешло въ *ж* и *s* (*з*,*д*); кромѣ того, перейдя въ *к* и соединившись съ *т*, оно дало въ церк.-славянскомъ яз. *шт*, въ др.-русск. *ч*.

Славянское *к* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *к* (откуда *kh*, *č*), гр. *κ* (откуда τ, σ), π, лат. *c*, *qu*, лит. *k*: ц.-сл. и др.-р. *кръв-ь*—гр. $\kappa\rho\acute{\varepsilon}\alpha\varsigma$ (=$\kappa\rho\acute{\varepsilon}$F-$\alpha\varsigma$), лат. *cru*-or, лит. *kruv*-is (кровь); ц.-сл. и др.-р. *къ-то*, *ко-торъ*—скр. *ka*-taras (который изъ двухъ), гр. іон. $\kappa\acute{o}$-$\vartheta\varepsilon\nu$, $\kappa\acute{o}$-$\tau\varepsilon\rho\circ\varsigma$, атт. $\pi\acute{o}$-$\vartheta\varepsilon\nu$, $\pi\acute{o}$-$\tau\varepsilon\rho\circ\varsigma$, лат. *quo*-d, лит. *ka*-s (кто?), *ka*-tras (который?); ц.-сл. и др.-р. *сок-ъ* (обвинитель)—скр. sa*kh*-jam (дружба), sa*č*-atē (онъ сопровождаетъ), гр. $\check{\varepsilon}\pi$-$o\mu\alpha\iota$, лат. se*qu*-or, so*c*-ius, лит. se*k*-u (слѣдую).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ слав. *к*, долженъ былъ звучать какъ твердое *к* (изображаемое нерѣдко κ_2,

въ отличіе отъ *к* мягкаго, небнаго, которое передается черезъ k_1) и произноситься въ однихъ словахъ какъ чисто гортанный звукъ (откуда гр. χ съ производными, лат. *c*), въ другихъ—какъ губно-гортанный (отсюда гр. π, лат. *qu*=*kv*). Такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ о.-н.-европейскомъ языкѣ должны были быть $k_2$ruv-, k_2a-, sak_2-.

Кромѣ *к* изъ обще-н.-европ. k_2, церковно-славянскій языкъ имѣетъ нѣсколько словъ, въ которыхъ *к* звучитъ какъ-бы на мѣстѣ *с* изъ о.-н.-европ. k_1 и соотвѣтствуетъ скр. *ç*, гр. χ, лат. *c*, лит. *š*: свекръ, свекры—скр. çvaçur-as (свекоръ), çvaçrūs (свекровь), гр. ἑκυρ-ός, ἑκυρ-ά, лат. socer, socrus, лит. šešur-as. Сравни *с* какъ бы на мѣстѣ *к* изъ обще-индо-европ. k_2, въ соотвѣтствіи лат. и лит. *k*: славянскій суффиксъ *-сло* въ ма-*сло* (изъ *маз-*сло*), пра-*сло* (изъ *прат-*сло*) и т. п.—лат. суффиксъ *-clo-*, *-culo-*, въ peri-*culum*, obsta-*culum*, лит. суффиксъ *-kla-* въ ar-*klas* (плугъ), ir-*klas* (весло). Въ этихъ словахъ мы, безъ сомнѣнія, имѣемъ дѣло съ исключительнымъ явленіемъ. Обще-индо-европ. языкъ, повидимому, имѣлъ небольшое количество словъ съ звукомъ *к*, который въ произношеніи разныхъ лицъ звучалъ различно—то мягко, небно (т. е. k_1), то твердо, гортанно (т. е. k_2). Одни изъ языковъ-потомковъ (въ ихъ числѣ литовскій) усвоили себѣ эти слова съ k_1, другіе (славянскій)—съ k_2.

Слав. *к* на славянской почвѣ въ извѣстныхъ случаяхъ смягчилось и перешло въ *ч* и *щ* (*т*): въ соединеніи съ *т* оно дало въ церк.-славянскомъ *шт*, въ др.-русскомъ *ч*.

Славянское *д* обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) скр. *d*, греч. δ, лат. *d*, лит. *d*: ц.-слав. и др.-р. *див-ънъ*—скр. *dēv-as* (богъ, изъ daiv-as), греч. δῖF-ος, лат. *dīv-us*, лит. *deiv-aitis* (божество); ц.-сл. *десѧть*, др.-р. *десять*—скр. *daça* (десять), гр. δέκα, лат. *decem*, лит. *dešimtis*; ц.-сл. и др.-р. *вид-ѣти*, *вѣд-ѣти*—скр. *vēd-a* (изъ vaida), гр. Fοῖδ-α, лат. *vid-eo*.

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ это *д*, долженъ былъ звучать *d*; такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ были *div-*, *dek$_1$-*, *veid-*;

2) санскр. *dh*, греч. θ, лат. *f*, *h*, *d*, лит. *d*: ц.-сл. и др.-р. *дымъ*—скр. *dhūmas*, гр. θυμός, лат. *fumus*, лит. *dūmai*; ц.-сл. и др.-р. *ръдѣти*—скр. ru*dh*-iras, гр. ἐρυθ-ρός, лат. ru*f*-us, ru*b*-er, лит. ru*d*-as; ц.-сл. и-*дж*, *бж*-*дж*, др.-р. и-*ду*, *бу*-*ду*—греч. πλή-θω, лит. dù-*du* (даю).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ это *д*, долженъ былъ звучать *dh*, такъ что корни и суффиксъ приведенныхъ словъ были *dhūm*-, ru*dh*-, -*dha*-.

Славянское *д*, какого бы происхожденія оно ни было, 1) вѣроятно, на славяно-литовской почвѣ, передъ слѣдующимъ *д*, перешло въ *з*, и 2) на славянской почвѣ, передъ *j*, смягчилось и образовало въ церк.-слав. яз. *жд*, въ др.-русскомъ *ж*.

Славянское *т* обыкновенно соотвѣтствуетъ санскр. *t* (*th*), греч. τ, лат. *t*, лит. *t*: ц.-сл. и др.-р. *трьи*, *три* (им. мн. муж. р.)—скр. *tra*-jas (три, им. мн.), гр. τρεῖς, лат. *trēs*, лит. *trìs* (три); ц.-сл. и др.-р. *ты*, *твои*—скр. *tvam* (ты), греч. дор. τύ, лат. *tū*, лит. *tavas* (твой); др.-р. *ѥс*-*ть* (3 л. ед.)—скр. as-*ti*, гр. ἐσ-τί, лат. es-*t*, лит. es-*ti*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ слав. *т*, долженъ былъ звучать *t*; такимъ образомъ корни и суффиксъ приведенныхъ словъ въ обще-индо-европейскомъ языкѣ были *tri*-, *tū*, -*ti*.

Звукъ *т* 1) вѣроятно, на славяно-литовской почвѣ, передъ слѣдующимъ *т*, перешелъ въ *с*; 2) на славянской почвѣ, передъ *j*, смягчился и далъ въ церк.-слав. языкѣ *шт*, въ древне-русскомъ *ч*.

Славянское *з* (не s) обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) скр. *dž*, греч. γ, лат. *g*, лит. *ž*: ц.-сл. *мѣзж* (дою), гр. ἀ-μέλγ-ω, лат mul*g*-eo, лит. mel*ž*-u (дою); ц.-сл. и др.-р. *зна-ти*—скр. *džān*-ā-mi (знаю), гр. γι-γνώ-σκω, лат. (*g*)nō-sko, лит. *žin*-oti (знать); ц.-сл. и др.-р. *зъл-ва*, греч. γάλ-ως, лат. *g*l-ōs.

Слав. *з* здѣсь восходитъ къ обще-индо-европ. небному, мягкому *g* (изображаемому g_1). Так. обр. корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. яз. должны были звучать mrg_1-, g_1nā-, g_1l-;

2) санскр. *h*, греч. χ, лат. *h*, лит. *ž*: ц.-сл. и др.-р. *зим-а*—скр. *hima*- (въ сложныхъ словахъ = снѣгъ, холодъ), греч. χειμ-ών, лат. *hiem*-s, лит. *žẽma* (зима); ц.-сл. и др.-р. *зем-ля*—греч. χαμ-αί,

лат. *h*um-us (*u* изъ *o*), *h*om-o, лит. *ź*em-ē (земля): ц.-сл. вез-*ѫ*, др.-р. вез-у—скр. va*h*-āmi, греч. Fόχ-ος, лат. ve*h*-o, лит. ve*ž*-u.

Слав. *з* здѣсь восходитъ къ обще-индо-европ. небному, мягкому придыхательному *g* (изображаемому g_1h). Так. обр. корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. яз. должны были быть g_1*h*eim-, g_1*h*em-, veg_1*h*-.

Кромѣ *з* изъ обще-индо-евр. g_1, g_1h, церковно-славянскій языкъ имѣетъ: 1) нѣсколько словъ, гдѣ звукъ *з* восходитъ къ обще-индо-европ. *z*, образовавшемуся по преимуществу изъ *s* (кореннаго) передъ *b*, *d* и *g* (въ суффиксахъ). Это *з* мы находимъ въ мозгъ — сравн. зендск. ma*z*ga- (мозгъ), греч. μόσχος: въ мьзда—срв. зендск. mi*z*da- (мзда), гр. μισθός, готск. mi*z*dō (мзда);—2) нѣсколько словъ, гдѣ звукъ *з* соотвѣтствуетъ скр. *d* передъ слѣдующимъ *d* или *dh*, греч. σ передъ ϑ: ц.-сл. и др.-р. ѣздити при ѣдж, русск. громаздить при громада—срв. скр. vi*d*-dhi (знай, повел. накл., кор. vid, суфф. dhi), гр. ἴσ-θι (изъ Fιδ-θι). Это слав. *з* передъ *д* восходитъ или къ обще-индо-европ. *d*, *dh*, или къ *dz*, *dhz* (въ родѣ бѣлорусск. *дз*), образовавшемуся еще на обще-индо-европ. почвѣ передъ *d*, *dh*. Совпаденіе слав. *з* передъ *д* съ греч. σ передъ ϑ, въ виду скр. *d* передъ *d*, *dh*, едва ли до извѣстной степени не случайно, и окончательное образованіе *з* изъ *d* или *dz* едва ли не совершилось уже на славяно-литовской почвѣ, независимо отъ образованія греч. σ.

Слав. *з*, какого бы происхожденія оно ни было, на славянской почвѣ передъ *j* смягчилось и перешло въ *ж*.

Сверхъ того, *з* изъ обще-индо-европ. g_1, какъ только оно развилось,—во всякомъ случаѣ не на славянской, а вѣроятно, на славяно-литовской почвѣ — передъ слѣдующими *к*, *п*, *т*, *с* перешло въ *с*. Вслѣдствіе этого въ церковно-славянскомъ, древне-русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ мы находимъ ис-*к*ушати (вмѣсто из-*к*-; литовскій префиксъ iš = изъ предъ слѣдующими *k*, *p*, *t*, *s* всегда звучитъ какъ iš), ис-*п*ълнити, ве*сти* (вм. вез-ти; наст. вр. везж; срв. лит. ve*š*ti = везти), масть (вм. маз-ть, кор. маз-), весло, ма*с*ло (вм. вез-сло, вес-сло, суфф. *сло*) и т. п.

Славянское *с* обыкновенно соотвѣтствуетъ:

1) санскр. *s*, *š*, греч. густому придыханію (передъ согласными исчезнувшему) или σ (рѣдко), лат. *s* (откуда *r*), лит. *s* (рѣже *š*): ц.-сл. и др.-р. *с*едмь (изъ **себдмь*)—санскр. *s*apta, греч. ἑπτά, ἕβδο-μος, лат. *s*eptem, лит. *s*eptīni (семь); ц.-сл. *с*тоѫ, др.-р. *с*тою—скр. ti-*ś*thati (ставитъ, 3 л. ед. ч. наст. вр. дѣйств. з. отъ корня *sta*-), гр. ἵ-στη-μι, лат. *st*o, лит. *st*o-viu (стою); ц.-сл. и др.-р. *с*нѣгъ—греч. νίφει (изъ σν-), лат. ninguit (изъ *sn*-), лит. *sn*ëgas.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ это слав. *с*, долженъ былъ звучать *s*: такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ должны были быть *sabd*-, *sta*-, *snaig*-;

2) санскр. *ç*, греч. κ, лат. *c*, лит. *š*: ц.-сл. и др.-р. *с*то—скр. *ç*atam, гр. ἑ-κατ-όν, лат. *c*entum, лит. *š*imtas; ц.-сл. де*с*ѧть, др.-р. де*с*ять—скр. da*ç*a. гр. δέκα, лат. de*c*em, лит. de*š*imtis; ц.-сл. и др.-р. вь*с*-ь (деревня)—скр. vi*ç*-āmi (вхожу), греч. Fοῖκ-ος, лат. vī*c*-us, лит. vë*š*-pats (господинъ).

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому здѣсь восходитъ слав. *с*, долженъ былъ звучать какъ мягкое, небное *к* (изображаемое нерѣдко k_1, въ отличіе отъ гортаннаго, твердаго *к*, изображаемаго k_2). Такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ были k_1*m*t- dek_1-, vik_1-;

3) скр. *kš*, греч. ξ, лат. *x*, лит. *š*: ц.-сл. и др.-р. де*с*-нъ—скр. da*kš*-inas (правый), гр. δεξ-ιός, лат. de*x*-ter, лит. de*š*-inë (правая рука); ц.-сл. и др.-р. о*с*-ь—скр. a*kš*-as, гр. ἄξ-ων, лат. a*x*-is, лит. a*š*-is (ось).

Славянское *с* здѣсь должно восходить къ обще-индо-европ. сочетанію согласныхъ k_1 и *s*, такъ что корни словъ де*с*-нъ и о*с*-ь въ обще-индо-европейскомъ языкѣ должны были звучать dek_1*s*-, ak_1*s*-;

4) передъ слѣдующимъ *t* — санскр. *t* (изъ кореннаго *t* или изъ *d*, *dh*), гр. σ, лат. *s*, лит. *s*: ц.-слав. и др.-р. сѣ*с*-ти (неопред. накл.)—скр. *sat*-tas (причаст. страдат. отъ корня sad- сидѣть съ суффиксомъ ta), лат. ob-ses-sus (изъ ob-ses-tus), лит. sës-ti (сѣсть); ц.-сл. ѣ*с*-ть, я*с*-ть, др.-русск. ѣ*с*-ть (3 л. ед. ч.)—скр. a*t*-ti (ѣсть, кор. ad-, суффиксъ ti), лат. es-t, лит. ës-t (ѣсть); ц.-сл. вѣ*с*-ть, др.-р. вѣ*с*-ть (3 л. ед. ч.)—санскр. vē*t*-tha (ты знаешь), греч. ἰσ-τέος (отглагольн. прилагат.).

Это слав. *с* передъ *т* можетъ восходить или къ обще-индо-европейскому *т*, или къ *и*, образовавшемуся еще на обще-индо-европейской почвѣ, подъ вліяніемъ слѣдующаго *t*, изъ основнаго *t* или *d*. Совпаденіе славянскаго *с* передъ *т* съ греческимъ и латинскимъ *s* передъ *t*, въ виду *t* въ санскритѣ (а также въ готскомъ языкѣ), едва ли до извѣстной степени не случайно, и славяно-литовское *с* могло окончательно образоваться изъ *т* или *и* въ славяно-литовскую эпоху, независимо отъ *с* языковъ классическихъ.

Сверхъ того, 5) какъ сказано выше, слав. *с* передъ *k*, *п*, *с*, *т* въ нѣкоторыхъ случаяхъ произошло изъ *з*.

Вѣроятно, славянское *с* изъ обще-индо-евр. *s* и *t* въ древнѣйшую пору жизни обще-славянскаго языка по качеству своего звука отличалось отъ *с* изъ обще-индо-евр. небнаго k_1 (g_1) и лишь впослѣдствіи эти два звука сдѣлались тожественными.

Славянское *с* изъ обще-индо-европ. *s* въ нѣкоторыхъ случаяхъ перешло на славянской почвѣ въ *х*; сверхъ того, *с*, какого бы оно происхожденія ни было, передъ *j* смягчилось и образовало *ш*.

Славянское *л* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *r*, рѣдко *l*, гр. *λ*, рѣдко *ρ*, лат. *l*, рѣдко *r*, лит. *l*: ц.-сл. и др.-р. *луч-а*—скр. *rok-as* (свѣтъ), *lōk-as* (свѣтлость), гр. *λευκ-ός*, лат. *lux lūc-is*, лит. *lauk-as* (лысый); ц.-сл. и др.-р. *слав-а*—скр. *çrāv-as* (слава), гр. *κλέ-ος*, лат. лат. *in-clu-tus*; ц.-сл. и др.-р. *жи-тель*—скр. основа *dā-tar-* (датель, им. ед. *dātā*), гр. *σω-τερ-* (зват. *σῶτερ*), *δω-τορ-*, лат. *dā-tōr-*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ слав. *л*, въ большинствѣ случаевъ долженъ былъ звучать *r*, въ меньшинствѣ *l*. Такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ и суффиксъ въ обще-и.-европейскомъ яз. могли быть *rauk*$_2$-, k$_1$*rāv*-, -*ter*-.

Кромѣ *л* изъ о.-и.-европ. *r*, *l*, церк.-славянскій языкъ имѣетъ еще *л* (мягкое) на мѣстѣ болѣе или менѣе древняго *j* послѣ губныхъ: *блюдѧ*, *любѧ*, *из-бавленіе* и т. п.

Славянское *р* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *r* (рѣдко *l*), гр. *ρ*, лат. *r*, лит. *r*: ц.-сл. и др.-р. *ръд-ѣти*—скр. *rudh-iras*, гр. *ἐρυθ-ρός*, лат. *rub-er*, лит. *rud-as*; ц.-сл. и др.-р. *матер-* (основа къ им.

ед. мати)—скр. mātar-, гр. μητερ-, лат. matr-, лит. mōter-; ц.-сл. брада, др.-р. борода—лат. barba, лит. barzda (борода).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ слав. *р*, былъ *r*, такъ что корни приведенныхъ словъ и основа въ о.-и.-евр. языкѣ были rudh-, māter-, bardh-.

Славянское *м* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *m*, греч. μ (въ концѣ словъ ν), лат. *m*, лит. *m*: ц.-сл. и др.-р. *мати*—скр. *mātā*, гр. μήτηρ, лат. *m*āter, лит. *m*otē; ц.-сл. и др.-р. *медъ*—скр. *m*adhu (медъ), гр. μέθυ, лит. *m*edus (медъ); ц.-сл. и др.-р. *ѥс-мь*—скр. as-*mi*, гр. εἰ-μί, лат. su-*m*, лит. es-*mi*.

Обще-индо-европейскій звукъ, къ которому восходитъ слав. *м*, звучалъ *m*, такъ что основы и суффиксъ приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. яз. были *m*āter-, *m*edhu-, -*m*i.

Славянское *м* на славянской почвѣ во многихъ случаяхъ слилось съ предшествовавшими ему гласными и образовало носовые гласные ѫ и ѧ.

Славянское *н* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *n*, греч. ν, лат. *n*, лит. *n*: ц.-сл. и др.-р. *нов-ъ*—скр. *n*av-as (новый), гр. νέF-ος, лат. *n*ov-us, лит. *n*au-jas (новый); ц.-сл. и др.-р. *снѣгъ*—гр. νίφει, лат. *n*inguit, лит. *sn*ëgas; ц.-сл. и др.-р. *цѣна*—гр. ποιν-ή, лит. kai*n*-a (цѣна).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ слав. *н*, звучалъ *n*, такъ что корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ были *n*av-, s*n*aig$_2$-, k$_2$ai*n*-.

Славянское *н*, какъ и *м*, на славянской почвѣ во многихъ случаяхъ слилось съ предшествовавшими ему гласными и образовало носовые гласные ѫ и ѧ.

Славянское *j* обыкновенно соотвѣтствуетъ скр. *j*, греч. ζ или густому придыханію (а иногда и легкому), лат. *j*, лит. *j*: ц.-сл. и др.-р. по-*j*ас-ъ (поясъ)—скр. *j*ās-tas (обвязанный), греч. ζωσ-τός, лит. *j*ūs-tas (обвязанный); ц.-сл. и др.-р. *j*унъ (юнъ)—лат. *j*uvenis, лит. *j*aunas; ц.-сл. *j*у, *j*уже (ю, юже)—лит. *j*au (уже).

Обще-индо-европ. звукъ, къ которому восходитъ слав. *j*, долженъ былъ звучать какъ *j* или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ краткій, не составляющій слога гласный *i*; такимъ образомъ корни приведенныхъ словъ въ обще-индо-европ. языкѣ могли быть *jās-*, *jau-*, *jau*.

Слав. *j*, сохранившееся въ церковно-славянскомъ языкѣ лишь въ немногихъ случаяхъ (по большей части оно слилось съ предшествовавшими ему согласными и было опущено передъ и между гласными), между прочимъ, послѣ губныхъ спорадически перешло въ *л* (мягкое): люб*лѭ* изъ люб*jѫ*, зем*ля* изъ зем*ja* и т. п.

Кромѣ *j* изъ обще-индо-евр. *j*, церковно-славянскій языкъ имѣетъ *j* возникшій на славянской почвѣ передъ начальными гласными.

V. Обще-славянскія измѣненія звуковъ.

Славянская семья языковъ состоитъ изъ языковъ: 1) церковно-славянскаго съ средне-болгарскимъ и современнымъ болгарскимъ, 2) сербо-хорватскаго (современные штокавскіе и чаковскіе говоры), 3) словинскаго, 4) русскаго (нарѣчія великорусское, бѣлорусское и малорусское), 5) польскаго съ его вѣтвью кашебскимъ, 6) чешскаго съ его вѣтвью словацкимъ, 7) верхне-лужицкаго съ нижне-лужицкимъ и 8) вымершаго полабскаго, который извѣстенъ намъ только по небольшому количеству словъ, записанныхъ нѣмцами въ XVII—XVIII вв. Эти славянскіе языки — потомки одного языка-предка, который можетъ быть названъ языкомъ обще-славянскимъ.

Всѣ славянскіе языки имѣютъ большое количество исконныхъ чертъ, свойственныхъ имъ въ равной мѣрѣ и сближающихъ ихъ между собою. Одни изъ этихъ чертъ, тѣ, о которыхъ было говорено прежде, развились на почвѣ или обще-индо-европейской, или славяно-литовской, вообще на почвѣ до-славянской; другія развились въ обще-славянскомъ языкѣ прежде, чѣмъ онъ распался на отдѣльные языки, и потому свойственны или по крайней мѣрѣ были свойственны всѣмъ славянскимъ языкамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ славянскихъ языковъ имѣетъ нѣкоторое количество исконныхъ особенностей, отличающихъ его отъ его родичей. Большая часть этихъ особенностей повторяется въ нѣсколькихъ языкахъ. Такъ, *ч* изъ *mj* находится въ русскомъ и въ словинскомъ; *ц* изъ *mj* — въ польскомъ, чешскомъ, лужицкихъ, полабскомъ; *ра* изъ *ѣр* — въ церковно-славянскомъ, сербскомъ, словинскомъ, чешскомъ. Меньшая часть особенностей свойственна какому-либо одному славянскому языку; таково русское полногласіе: *оро, ере* изъ *ѣр, ер*.

Группировка исконныхъ особенностей въ славянскихъ языкахъ не позволяетъ свести эти языки менѣе чѣмъ въ три главныя группы.

Изъ нихъ первая — южная (церковно-славянскій, сербскій и словинскій яз.) — можетъ быть характеризована группами *ра*, *ла*, *рѣ*, *лѣ* изъ *ар*, *ал*, *ер*, *ел*, переходомъ (не всегда) *j* въ *л* (земля), отсутствіемъ древнихъ (до-славянскихъ) группъ *дл*, *тл*, *дн*, *тн*, а также смягченіемъ *г* и *к* въ звѣзда, цвѣтъ и т. п. и окончаніемъ род. ед. женск. р., им.-вин. мн. женск. р., вин. мн. муж. р. **а** (земля. кона); вторая — западная (польскій, чешскій, лужицкіе, полабскій) — свистящими *дз* или *з* и *ц* изъ *дj*, *тj*, отсутствіемъ *л* изъ *j* (земя), сохраненіемъ *г* и *к* въ гвѣзда, квѣтъ и окончаніемъ род. ед. женск. р. и др. *ѣ* (земѣ, конѣ); третья — восточная (русскій языкъ) — занимаетъ мѣсто между первою и второю, сближаясь съ первою переходомъ *j* въ *л* (земля), отсутствіемъ древнихъ группъ *дл*, *тл*, *дн*, *тн* и смягченіемъ *г* и *к* въ звѣзда, цвѣтъ и т. п. и со второю — окончаніемъ род. ед. и друг. *ѣ* (землѣ, конѣ). Ея отличительныя черты — полногласіе и *ж* и *ч* изъ *дj*, *тj*.

Измѣненія въ области звуковъ, происшедшія въ общеславянскомъ языкѣ и изъ него перешедшія въ церковно-славянскій, — слѣдующія.

I. Гласные.

Переходъ *о* и *е* въ *ъ* и *ь*. Кромѣ *ъ* и *ь*, получившихъ начало на до-славянской почвѣ, церковно-славянскій языкъ имѣетъ небольшое количество словъ и формъ съ *ъ* и *ь*, развившимися изъ *о* и *е* на общеславянской почвѣ и неизмѣнно соотвѣтствующими литовскимъ *а* и *е*. Эти новѣйшія *ъ* и *ь* находятся внутри словъ передъ разными согласными (кромѣ *j*) и въ исходѣ словъ, и ихъ образованіе изъ *о* и *е* было обусловлено, кажется, только отсутствіемъ ударенія. Оно было необязательно, т. е. неударяемыя *о* и *е* могли перейти и могли не перейти въ *ъ* и *ь*. Отсюда въ однихъ и тѣхъ же корняхъ, даже словахъ мы видимъ то древнія *о* и *е*, то новыя *ъ* и *ь*: ц.-слав. хот-ѣти и хът-ѣти; которыи и пол. ktery, изъ кътърыи (лит. katras); когда и къгда; тогда и тъгда, др.-чешск. tehda (*е* изъ *ъ*); др.-русск. топътати (откуда малорусск. тіптати) и ц.-слав. тъпътати, пол. deptać (*е* изъ *ъ*); ц.-сл. вечеръ и вьчеръ (Син. Пс. 121), ц.-сл. и др.-русск. нарѣчіе вьчера; др.-русск. шедъ (Остром. Ев.: пришедыи 55;

Сл. Григор. Богосл. XI в.: вѣшедѣшемъ 4 об.; сравн. въ Свят. Сборн. 1073 г.: самошествну 25 об.) и ц.-сл. шьдъ, ц.-сл. и др.-русск. шьлъ; др.-русск. рькy, рьклъ и ц.-сл. рекѫ, рeклъ; ц.-сл. (Супр. р.) и др.-р. жьгѫ и ц.-сл. жегѫ; ц.-сл. и др.-р. мечь Кл. Сб., Супр. р., О. Ев., Путятина Минея XI в. (откуда стар. малорусск. мьчь) и ц.-сл. мьчь (срв. сербск. мач изъ мьчь); др.-р. жеравль, соврем. журавль, жаравль и др.-сербск. жьравль, соврем. ждрао; ц.-сл. и др.-р. четырiе и др.-чешск. *чьтыри, откуда čtyři. Отсюда въ разныхъ словахъ и формахъ при какъ будто тожественныхъ условiяхъ мы находимъ въ однихъ *о* и *е*, въ другихъ ъ и ь: слово, небо (им.-вин. ед.) изъ slavăs, nebăs и новъ, вълкъ (им. ед.) изъ navăs, vьlkăs (сравн. лит. vilkas и другiя слова съ им. ед. на ăs); ново, село (им.-вин. ед.) изъ navăm, selăm и новъ, вълкъ (вин. ед.) изъ navăm, vьlkăm (срв. вин. греч. на -ον, лат. на -ŭm, -ŏm, лит. на -ą). Впрочемъ существуетъ мнѣнiе, будто: 1) *о* передъ s никогда не измѣнялось въ ъ и формы новъ, вълкъ (им. ед.) — собственно формы вин. ед. и 2) *о* передъ m вездѣ перешло въ ъ и многочисленныя формы средн. р. въ родѣ ново, село заимствовали свое *о* отъ нѣсколькихъ формъ въ родѣ слово, небо, то (мѣстоименiе); но это мнѣнiе совершенно произвольно.

Можетъ быть, образовавшiяся на славянской почвѣ ъ и ь первоначально отличались по качеству звука отъ ъ и ь изъ ŭ, ĭ, но потомъ, еще въ обще-славянскомъ языкѣ, ъ и ь разнаго происхожденiя слились въ два звука ŭ и ĭ (откуда глухiя ŏ и ĕ). Это совершилось прежде, чѣмъ въ обще-славянскомъ языкѣ произошли измѣненiя гласныхъ подъ вліянiемъ *j*, такъ какъ во время этихъ измѣненiй ъ изъ ŭ и ъ изъ *о* были несомнѣнно тожественны.

Новый ъ изъ *о* мы находимъ 1) въ исходѣ словъ: въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ им.-вин. п. ед. муж. р.: новъ, вълкъ (сравн. литовскiя имена муж. р. на -ăs, въ родѣ vilkas, греч. на -ος, лат. на -us, изъ ŏs), род. мн. всѣхъ родовъ: вълкъ, селъ, женъ (изъ ăm; сравн. род. мн. греч. на -ων, лат. на -ūm изъ ōm), въ церковно-славянскихъ формахъ 3-го л. ед. и мн. ч. наст. вр.: беретъ, бержтъ (сравн. медiальныя формы имперфекта санскритск. abharat*a*, abharant*a*, греч. ἐφέρετο, ἐφέροντο); и 2) въ серединѣ или началѣ словъ въ небольшомъ рядѣ корней, напримѣръ, въ словахъ

ц.-слав. хѣтѣти, ц.-сл. и др.-р. къснъ, къснѣти (срв. ц.-сл. часъ изъ *кьсъ). ц.-сл. довльнъ, довлѣти (при довольнъ; срв. ц.-сл. воля, велѫ, лат. volo), зап.-слав. прѣчь (чешск. prěč, пол. przecz; срв. ц.-сл. и др.-р. прочии, др.-р. прокъ, проче), ц.-сл. и др.-русск. мѫногъ (срв. готск. manags), ц.-слав. и др.-р. мѫножѫ (твор. ед.; срв. лит. manje. мѣстн. ед.), вѫ, вѫн- (предлогъ-префиксъ) изъ ѫн- (срв. греч. ἀν-, ἀνά, лат. ăn-), сѫ, сѫн- (предлогъ-префиксъ) при сѫ- (срв. лит. san-).

Новый ь изъ *e* (не изъ *jŏ*) мы находимъ въ нѣсколькихъ формахъ повелит. накл. въ родѣ рьци, рьцѣте, тьци, пьци, жьси (при рекѫ, текѫ, пекѫ, жегѫ); въ небольшомъ рядѣ корней, напримѣръ, въ словахъ вьчера (срв. лит. vakaras вечеръ), львъ (срв. греч. λέων, лат. leo), пьсъ (сравн. санскр. paçus, лат. pecus, лит. pekus скотъ), шьдъ (при ход-), имѧ изъ *jьмѧ*, ьмѧ (при средне-болг. ѥмѧ, прусск. *emens*) въ формахъ 2 л. ед. повелит. н. ц.-сл. виждь, др.-р. вижь, чешск. viz, ц.-сл. *хошть, р. хочь и др. (до-славянское окончаніе ˈē-s; срв. окончанія 3 л. мн. ч. греч. εἶεν = *ἐσ-ιε-ν, φέρο-ιε-ν, зендск. bara-je-n) и, вѣроятно, въ мѣстоименныхъ формахъ мѣстн. ед. муж. и ср. р., въ родѣ томь (сравни лит. мѣстн. ед. tame). Относительно ь въ этихъ послѣднихъ формахъ надо имѣть въ виду, что онъ иногда находится на мѣстѣ литовскаго ударяемаго *e* и, несомнѣнно, самъ былъ нѣкогда ударяемъ (русск. ономе́-дни). Кажется, это ь развилось изъ *e* сначала въ тѣхъ формахъ, гдѣ удареніе находилось не на послѣднемъ слогѣ, и потомъ изъ этихъ формъ перешло въ остальныя, съ ударе́ніемъ на концѣ. Впрочемъ *e* литовскаго -me можетъ быть сравнительно новымъ звукомъ.

Образованіе носовыхъ гласныхъ. Обще-славянскій языкъ, выдѣлившись изъ языка славяно-литовскаго, имѣлъ значительное число словъ и формъ, въ которыхъ носовой согласный, *м* или *н*, слѣдовалъ за гласнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ или предшествовалъ какому-либо согласному, или находился въ концѣ слова, формы. Съ теченіемъ времени носовой согласный этихъ словъ и формъ слился съ предшествовавшимъ ему гласнымъ и вмѣстѣ съ послѣднимъ образовалъ носовой гласный. Такъ, *м* слова трѫмсъ (сравн. лат. tremere), слившись съ *ă*, образовалъ вмѣстѣ съ нимъ носовой гласный—ц.-слав. ѫ; точно также *н* слова лѧгѫть (ср. лежати, лат. fingo, pungo),

слившись съ *с*, образовалъ другой носовой гласный — ц.-слав. ѧ (лѧжетъ).

Конечно, первоначально всякій гласный могъ быть носовымъ, такъ что въ женѫ (вин. ед.) могло слышаться носовое *ā* (=*genām), въ трѭсъ—носовое *ă*, въ трѧсѫ—носовое *е*, въ видѧтъ (3 л. мн. ч.)—носовое *и*, въ душѧ (род. ед.)—носовое *ъ*, въ па-мѧть—носовое *ь* (сравн. лит. at-mintis), въ дѫти—носовое *ъ* (=*dъ̄mti, сравн. дъ̄м-ѫ, -дым-ати). Но послѣ разные носовые гласные стали сближаться между собою и мало по малу перешли въ два звука — носовое *о* (или звукъ близкій къ *о*) и носовое *е* (или звукъ близкій къ *е*), вѣроятно, бывшіе какъ краткими, такъ и долгими, и съ губно-носовымъ оттѣнкомъ (*м*), и съ чисто-носовымъ (*н*). Носовое *о* получилось изъ носовыхъ *а* (=ā), *ă*, *ъ*, можетъ быть, *ы*; носовое *е* дали носовыя *е*, *ь*, *и* (ī), *ѣ*. Такимъ образомъ получились предки церковно-славянскихъ ѫ и ѧ, существовавшіе въ общеславянскомъ языкѣ во все время его жизни и перешедшіе изъ него во всѣ отдѣльныя славянскія нарѣчія.

Здѣсь носовые гласные имѣли каждый свою особую судьбу. Церковно-славянскій, словинскій (во Фрейзингенскомъ памятникѣ), польскій и полабскій языки еще сохранили ихъ въ историческую эпоху своей жизни (польскій сохраняетъ и до сихъ поръ въ большомъ числѣ, болгарскіе и словинскіе говоры въ скудныхъ остаткахъ); остальные языки явились на историческое поприще, уже утративъ ихъ, т. е. превративъ носовые гласные въ чистые. Качество носовыхъ гласныхъ, благодаря присутствію въ нихъ носоваго элемента, въ разныхъ славянскихъ языкахъ измѣнилось неодинаково. О звукахъ церковно-славянскаго языка, изображавшихся въ кириллицѣ черезъ ѫ и ѧ, мы говорили выше. Польскій яз. зналъ и знаетъ, на мѣстѣ церковно-славянскихъ ѫ и ѧ, носовыя *о*, *а*, *у*, *е*, *и* (въ современномъ литературномъ языкѣ *о* = *ǫ* и *е* = *ę*). Сербскій, русскій, чешскій и лужицкіе замѣнили носовое *о* (или звукъ близкій къ *о*) общеславянскаго языка звукомъ *у*, сначала носовымъ, потомъ чистымъ; словинскій языкъ (во многихъ говорахъ) замѣнилъ этотъ звукъ звукомъ *о*. Русскій, чешскій и, мы думаемъ, лужицкіе языки превратили общеславянск. носовое *е* (или звукъ близкій къ *е*) въ *а* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ или *j*, сперва носовое, послѣ чистое; сербскій и словинскій, напротивъ, сохранили

обще-слав. носовое *e* (конечно, не вездѣ и не вполнѣ), но послѣ утратили въ немъ носовой элементъ. Такимъ образомъ обще-славянск. $do^{n}bъ$, давшее въ церковно-славянскомъ языкѣ дѣбъ, стало звучать въ польскомъ языкѣ—$do^{m}b$, $da^{m}b$, $du^{m}b$, $de^{m}b$, современное литературное $de^{m}b$ (= dęb); въ сербскомъ, русскомъ, чешскомъ, лужицкихъ—$dy^{n}bъ$, откуда дубъ; въ словинскомъ—$do^{n}b$, откуда dob; обще-славянскій корень $gle^{n}d$-, давшій въ церковно-славянскомъ языкѣ глад-, сталъ звучать въ польскомъ—$gle^{n}d$-, $gli^{n}d$-, соврем. литературное $gle^{n}d$- (ględ-); въ русскомъ, чешскомъ, лужицкихъ — $gla^{n}d$-, откуда гляд-, gled-, hled-; въ сербскомъ и словинскомъ—$gle^{n}d$-, откуда глед-.

Рядомъ съ носовыми гласными изъ до-славянскихъ сочетаній гласный + носовой согласный, въ небольшомъ количествѣ словъ и формъ обще-славянскаго языка мы находимъ, вмѣсто ожидаемыхъ нами носовыхъ гласныхъ, гласные чистые. Именно, мы находимъ вмѣсто ожидаемыхъ ѫ и ѧ:

1) въ исходѣ словъ:

ъ: въ формахъ вин. п. ед. муж. р. въ родѣ вълкъ, сынъ (сравн. окончанія вин. ед. греч. -ον, -ῦν, лат. -um, лит. -ą, -ų);

въ формахъ родит. п. мн. всѣхъ родовъ: вълкъ, сыновъ, селъ, женъ, словесъ (сравни окончанія род. мн. греч. -ων, лат. -um, литовск.-жмудск. -un);

въ формахъ 1 лица ед. ч. аористическихъ образованій (аориста сильнаго, аориста сигматическаго, имперфекта): несъ, несохъ, несѣахъ (сравн. окончанія греч. формъ 1 л. ед. ἔλιπον, ἔλειπον и т. п.);

въ формахъ супина: нестъ (ср. формы лат. и лит. супина на tum);

ь (не изъ *jъ*): въ формахъ вин. ед. муж. и женск. р. въ родѣ гость, кость (сравни окончанія вин. ед. греч. -ιν, лат. -im, -em, лит. į);

о: въ формахъ им.-вин. ед. средн. р. въ родѣ село (сравни окончанія греч. -ον, лат. -um);

ы: въ формахъ им. ед. словъ муж. р. съ основою на n: камы, пламы (при пламя; сравни греч. ἄχμων, лит. -жмудск. akmuo);

въ формахъ имен. ед. причастій настоящ. вр. муж. р. съ основою на nt: беры, сы (при дамь, ѣмля; сравн. греч. τιθείς изъ *τιθέντς, διδούς изъ *διδόντς, лат. ferens, prae-sens, лит. причастія на -as);

въ формахъ родит. ед. женск. р. въ родѣ жены (при душа);

*) ferens ≠ φέρων, διδάς

въ формахъ имен.-винит. множ. женск. р. въ родѣ жены (при душа: сравн. прусск. вин. мн. ganans, отъ gana = жена);

въ формахъ винит. мн. муж. р. въ родѣ вълкы, сыны (при краѧ. мѫжа: сравн. греч. критск. вин. множ. νόμονς);

и: въ формахъ вин. мн. муж. и женск. р. въ родѣ гости, кости (сравн. греч. νόμονς, прусск. ganans);

а: въ древнихъ русскихъ и западно-славянскихъ формахъ имен. ед. причастій наст. вр. муж. р. въ родѣ бера, са (при ц.-слав. беры, сы, даѧ, ѥмлѧ);

ъ: въ древнихъ русскихъ и западно-славянскихъ формахъ род. ед. и имен.-вин. множ. женск. р. въ родѣ душъ (при ц.-сл. душа);

въ древнихъ русскихъ и западно-славянскихъ формахъ вин. мн. муж. р. въ родѣ краѣ, мужѣ (при ц.-слав. краѧ, мѫжа);

въ серединѣ словъ:

з: въ словахъ сѧто (сравн. лат. centum, лит. šimtas), вѧторъ (сравн. санскр. antaras, лит. antras другой, нѣм. ander), въ предлогахъ-префиксахъ сѧ, вѧ (сравн. сѧн-имати, сѫ-сѣдъ; вѧн-имати, др.-русск. у-возъ = *ѫ-возъ, польск. wąwoz; лит. san-, греч. ἀν-, ἀνά, лат. an-);

ъ: въ словѣ мѣсѧць (сравн. греч. μήν, лат. mensis, лит. mẽnů -esis; *ѣ* въ помѣнѫти (корень тотъ же, что въ мьн-ѣти, суффиксъ -нѫ-), вѣроятно, заимствованъ этимъ глаголомъ изъ родственныхъ мѣн-ити, по-мѣн-ъ и т. п.; *ѣ* въ камѣнъ, при др.-русск. камянъ = каман-ъ, изъ камен-нъ, вѣроятно, перешло въ это слово изъ словъ въ родѣ дрѣвьнъ.

Сверхъ того, мы, вѣроятно, имѣемъ чистые вмѣсто носовыхъ въ формахъ дат. мн. ны, вы (при намъ, вамъ), въ русск. лыко (лит. lunkas), въ русск. прыгать (при ц.-слав. пржатисѧ, -прагати), въ русск. дрыхнуть (при ц.-слав. дрѫхлъ, дрѫселъ; въ др.-р. Житіи Нифонта 1219 г.: друхлъ = дрѫхлъ), въ ц.-слав. ирѣмъ (при русск. прямъ, сербск. према изъ прѧм-), въ церк.-слав. и русск. кѣнига (при ср.-болг. кнага, кнажникъ Ев. Григоровича XII в. 109, чешск. kně̋ha изъ kňaha = кънага, польск. księga изъ кънага).

Вопросъ о способахъ происхожденія въ указанныхъ словахъ и формахъ чистыхъ гласныхъ принадлежитъ къ числу труднѣйшихъ вопросовъ славянской фонетики.

Появленіе чистыхъ *ъ*, *ь*, *о* изъ древнѣйшихъ *краткихъ* въ исходѣ словъ—въ вин. ед. вълкъ, сынъ, гость, село, въ род. мн. вълкъ, сыновъ, женъ и др., въ супинѣ, въ 1 л. ед. несъ и др. можетъ быть объяснено тѣмъ, что здѣсь носовой согласный, заканчивавшій собою эти формы, не успѣлъ слиться съ предшествовавшими ему гласными и образовать вмѣстѣ съ ними носовые гласные и исчезъ въ то время, когда исчезли въ обще-славянскомъ языкѣ всѣ конечные согласные. Но этому объясненію противорѣчитъ до нѣкоторой степени образованіе носовыхъ гласныхъ изъ древнѣйшихъ *долгихъ* также въ исходѣ словъ—въ вин. ед. женѫ (изъ -ām, сравн. греч. -ᾱν, лат. -ām), въ твор. ед. женоѭ (вѣроятно, изъ -āⁿ), въ 1 л. ед. рекѫ (вѣроятно, изъ -ām), образовавшихся при тѣхъ самыхъ условіяхъ, при которыхъ получились чистые въ вълкъ, село и проч. Сверхъ того, должно имѣть въ виду, что носовые гласные какъ въ им.-вин. тела, праса, такъ и въ им.-вин. сѣма, има и въ вин. ма, та, са, можетъ быть, образовались изъ *краткихъ* гласныхъ (срв. греч. им.-вин. ср. р. ἄῤῥεν, вин. ἐμέ, σέ, рядомъ съ санскр. им.-вин. ср. р. nāmā, вин. mām, лат. вин. mē, tē).

Появленіе *ы* въ камы, пламы и т. п. можетъ быть объяснено тѣмъ, что *ā* въ окончаніи *ām* (сравн. ἄχμων, aktum), подъ вліяніемъ носоваго согласнаго, заканчивавшаго слово, перешло сначала въ ō, потомъ въ ū, т. е. въ *ы*, и что носовой согласный, такъ же какъ въ вълкъ, село, не успѣлъ слиться съ ū и исчезъ. Но мы не знаемъ ни одного достовѣрнаго примѣра перехода ā въ ō и затѣмъ въ ū.

Появленіе *ы* въ беры, сы и т. п. и *а* въ русск.-польск.-чешск. бера, са и т. п. (при ц.-сл. дамь, кмла) можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ. Окончаніе этихъ формъ въ древнѣйшую эпоху обще-славянскаго языка было ān̆s съ предъидущимъ твердымъ согласнымъ (сравни лит. -ąs). Часть говоровъ этого языка испытала въ немъ исчезновеніе носоваго согласнаго (при существованіи конечнаго s), которое повело къ удлиненію *а*; такимъ образомъ получилось окончаніе ās, откуда русск.-пол.-чешск. -*а*. Въ другой части говоровъ обще-славянскаго языка ă въ ān̆s, подъ вліяніемъ группы ns, перешло сначала въ ŏ, потомъ въ ŭ; такимъ образомъ явилось окончаніе ūns. Исчезновеніе въ немъ n повело къ удлиненію u и образовавшееся затѣмъ окончаніе ūs дало ц.-слав. -*ы*. То же окончаніе ān̆s съ предъидущимъ *j* во всѣхъ говорахъ обще-славянскаго

1) ān̆s — ās — а русск.-пол.-ч

языка перешло сначала въ jŏns, потомъ, вслѣдствіе вліянія *j*, — въ jens, откуда ц.-слав. -ѧ.

Окончаніе *ы* въ род. ед., им.-вин. мн. словъ женск. р. въ родѣ жены и окончаніе *ъ* въ тѣхъ же падежахъ русскихъ и западнославянскихъ словъ женск. р. въ родѣ душ*ъ* (при ц.-сл. душа) могутъ быть объяснены сходнымъ образомъ. Окончаніе *ы*, по всей вѣроятности, восходитъ къ окончанію ānṣ съ предъидущимъ твердымъ согласнымъ. Вліяніе группы ns повело къ переходу ā въ ŏ, ū; послѣдовавшее послѣ завершенія этого перехода исчезновеніе n передъ s не произвело измѣненія въ ū, и послѣднее перешло затѣмъ въ *ы*. Окончаніе *ъ*, вѣроятно, восходитъ къ окончанію jāns. Здѣсь вліяніе носоваго согласнаго повело къ переходу ā въ ō, а вліяніе *j*—къ переходу ō въ ē. Послѣдовавшее затѣмъ въ одной части обще-славянскаго языка исчезновеніе n превратило окончаніе jēns въ jēs, откуда -*jъ*. Другая часть обще-славянскаго языка сохранила n, и этотъ согласный, слившись съ ē = *ъ*, образовалъ ѧ.

Окончаніе *ы* въ вин. мн. муж. р. въ родѣ вълк*ы* и окончаніе *ъ* въ вин. мн. въ родѣ крад*ъ*, мужь (при црк.-слав. краѧ, мѫжа) могутъ быть объяснены въ главномъ такъ же, какъ *ы* въ жены и *ъ* въ душ*ъ*. Только здѣсь древнее ă (въ окончаніи ănṣ), перейдя въ ŏ, ŭ, ĕ, вслѣдствіе исчезновенія n, должно было удлиниться и образовать ū и ē = *ы* и *ъ*.

Окончанія *ы* и *и* въ вин. мн. сын*ы*, гост*и*, кост*и*, восходящія къ ĭns, ĭns, могутъ быть объясняемы тожественно съ *ы* въ вълк*ы*. Только здѣсь древнія ŭ и ĭ не испытали никакихъ измѣненій въ качествѣ и, удлинившись послѣ исчезновенія n, перешли въ ū и ī = *ы* и *и*.

Образованіе чистыхъ въ серединѣ словъ (въ мѣсѧць, дрѣхнуть, лѣко, прѣгать и проч.) можетъ быть безъ большаго затрудненія объяснено такъ же, какъ образованіе ихъ въ формахъ жены, вълк*ы*. Но *ѣ* въ сѣто и вѣторы представляетъ много загадочнаго и стоитъ особнякомъ. Мы не видимъ въ этихъ словахъ не только носовыхъ гласныхъ, но и удиненія чистыхъ, которое наблюдается въ другихъ случаяхъ.

Удлиненіе *ă* и *e* передъ плавными согласными. Славянскіе языки дѣлятся на двѣ группы: одни: церковно-славянскій, сербскій,

словинскій, чешскій, знаютъ удлиненіе *ă* и *e* при плавныхъ: прочіе его почти не знаютъ.

Удлиненіе *ă* и *e* наблюдается нами въ словахъ, нѣкогда имѣвшихъ эти звуки передъ группою: плавный согласный + согласный; всѣ они (за немногими исключеніями) имѣютъ вмѣсто *ă* — *a*, т. е. ā, а вмѣсто *e* — *ъ*, т. е. ē, и сверхъ того, въ большей ихъ части замѣчается перестановка плавнаго.

А изъ *ă* находится, между прочимъ, въ слѣдующихъ церковно-славянскихъ словахъ:

бр*а*да (сравн. лат. b*a*rba, лит. b*a*rzda борода), вр*а*на (сравн. лит. v*a*rna ворона), гл*а*ва (сравн. лит. g*a*lva голова), гл*а*сь (сравн. лит. g*a*rsas звукъ), гр*а*дъ (сравн. лит. g*a*rdas огорожа), кр*а*ва (сравн. k*a*rvē корова), пр*а*сѧ (сравн. лат. p*o*rcus, лит. p*a*ršas свинья), сл*а*дъкъ (сравн. лит. s*a*ldus сладкій);

л*а*къть (сравн. лит. *a*lkunē локоть), л*а*нии (сравн. ц.-слав. ѥлень, русск. *о*лень, лит. *e*lnis, лотышск. *a*lnis), л*а*дии (сравн. лит. *a*ldija, *e*ldija лодка), л*а*кати (Зогр. Ев., Син. Пс.; сравн. лит. *a*lkti), р*а*бъ (сравн. греч. ὀρφός, лат. *o*rbus), р*а*з- (префиксъ, сравн. лат. *a*r-), р*а*ло (сравн. *о*р-ати, лит. *a*rklas плугъ);

*а*лнии (при л*а*нии), *а*лдии (при л*а*дии), *а*лкати (при л*а*кати, безъ *ъ* послѣ *л*, неизмѣнно отсутствующаго въ этомъ словѣ въ древнерусскихъ нотныхъ книгахъ).

Ѣ изъ *ĕ* находится, между прочимъ, въ слѣдующихъ церковно-славянскихъ словахъ:

бр*ѣ*гъ (= берегъ и гора, Син. Тр. 99, сравн. нѣм. b*e*rg), бр*ѣ*за (сравн. лит. b*e*ržas, прусск. b*e*rze береза), пл*ѣ*нъ (сравн. лит. p*e*lnas заработокъ), четвр*ѣ*ногъ (сравн. четверо), чр*ѣ*съ (сравн. лит. sk*e*rsas кривой, окольный), ш*л**ѣ*мъ (сравн. нѣм. h*e*lm).

Языки сербскій и словинскій (а также, разумѣется, ново-болгарскій) имѣютъ приведенныя слова въ той же формѣ, какъ и церковно-славянскій языкъ, т. е. съ *а* и *ъ* изъ *ă* и *e* и съ постоянною перестановкою плавнаго (слова въ родѣ *а*лкати въ нихъ неизвѣстны): сербск. бр*а*да, гл*а*ва, гр*а*д, л*а*ђа (лодья), л*а*кат, бр*и*јег (но: р*о*б, роб-ота).

Чешскій языкъ въ большей части словъ—въ тѣхъ, въ которыхъ слогъ *ра*, *ла* не начинаетъ слова—вполнѣ согласенъ съ церковно-славянскимъ: br*a*da, hl*a*va, hr*a*d и т. п.; но въ меньшей части—

въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, гдѣ слогъ *ра, ла* долженъ бы быть въ началѣ слова—онъ не имѣетъ удлиненія гласныхъ, т. е. имѣетъ не *а*, а *о* (изъ *ă*): lod', loket, lokati, roz-, roba (Svatovitský Rukopis XIV в.). Слова безъ перестановки плавнаго ему неизвѣстны.

Языки польскій и лужицкіе, не зная удлиненія *ă* и *е*, имѣютъ *о* (изъ *ă*) и *е* съ постоянною перестановкою плавнаго: польск. broda, wrona, głowa, głos, gród, łodź, łokieć, robota, roz-, brzeg (изъ бретъ), brzoza (изъ бреза), plon (изъ пленъ). Русскій языкъ, также не зная удлиненія *ă* и *е* и имѣя *о* и *е*, отличается отъ другихъ славянскихъ языковъ полногласіемъ. Оно заключается въ слѣдующемъ. До-славянская группа: согласный + *ă*, *е* + плавный + согласный, является въ русскомъ языкѣ съ двумя тожественными гласными — однимъ передъ плавнымъ, другимъ послѣ плавнаго. Такъ, до-слав. bărdā, ц.-слав. брада, пол. broda является въ русскомъ языкѣ въ видѣ борода; до-слав. vărnā, ц.-слав. врана, пол. wrona—въ видѣ ворона; до-слав. gărdas, ц.-слав. градъ, пол. gród—въ видѣ городъ; до-слав. bĕrgas, ц.-сл. брѣгъ, польск. brzeg—въ видѣ берегъ и т. д. До-славянская группа, начинающая собою слово: *ă*, *е* + плавный + согласный, принимаетъ въ русскомъ языкѣ болѣе простую форму, одинаковую съ тою, которую мы видѣли въ чешскомъ и польскомъ языкахъ. Такъ, до-слав. ălk-, ц.-сл. лак-ъть, польск. łok-ieć является въ русскомъ языкѣ въ видѣ лок-ъть; до-слав. ălдijī, ц.-слав. ладии, польск. łodź—въ видѣ лодья, лодка; до-слав. ărbas, ц.-сл. рабъ, польск. robić—въ видѣ робъ, робити, робѣти; до-слав. ărz-, ц.-сл. раз-, польск. roz- — въ видѣ роз-. Отдѣльно стоитъ др.-русск. олкати = ц.-сл. алк-ати.

Полабскій языкъ, представляя много сходнаго съ польскимъ, отличался отъ него тѣмъ, что рядомъ съ словами, гдѣ произошла перестановка плавнаго, имѣлъ рядъ словъ безъ перестановки плавнаго, въ родѣ vårna = ц.-слав. врана, русск. ворона, vo-gård = ц.-сл. градъ, русск. городъ, pårsą = ц.-сл. прасѧ, русское порося (å – вѣроятно—открытое *о*) и т. п. Нѣсколько подобныхъ словъ сохраняется въ кашебскомъ нарѣчіи польскаго языка: bardawka = русск. бородавка, charna, chorna=ц.-сл. храна, charst = ц.-сл. хвраcть, р. хворостъ, gardzec=ц.-сл. градити, р. городить (Prace Filologiczne, III).

Такимъ образомъ церковно-славянскій языкъ въ удлиненіи *ă* и *е* передъ плавными согласными представляетъ полное сходство съ

сербскимъ, словинскимъ и отчасти чешскимъ языками и отличается отъ прочихъ слав. яз. Причина удлиненія *ă* и *ĕ* неясна: можно думать, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ гласными по природѣ краткими, усвоившими себѣ долготу вслѣдствіе своего нахожденія передъ двумя согласными—плавнымъ и нѣмымъ, что въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, какъ извѣстно, сообщаетъ гласнымъ долгое произношеніе. Причина перестановки плавнаго равнымъ образомъ неясна: о ней можно сказать только то, что она нерѣдка въ разныхъ индо-европейскихъ языкахъ, такъ что ничего страннаго и необычнаго въ ней не заключается. Во всякомъ случаѣ отрицать существованіе перестановки невозможно: предположеніе о происхожденіи *ра* въ *брада*, *рть* въ *брьгъ* и т. п. изъ ăрă, ĕрĕ (бăрăда, бĕрĕгъ) не можетъ имѣть мѣста въ виду отсутствія *ра*, *рть* въ словахъ въ родѣ *береть* (3 л. ед.), *зеленъ*, -*полови*ти, *скорость*, *пелесъ* и т. п. Русскія полногласныя формы, на которыя одни могло бы опереться это предположеніе, повидимому, испытали перестановку плавнаго; на это указываетъ, между прочимъ, удареніе, которое, находясь въ литовскихъ словахъ на гласномъ передъ плавнымъ, въ русскихъ обыкновенно стоитъ на гласномъ послѣ плавнаго: лит. *várna* — русск. *ворóна*, лит. *kárvē*—русск. *коро́ва*, лит. *béržas*—русск. *берёза*.

Время, къ которому относится удлиненіе *ă* и *ĕ*, можетъ быть опредѣлено приблизительно. Это—та эпоха жизни обще-славянскаго языка, когда славянское *о* изъ *ă* еще не успѣло развиться, вслѣдствіе чего удлиненіе его дало ā, а не ō. Несомнѣнно, усвоеніе долготы звуками *ă* и *ĕ* съ одной стороны и перестановка плавнаго съ другой —явленія, совершившіяся въ разное время; по крайней мѣрѣ слова въ родѣ ц.-слав. *алнии*, *алдии*, *алкати*, по нашему мнѣнію, указываютъ на то, что долгота *а* существовала раньше, чѣмъ образовались слова *ладии*, *лании*, *лакати*.

Удлиненіе *ă* и *ĕ* наблюдается нами въ церковно-славянскомъ языкѣ (какъ и въ другихъ съ нимъ сходныхъ) не вездѣ, гдѣ мы его ожидали бы. Церковно-славянскій языкъ имѣетъ слѣдующія слова безъ удлиненія *ă* и *ĕ*: робъ (Супр. рук., средне-болг. Ев. Григоровича XII в. 7; сравн. сербск. роб., чешск. roba; рядомъ: рабъ), роз- (Супр. р., Син. Пс. 24; сравн. чешск. roz-; рядомъ: раз-), розвѣ (Супр. р., др.-русск. Слово Ипполита объ Антихр.; рядомъ: развѣ), сребро (не сьребро или съребро: древне-русскія нотныя книги имѣютъ это слово

безъ *ъ*, *ь*; сравн. чешск. *stříbro*, съ *í* изъ *ь*, др.-русск. *срьбро*, *серебро*), *золъто* (Син. Пс. 150, вѣроятно = *золто*, не *золото*; сравни *ъ* въ *алькати* и др., находящійся въ церковно-славянскихъ памятникахъ, но отсутствующій въ древне-русскихъ нотныхъ книгахъ).

На оборотъ, въ языкахъ, вообще не знающихъ удлиненія *ă* и *e*, есть нѣкоторое количество словъ съ удлиненіемъ. Таковы, между прочимъ, въ польскомъ языкѣ: *władać*, *władza*, *właść* (при *włość*, *włodarz*; сравн. ц.-сл. *власть*, русск. *волость*), *łabiędź*, при чешск. *labuť* (сравн. русск. *лебедь*; корень тотъ же, что въ греч. *ἀλφ-ός*, лат. alb-us), *łaczny*, при чешск. *lačný*, русск. *лакомый*, *łań*, при чешск. *laň*, русск. *лань* (сравн. ц.-сл. *алнии*), *radło*, при чешск. *radlo*, русск. *рало* (срв. слав. *ор-ати* и лит. *ar-klas*), *rataj*, при чешск. *rataj*, русск. *ратай* (сравн. лит. *artojis*), *ramię*, при чешск. *rámě*, *rameno* (сравн. лат. *armus*, готск. *arms*). Таковы также нѣкоторые глаголы съ длительнымъ оттѣнкомъ въ значеніи: *błagać*, *-braniać*, *wracać*, *ob-rastać*. Послѣдніе, если они не новообразованія, какъ русск. *поворачивать*, *выволакивать* (сравн. *выхлопатывать*, *запода-зривать*), имѣютъ *ра* едва ли не изъ до-славянскаго *ār*.

Должно замѣтить, что церковно-славянскому языку не чуждо то странное измѣненіе обще-славянской группы: ш и п я щ і й согласный + *ел* + согласный, въ группу: шипящій + *ла* + согласный, которое наблюдается въ чешскомъ языкѣ (а изрѣдка и въ сербскомъ) и которому соотвѣтствуетъ измѣненіе *ел* въ польскомъ языкѣ — въ *ło*, въ русскомъ—въ *ело*. Мы находимъ въ Супрасльской рукописи глаголъ *жладж*, рядомъ съ болѣе обычнымъ *жлъдж* и съ стар. русск. *желедьба*, гдѣ корень *жлад-* восходитъ къ до-слав. *geld-*. Сравни ц.-слав. *жльбъ*, сербск. *жлијеб* и чешск. *žlab* (при *žleb*), польск. *żłoь*, русск. *жолобъ* изъ *желобъ*; ц.-слав. *жльза*, сербск. *жлијезда*, русск. *железа* и чешск. *žláza* (при *žleza*); ц.-слав. *чльнъ* (перешедшее въ русскій языкъ) и ср.-болг. *члапъ* (Сборникъ 1345 г. 22 об.), сербск. *члан*, чешск. *član*, пол. *członek*; ц.-слав. *шльмъ* и ст.- польск. *szłom*, русск. *шеломъ*. Кажется, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ обще-славянскимъ переходомъ *ъ* въ *ă* (или, для польскаго и русскаго яз., — *е* въ *ă*), совершившимся въ нѣсколькихъ случаяхъ уже послѣ перестановки плавнаго, подъ вліяніемъ твердаго *л*. Во всякомъ случаѣ до перестановки плавнаго, въ ту эпоху жизни обще-славянскаго языка, когда гортанные еще не перешли въ шипящіе, всѣ приве-

денныя слова имѣли послѣ гортанныхъ и передъ плавнымъ или *ē* изъ *ĕ*, или *ĕ*, но не *a* и не *o*; въ противномъ случаѣ смягченіе гортанныхъ не можетъ имѣть себѣ объясненія.

Кажется, въ церковно-славянскомъ языкѣ есть одинъ случай измѣненія обще-слав. группы: шипящій + *ел* + согласный въ группу: шипящій + *ло* + согласный (какъ въ польскомъ яз.). Это — слово чл*о*вѣкъ (и въ церк.-слав. памятникахъ, и въ др.-русскихъ нотныхъ книгахъ безъ *ъ* послѣ *ч*), рядомъ съ которымъ мы имѣемъ въ сербскомъ—*чл*о*вѣкъ, въ чешскомъ *člověk*, въ польскомъ *człowiek* и въ русскомъ чел*о*вѣкъ; срв. лотышск. *cilweks* человѣкъ (*ц* изъ *к*), слав. чел-ядь, чело.

Церковно-славянскій языкъ не имѣетъ ни одного достовѣрнаго случая измѣненія обще-слав. группы: согласный не шипящій + *ел* + согласный, въ группу: согласный + *ла*, *ло* + согласный. Но это измѣненіе извѣстно другимъ славянскимъ языкамъ. Такъ, въ польскомъ мы имѣемъ: m*ł*oko-s (молокососъ, *s* изъ *сьсъ*) при m*l*eko, ц.-сл. мл*ъ*ко, p*ł*owa при ц.-сл. пл*ъ*ва, пл*ъ*вель, p*ł*on при пол. p*ł*on (изъ p*ł*en), ц.-сл. пл*ъ*нъ, лит. pelnas. Русскій языкъ здѣсь также, какъ и въ другихъ случаяхъ (гдѣ нѣкогда была группа *ăл*), обладаетъ полногласіемъ, и древняя группа *ел* въ немъ является въ видѣ *оло*: м*оло*ко, п*оло*ва, др.-р. п*оло*вель, п*оло*нъ, в*оло*ку (ц.-сл. вл*ъ*къ, лит. velku), т*оло*чь (ц.-сл. тл*ъ*шти) и др.

Измѣненія гласныхъ подъ вліяніемъ *j* и мягкихъ согласныхъ. Согласный *j* и разные мягкіе согласные, образовавшіеся безъ участія *j*, находясь передъ гласными, произвели въ нихъ въ обще-славянскую эпоху цѣлый рядъ измѣненій.

Гласный *o*, имѣя передъ собою *j*, перешелъ въ *e*, такъ что сочетаніе *jo* превратилось въ *je*, а затѣмъ въ церковно-славянское и др.-русское ѥ. Съ этимъ измѣненіемъ мы имѣемъ дѣло въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ им.-вин. ед. средн. р. въ родѣ пол*е*, пол*ѥ* изъ пол*j*о (сравн. сел*о*), твор. ед. женск. р. въ родѣ душ*ею*, изъ духj*оѭ* (сравн. жен*оѭ*), звват. ед. женск. р. въ родѣ душ*е*, изъ духj*о* (сравн. жен*о*), дат.-твор. дв. муж. и средн. р. въ родѣ м*ѫжема*, полема, изъ м*ѫ*гj*ома*, полj*ома* (сравн. вълкома, селома), дат. мн. м*ѫжемъ*, пол*емъ*, изъ м*ѫ*гj*омъ* (сравн. вълкомъ, селомъ); въ формахъ мѣстоименій въ родѣ ѥго, моѥго, ѥму, моѥму и т. д., изъ jого,

моjого и т. д. (сравни того, одного и т. д.); въ формахъ причастій въ родѣ даѥмъ, изъ дajомъ (сравн. беромъ); въ формахъ неопред. наклон. въ родѣ воѥвати, изъ вojовати (сравн. куновати); въ небольшомъ количествѣ корней въ родѣ ѥмлѭ изъ jомjѫ, ревѭ изъ рjовѫ.

Гласный ѣ, имѣя передъ собою *j*, перешелъ въ *ь*, т. е. *jѣ* превратилось въ *jь*. Вѣроятно, во время этого превращенія *ѣ* и *ь* уже звучали какъ глухія *о* и *е*, и переходъ *jѣ* въ *jь* находится въ связи съ переходомъ *jo* въ *je*. Его мы наблюдаемъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ имен.-вин. ед. муж. р. въ родѣ мѫжь, изъ мѫгjѣ (сравн. вълкѣ), род. мн. въ родѣ мѫжь, поль, душь, изъ мѫгjѣ, полjѣ, духjѣ (сравн. вълкѣ, селѣ, женѣ) въ формахъ мѣстоименій въ родѣ вѣнъ-ѣ (вин. ед. отъ *и*), изъ jѣ, въ корняхъ въ родѣ пѣѭ, изъ сjѣѭ, хjѣѭ (обще-индо-европ. корень sju-), пьвати, изъ пjѣвати (обще-индо-европ. корень pju-) и другихъ, о которыхъ ниже.

Гласный *ы*, имѣя передъ собою *j*, перешелъ въ *и*, т. е. сочетаніе *jы* превратилось въ *ju*, — въ формахъ твор. мн. муж.-ср. р. мѫжи, поли, изъ мѫгjы, полjы (сравн. вълкы, селы), и въ немногихъ корняхъ въ родѣ шити, изъ сjыти, хjыти, истъ, истина = *jист-*, изъ jыст- (срв. лат. *jūs*, *justus*).

Гласный *ѣ* изъ обще-индо-европ. *ai* (*āi*) передъ *j* перешелъ въ *и*, т. е. *jѣ* превратилось въ *ji*. Конечно, этотъ переходъ совершился въ ту эпоху, когда *ѣ* = *ē* уже образовалось изъ *ai*, но не слилось еще въ одинъ звукъ съ *ѣ* изъ *ē* и оставалось закрытымъ *ē*, и когда уже явились шипящіе изъ гортанныхъ. Это *ji* мы находимъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ дат.-мѣстн. ед. женск. р. въ родѣ души, изъ душjѣ, духjāi (сравн. женѣ), мѣстн. ед. муж. и ср. р. въ родѣ мѫжи, поли, изъ мѫжjѣ, полjѣ, мѫгjāi, полjāi (сравн. вълцѣ, селѣ), им.-вин. дв. женск. и средн. р. въ родѣ души, поли, изъ душjѣ, полjѣ, духjāi, полjāi (сравн. женѣ, селѣ), мѣстн. мн. муж.-ср. р. въ родѣ мѫжихъ, полихъ, изъ мѫжjѣхъ, полjѣхъ, мѫгjāiхъ, полjāiхъ (сравн. вълцѣхъ, селѣхъ), въ формахъ мѣстоименій имь = jимь (тв. ед.), моимь = мojимь, ихъ = jихъ, моихъ = мojихъ, имъ = jимъ и т. д., изъ jѣмь, мojѣмь и т. д. (сравн. тѣмь, тѣхъ и т. д.), въ формахъ повелит. наклон. даита, даите = дajита, дajите, изъ дajѣта, дajѣте (сравн. берѣта, берѣте), можетъ быть, въ нѣкоторыхъ корняхъ: инъ (одинъ) = jинъ, изъ jѣнъ (сравн. ст.-лат. *oinos*, лат. *ūnus*, прусск. *ains*).

Гласный *ь*, безразлично, восходитъ ли онъ къ обще-индо-европ. *ĭ*, или, вмѣстѣ съ *р*,—къ о.-и.-евр. *ŗ*, или произошелъ на славянской почвѣ изъ *ѥ* или *ə*, имѣя передъ собою *j* (но не мягкій согласный), перешелъ въ *и*, т. е. группа *jь* стала звучать *ји*. Само собою разумѣется, это новое *и* по количеству звука первоначально отличалось отъ *и* изъ обще-индо-европ. *ī* или изъ *ъ*. Его мы, между прочимъ, находимъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ им.-вин. ед. муж. р. въ родѣ кра*и*, обыча*и*, мо*и*, вели*и* = краје, обычаје, моје, велије, изъ крајь, крајъ, вельь, вельъ (сравн. им. ед. муж. р. прилагательныхъ санскр. -ijas, греч. -ιος, лат. -ius), род. мн. въ родѣ кра*и*, *сѫдьи*, гостьи, костьи = краје, *сѫдьје* и т. д., изъ крајь, крајъ, *сѫдьь*, *сѫдьъ* (сравни вълкъ, женъ, греч. -ων, лат. -iūm), въ словахъ съ суффиксомъ -ьскъ въ родѣ зълодѣ*и*скъ = зълодѣје*и*скъ, изъ зълодѣјьскъ (сравн. словѣн-ьскъ), въ словахъ съ суффиксомъ -ьнъ въ родѣ достои*н*ъ = достоје*и*нъ, изъ достојьнъ (сравн. польз-ьнъ), въ словахъ съ суффиксомъ -ьство въ родѣ уби*и*ство = убије*и*ство, изъ убијьство (сравн. блажен-ьство), въ словахъ съ суффиксомъ -ьць въ родѣ прѣлюбодѣ*и*ць (Остр. Ев.: сравн. от-ьць) и въ нѣкоторыхъ корняхъ: *и* (мѣстоименіе, им.-вин. п. ед. муж. р.) = *ји*, изъ *jь*, *jъ* (сравн. вин. ед. вън-ь, а также санскр. jas, греч. ἐς), *иде*, до-*иде*-же Остр. Ев. 70 об., 290, С. Пс. 229, (нарѣчіе: сравн. дон-ѣдеже), *имѫ*, *имеши* и т. д. (сравн. въз-ьмѫ), *иго*, изъ јьго, јъго (сравн. санскр. jūgam, лат. jūgum), *има* (сравн. средне-болгарск. имѧ, прусск. emens), *из* (предлогъ), изъ *јьз* (сравн. лит. iž)

ѫ) Гласный *ѫ* изъ обще-индо-европ. *ē*, звучавшій въ обще-славянскую эпоху открыто и, слѣдовательно, близко къ *а*,—послѣ *j*, мягкихъ шипящихъ согласныхъ и группъ мягкихъ согласныхъ, развившихся изъ *зг* и *ск* безъ посредства *j*, перешелъ въ *а*, т. е. сочетаніе *jѫ* превратилося въ *ја*. Это *ја* мы находимъ въ цѣломъ рядѣ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ именъ: съ суффиксомъ *ъи*: обычаи (сравн. стар. русск. собственныя имена на -ый, въ родѣ Потый), съ суффиксомъ *ль*: печаль, скрижаль, изъ печѣль, пекѣль и т. д. (сравн. гыбѣль, кѫпѣль, обитѣль, добродѣтѣль), съ суффиксомъ *ънъ*: рожанъ, изъ рожѣнъ, рогѣнъ (сравн. дрѣвѣнъ); въ формахъ сравнительной степени въ родѣ мъножаи, изъ мъножѣи, мъногѣи (сравни добрѣи; широчѣе, множѣе, высочѣе, глѫбочѣи и т. п. въ др.-русск. Словахъ Кирилла Іерусалимскаго XI—XII в., соврем.

русск. свѣжье, ловчье и т. п.—новообразованія), въ формахъ неопред. н. въ родѣ кричати, изъ кричьти, крикьти (срв. скърбьти, хотьти; соврем. русск. свѣжить, хорошить и т. п.—новообразованія), наконецъ въ корняхъ словъ: ц.-сл. ямь, ц.-сл. и русск. ядъ, ясли (при ц.-слав. и др.-русск. ѣмь, др.-русск. ѣдъ Ап. 1220 г. 21; кор. ēd-), ц.-сл. яхати, ядѫ (при русск. ѣхать, ѣду, корень jē-; сравн. лит. jō-ti), ц.-слав. и русск. ядро (при нѣдра), ц.-слав. и русск. язва (при др.-р. ѣзва Свят. Сб. 1073 г. 51, Кормч. ок. 1282 г. 588, 590, Новгор. лѣтоп. XIV в.), ц.-слав. съ-жаг-ати, изъ жьг-, гьг- (при жег-ѫ), ц.-слав. и русск. жаръ (при гор-ѣти), ц.-слав. и др.-р. жал-ѣти (при жел-ѣти, жел-ати), др.-р. чадъ (при кад-ити), ц.-слав. и др.-р. часъ (при къс-нѣти), ц.-слав. и др.-р. чаша (сравни кошь), ц.-слав. ищи-таль, русск. пищаль (сравн. искати), ц.-слав. мождань (сравн. мозгъ).

Гласный *ь*, развившійся уже на обще-славянской почвѣ (въ род. ед., им.-вин. мн.), находясь послѣ *j*, не испыталъ измѣненія.

Переходъ группъ *jo*, *jō*, *jъ* въ *je*, *jь*, *jи*, повидимому, совершился въ одно и то же время; переходъ *jь* въ *jи* и *jъ* въ *ja* могъ совершиться значительно позднѣе.

Кромѣ измѣненій *o*, *ъ*, *ы*, *ь*, *ѣ* подъ вліяніемъ *j*, обыкновенно говорятъ объ измѣненіи *ѫ* подъ тѣмъ же вліяніемъ въ *ѧ*. Но нѣтъ никакого основанія думать, чтобы *j* продолжалъ оказывать свое дѣйствіе на качество слѣдующихъ за нимъ гласныхъ въ то время, когда въ обще-славянскомъ языкѣ уже образовались носовые гласные. По всей вѣроятности, произведенныя *j* измѣненія слѣдующихъ за нимъ гласныхъ закончились еще тогда, когда въ группѣ *ом*, *он* существовали носовые согласные. Въ виду этого мы можемъ говорить не объ измѣненіи *jѫ* въ *jѧ* а объ переходѣ группъ *jом*, *jон*, съ ŏ и ō, въ *jем*, *jен*, съ ĕ и ē. Этотъ переходъ мы находимъ только въ четырехъ церковно-славянскихъ формахъ: въ им. ед. причастій наст. вр. муж. р. въ родѣ даѧ, ѥмлѧ, изъ дājĕнс, дājŏнс, дājăнс (сравн. лит. прич. на -*ąs*), въ вин. мн. муж. р. въ родѣ краѧ, мѫжѧ, изъ крājĕнс, крājŏнс, крājăнс (сравн. νόμους), и въ род. ед. и им.-вин. мн. женск. р. душѧ, изъ духjĕнс, духjōнс, духjāнс. Вѣроятно, образованіе здѣсь *jе* изъ *jo* и *jо* изъ *ja* зависѣло отъ того, что группы *jăн*, *jān* находились почти въ исходѣ формъ и что за этими группами слѣдовалъ *с*. Оно можетъ быть въ тѣсной связи съ образованіемъ *ы* въ беры, вълкы, жены.

Во всѣхъ остальныхъ довольно многочисленныхъ случаяхъ, гдѣ во время перехода *jo*, *jō* въ *je*, *jē* звукъ *o* передъ носовымъ согласнымъ еще не развился, т. е. гдѣ сохранилось передъ носовымъ согласнымъ *ă*, *ā*, — измѣненія въ качествѣ *ă*, *ā* не послѣдовало и группы *jăm*, *jām* и т. п. сохранились. Послѣ, когда переходъ *jo* въ *je* уже закончился, эти группы образовали іотированный носовой гласный — предокъ церк.-слав. ѫ. Его мы находимъ въ церк.-слав. формахъ: вин. ед. женск. р. въ родѣ душѫ, душѭ, моѭ, изъ духъ*jām*, твор. ед. въ родѣ женоѭ, мъноѭ, костью, вѣроятно, изъ -*jān*, 1 л. ед. ч. наст. вр. въ родѣ даѫ, изъ да*jām*, 3 л. мн. ч. въ родѣ даѭтъ, изъ -*jantă*, въ причастіи наст. вр. въ родѣ даѫшти (им. ед. женск. р.), даѫшта (род. ед. муж. р.) изъ -*jant*-, въ нѣсколькихъ церк.-славянскихъ словахъ какъ съ *j* органическимъ, древнимъ, такъ и съ неорганическимъ, возникшимъ на обще-славянской почвѣ, въ родѣ ѫду же (Остр. Ев.; корень *jă*, тотъ же, что въ мѣстоим. *и*; срв. кѫду и т. п.), отъпѫдѣ С. Тр. 98, 104, 119, С. Пс. 285, отънѫду С. Тр. 110 (др.-р. отънюду, соврем. р. отнюдь), жтрыѫду, вънжтрыѫду С. Пс. 97, паѫкъ (паучина въ др.-р. Златоструѣ XII в.), ѫза, ѫдоль, ѫтроба.

Согласный *j*, находясь *послѣ* гласныхъ, также произвелъ въ нихъ въ обще-славянскую эпоху нѣкоторыя измѣненія, которыя впрочемъ были необязательными, т. е. могли и совершиться, и не совершиться.

Гласный ъ, имѣя послѣ себя *j*, ассимилировался съ нимъ и перешелъ въ *ы*, которое, вѣроятно, первоначально отличалось по количеству отъ *ы* изъ обще-индо-европ. ū. Это *ы* мы находимъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій, въ родѣ добрыи (им.-вин. ед.) = добрыји, изъ добръ-ји, добрыимь, изъ добръ-јимь, добрыихъ, изъ добръ-јихъ и т. д. (рядомъ: добръ-и, дрьжавьнѣи Остр. Ев. 277 об., откуда ц.-сл. и русск. доброи; добръ-имь; добръ-ихъ и т. д.), въ нѣкоторыхъ глаголахъ въ родѣ крыѫ, мыѫ, изъ кръ-јѫ, мъ-јѫ (рядомъ: крѫ, др.-русск. крѣю Минея 1097 г. 426, соврем. русск. крою, повелит. накл. о-мьи С. Тр. 155, совр. р. мой), наконецъ, можетъ быть, въ сочетаніяхъ 1) глагольныхъ формъ 3 лица ед., 1 и 3 мн. наст. вр. и 2) предлоговъ-префиксовъ со слѣдующими словами, въ родѣ ц.-слав. ведетъı и, изъ ведетъ (3 л. ед.) ји (вин. ед.), вы инѫ,

Зогр. Ев., *вы истинѫ* Мар. Ев., *кы* Исусови Зогр. Ев., изъ *въ инѫ* (вин. ед.) и т. д. Впослѣдствіи, въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ, *ы* изъ *ъ* слилось съ слѣдующимъ *и* въ одинъ звукъ *ы*.

Гласный *ь*, имѣя послѣ себя *j*, ассимилировался съ нимъ и перешелъ въ *и*, которое, вѣроятно, первоначально отличалось по количеству отъ *и* изъ обще-индо-европ. ī, *ei*. Это *и* мы находимъ въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ формахъ членныхъ именъ прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій, въ родѣ ц.-слав. рожд*ии*, ц.-слав. и др.-русск. с*ии* (им.-вин. ед.) = рожд*иji*, изъ рождь-ji (рядомъ: ц.-слав. рождьи, сьи, откуда рожде*и*, русск. сей, сербск. *saj*); въ формахъ именъ существительныхъ и нечленныхъ прилагательныхъ съ окончаніями *-ии*, *-ия*, *-иѥ*, въ родѣ вел*ии*, змѣ*ии*, змѣ*ия*, копь*иѥ*, изъ змѣji (змѣ-jь, змь-jъ), змѣja, копьje (*копьjo; рядомъ: змѣи, род. змѣ С. Пс. 205, откуда ц.-слав. и русск. змеи, сербск. *smaj*, съ *a* изъ *ь*; змѣя, откуда русск. *змея*; копь*ыѥ*, откуда соврем. русск. копьё; сравн. окончанія греч. -ῖος, -ῖα, -ῖον, лат. -ĭus, -ĭa, -ĭum); въ формахъ род. мн. въ родѣ гост*ии*, кост*ии*, тр*ии*, сѫд*ии*, изъ гостьji (гостьjь, гостьjъ, сравн. греч. πόλ-ῖων, лат. av-ĭum; рядомъ: ц.-сл. и русск. гостьи, костьи, трьи, сѫдьи, откуда гостеи, костеи, треи, сѫдеи); въ формахъ 1 лица ед. наст. вр. при соединеніи ихъ съ вин. п. мѣстоименія *и*: ц.-слав. дам*ии* и, изъ дамь и (при древне-русск. ведет*и* и, ведяшет*и* и, ведут*и* и, ведяхут*и* и, 3 л. ед. и мн.; рядомъ ц.-слав. дамь и, др.-русск. ведетъ и, и т. п.); въ формахъ глаголовъ въ родѣ п*иѫ*, б*иѫ*, с*ияти*, изъ пь-jѫ, бь-jѫ, сьяти (рядомъ: ц.-слав. пьѫ, бьѫ, русск. повелит. пей, бей; ц.-слав. сьяти Кл. Сб. 9, малорусск. ссяти = *сьяти); а также въ производныхъ отъ вышеуказанныхъ именъ и глаголовъ, въ родѣ змѣ*ин*ъ, вино-п*ица*, уб*ийство* (сравн. въ Зогр. Ев. и въ др.-русск. Галицкомъ Ев. 1144 г., 34: убьиство). Позже иногда *и* изъ *ь* слилось съ послѣдующимъ *и* въ одинъ звукъ.

Переходъ *ъ* **въ** *и*. Тотъ *ъ*, который ведетъ свое начало изъ дифтонга *ai* и который развился изъ этого дифтонга уже на славянской почвѣ (вѣроятно, уже послѣ того, какъ исчезли въ общеславянскомъ языкѣ конечные согласные), въ двухъ формахъ, находясь въ исходѣ ихъ, перешелъ въ *и*. Эти формы—1) имен. мн. муж. р. раб*и*, вълц*и* и т. п. и 2) 2-го и 3-го л. ед. повел. наклон.

бери, рьци и т. п. Сравни съ первою изъ нихъ греч. λύκοι, лит. vilkai, со второю — греч. желательн. φέροις, φέροι. Причина этого перехода совершенно неясна, такъ какъ въ другихъ, сходныхъ формахъ ѣ изъ того же ai сохранился: мѣстн. ед. рабѣ, вълцѣ (сравн. греч. οἴκοι), повел. берѣте, рьцѣте (сравн. греч. φέροιτε). Кромѣ этихъ двухъ формъ, и, вѣроятно, изъ ѣ,—находится въ формахъ 2 л. ед.: иесѝ, дасѝ (срв. греч. медіальныя ф. φέρε(σ)αι и т. п.) и въ частицѣ цѝ, рядомъ съ цѣ (сравн. греч. καί). Впрочемъ мы должны отмѣтить имен. мн. облацѣ, врасѣ С. Пс. 29, 201.

Есть мнѣніе, что въ рабѝ, берѝ и образовалось непосредственно изъ дифтонга ei. Это мнѣніе не можетъ быть принято, въ виду ѝ въ вълцѝ, рьцѝ, которое, какъ увидимъ ниже, могло явиться только передъ звукомъ ѣ или и изъ ai и на мѣстѣ котораго мы имѣли бы ѧ, если бы и въ названныхъ формахъ произошло изъ ei.

Обще-славянское и въ двухъ формахъ им. ед. ц.-сл. и др.-р. матѝ и ц.-слав. дъштѝ, др.-р. дъчѝ, на мѣстѣ ѣ изъ ē (сравн. лит. motē, duktē), не имѣетъ никакого отношенія къ переходу ѣ въ и. Оно перешло въ эти формы изъ довольно многочисленныхъ формъ им. ед. женск. р. на и, въ родѣ пустынѝ, давъшѝ, больш и.

Отожествленіе двухъ ѣ. Какъ мы видѣли, ѣ изъ ē и ѣ изъ ai имѣли въ обще-славянскую эпоху различную судьбу: j + ѣ изъ ē дало jā, j + ѣ изъ ai дало ju; слѣдовательно, они были различными звуками. Но въ концѣ обще-славянской эпохи они слились въ одинъ звукъ. Въ однихъ говорахъ обще-славянскаго языка — именно въ предкахъ церковно-славянскаго съ ново-болгарскимъ и польскаго, этотъ звукъ былъ ē открытое, близкое къ а (откуда переходъ его въ а); въ другихъ, напротивъ, онъ былъ ē закрытое, близкое къ и (откуда переходъ его въ и въ русскомъ-новгородскомъ, сербскомъ, чешскомъ). Отдѣльные славянскіе языки въ своей исторіи уже не знаютъ различія между ѣ изъ ē и ѣ изъ ai: судьба того и другаго въ нихъ постоянно одинакова.

Тотъ ѣ, который образовался на обще-славянской почвѣ (въ брѣгъ и т. п., въ формахъ род. ед., им.-вин. мн., въ нѣсмь) и который первоначально отличался отъ ѣ изъ ē и отъ ѣ изъ ai, съ теченіемъ времени также слился съ ними.

Стяженіе гласныхъ. Случаи стяженія гласныхъ въ обще-славянскомъ языкѣ были немногочисленны: они должны относиться къ позднѣйшей эпохѣ его существованія.

Это—стяженіе группы *eje*, черезъ *ee*, въ *ѣ*, т. е. въ *ē*: ц.-сл. и др.-р. *нѣсмь* (1 л. ед.), *нѣсмъ*, *нѣсте*, изъ *не ѣсмь*, *не есмь*; соврем. русск. *нѣ-ть*. Въ другихъ случаяхъ группа *eje* сохранилась.

Далѣе,—стяженіе группы *ъje* (съ неударяемымъ *е*) въ одинъ долгій гласный, происшедшее послѣ выпаденія *j* (срв. въ Остр. Ев. небесьпѣемь и т. п.) и взаимной ассимиляціи *ъ* и *е*. Въ трехъ примѣрахъ его, находимыхъ нами въ церк.-славянскихъ памятникахъ, этотъ гласный—*о*, въ сербскомъ и русскомъ языкахъ также—*о*, въ главныхъ западно-славянскихъ языкахъ—*е*: церк.-слав. *живого* (Савв. Ев. 41), изъ *живъ-ѣго*, сербск. *живога*, русск. *живого*, чешск. *dobrého*, польск. *dobrego*; ц.-слав. *небесъному* (Син. Тр. 86); *святому* (Л. Унд.), изъ *святъ-ѣму*, ср.-болг. *святому*, сербск. *светому*, русск. *святому*, чешск. *svatému*, польск. *świętemu*. Это стяженіе въ падежныхъ формахъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій членныхъ въ обще-славянскую эпоху было обязательно; по крайней мѣрѣ группа *ъje* не встрѣчается въ нихъ ни въ церковно-славянскомъ, ни въ другихъ славянскихъ языкахъ. Въ другихъ образованіяхъ (въ формѣ, напримѣръ, 2 л. мн. ч. *кръѣте* = русск. *кроете*, вѣроятно, вслѣдствіе вліянія формъ 1 л. ед. и 3 л. мн. (*кръѭ*, *кръѭтъ*), стяженіе *ъѣ* неизвѣстно.

Кстати замѣтить, что группа *oje* въ обще-славянскую эпоху нигдѣ не подверглась стяженію.

Стяженіе группы *ѣje* въ *е* не имѣетъ себѣ примѣровъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ, но о существованіи его въ церковно-славянскомъ языкѣ можно говорить на основаніи существованія стяженія *ъje* въ *о*. Оно извѣстно въ средне-болгарскомъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ: ср.-болг. *синему*, сербск. *синему*, русск. *синему*, чешск. *sinému* и т. д. Это стяженіе въ обще-славянскихъ падежныхъ формахъ прилагательныхъ и мѣстоименій членныхъ должно было быть обязательнымъ. Въ другихъ образованіяхъ (въ формѣ *бѣѣте* и т. п.) оно неизвѣстно.

Сверхъ того, вѣроятно, въ обще-славянскомъ языкѣ произошло стяженіе трехъ гласныхъ въ два, наблюдаемое въ формахъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій членныхъ, именно стяженіе:

группъ *ыjеjа*, *ијеjа* въ *ыа*, *иа* въ формахъ род. ед. женск. р.: ц.-сл. добр*ыа*, добл*ыа*, др-р. добр*ѣ*;

группъ *ѣjеи*, *ијеи* въ *ьи*, *ии* въ формахъ дат.-мѣстн. ед. женск. р.: ц.-сл. и др.-р. добр*ѣи*, ц.-сл. добл*ии*;

группы *ујею* въ *ую* въ формахъ род.-мѣстн. дв.: ц.-сл. добр*ую*.

Во всякомъ случаѣ формы въ родѣ добр*ыа*, добр*ии*, добр*ую* до насъ не дошли.

Количество обще-славянскихъ гласныхъ. Различіе между гласными по количеству, повидимому, сохранялось въ теченіе всего обще-славянскаго періода. Въ обще-славянскомъ языкѣ въ послѣднее время его существованія должны были быть: 1) гласные болѣе долгіе, образовавшіеся на обще-славянской почвѣ путемъ стяженія; 2) гласные менѣе долгіе — потомки обще-индо-европейскихъ гласныхъ долгихъ; 3) гласные краткіе — производные обще-индо-европейскихъ гласныхъ краткихъ, и 4) гласные очень краткіе — неударяемые *ъ* и *ь* и происшедшіе изъ нихъ *ы* и *и*. Относительно долготы первыхъ — болѣе долгихъ — гласныхъ надо сказать, что они сохранили до нашего времени свою долготу въ тѣхъ славянскихъ языкахъ, которые еще имѣютъ долгіе гласные, — въ сербскомъ, въ чешскомъ. Что до вторыхъ — менѣе долгихъ — гласныхъ, то изъ нихъ одинъ несомнѣнно сохранялъ нѣкоторое время свою долготу въ разныхъ славянскихъ языкахъ; это — *ѣ*, который былъ дологъ въ древне-русскомъ (какъ показываютъ, между прочимъ, его современныя производныя — малорусскіе дифтонги въ родѣ *іе*, *ієˊ*) и, вѣроятно, въ древне-сербскомъ языкѣ. Сохраненіе этимъ звукомъ долготы (долѣе, чѣмъ другими долгими гласными), быть можетъ, находится въ связи съ сравнительно позднимъ образованіемъ *ѣ* изъ дифтонга *ai*. Впрочемъ менѣе долгіе гласные едва ли особенно рѣзко отличались отъ просто краткихъ гласныхъ. Наконецъ, относительно сравнительно значительной краткости четвертыхъ гласныхъ можно сказать, что она перешла изъ обще-славянскаго языка въ отдѣльные славянскіе языки и въ этихъ послѣднихъ (во всѣхъ безъ исключенія) привела къ одному и тому же результату — къ исчезновенію большей части этихъ гласныхъ (*ъ*, *ь*, *и*).

2. Согласные.

Переходъ *с* **въ** *х*. Обще-славянское *с* изъ обще-индо-европ. *s* (а также изъ до-славянск. *тс* и обще-славянскаго *кс*) во многихъ случаяхъ перешло въ *х*.

Этотъ переходъ особенно часто имѣлъ мѣсто въ серединѣ словъ между двумя гласными (кромѣ юсовъ): ц.-сл. и русск. духъ, изъ дусъ (сравн. лит. dausas); ц.-сл. и др.-р. въз-дьхъ, изъ дьсъ (сравн. лит. dusas вздохъ); снъха, изъ снъса (сравн. санскр. snuša сноха, лат. nurus, *r* изъ *s*); ветъхъ (сравн. лат. vetus veteris, съ *r* изъ *s*, лит. vẽtusas старый); быхъ, 1 л. ед. аор. (сравн. греческ. ἔλυσα и т. п.); рѣхъ, 1 л. ед. аор., изъ рѣк-съ (сравн. греч. ἔδειξα); вълцѣхъ, мѣстн. мн. (сравн. санскр. vṛkẽšu, мѣстн. мн.); мыши, изъ мыхъ, мысь (сравн. лат. mūs mūris, изъ mūsis). Но онъ не былъ обязательнымъ, и въ цѣломъ рядѣ словъ обще-слав. *с* между двумя гласными сохранило свой древній звукъ: носъ (сравн. лат. nares, *r* изъ *s*); роса (сравн. лит. rasa роса); по-ясъ (сравн. лит. jûsti опоясывать), бѣсъ (сравн. лит. baisus страшный), небесе, род. ед. (сравн. греч. νέφεος изъ νέφεσος).

Далѣе, *х* изъ *с* нерѣдко въ началѣ словъ, какъ передъ гласными, такъ и передъ согласными (особенно передъ губнымъ *в*): ц.-слав. *х*ытити, *х*удъ, *х*улити, *х*ватати, *х*врастиѥ, *х*ромъ—*х*рамлѫ (сравн. санскр. srāmas хромой), *ш*есть, изъ *х*есть (сравн. лат. sex). Но столь же нерѣдко или даже болѣе часто здѣсь и старое *с*: сынъ, соль, сѣмя, сѣсти, себѣ, ся, свои, свинья; а передъ *т*, *п* мы его видимъ даже постоянно: стати, стыдъ, страна, стелѭ, спѣти. Есть слова, гдѣ является то *х*, то *с*: ц.-слав. и русск. *ш*ѧгати (*ш* изъ *х*) и сягати, ц.-сл. *ш*ьрсть и сьрсть, ц.-сл. и др.-р. *ш*ара (краска, изъ *х*ѣра) и сѣра, русск. *х*мурь и смурь. Сравни русск. тряхать, тряхнуть при трясу, труха при трусить и т. п.

Наконецъ есть небольшое количество словъ, гдѣ *х* находится между согласнымъ (или юсомъ) и гласнымъ или между гласнымъ (даже юсомъ) и согласнымъ въ серединѣ словъ: вьрхъ, прахъ (изъ пърхъ), брашьно (изъ бърхьно), благо-жхати, рухло, дрѧхлъ (при дряселъ), -дъхнѫти, глъхнѫти и т. п. Въ послѣднихъ словахъ при-

сутствіе *х* можетъ быть объяснено вліяніемъ на нихъ другихъ, родственныхъ съ ними словъ: сравни дъхнѫти и духъ, -дъхъ, глъхнѫти и глухъ. Слово вълкъ (ц.-сл. и русск.) имѣетъ *х* между двумя согласными; оно, быть можетъ, принадлежитъ къ числу заимствованныхъ словъ.—Но обыкновенно *с* между согласнымъ и гласнымъ или между гласнымъ и согласнымъ сохраняется, хотя бы согласный вошелъ въ составъ ж. л или исчезъ: гѫсь, изъ гѫнсь (ср. лит. *z̨ąsis*), ѥсъ, изъ ѥмь-съ (1 л. ед. аор.); оса, изъ опса (лит. *vapsa*) и т. п.

Быть можетъ, общe-слав. *с* изъ общe-индо-европ. *к* небнаго также кое-гдѣ перешло въ *х*: но мы не въ состояніи представить достовѣрныхъ примѣровъ этого перехода изъ памятниковъ церковно-славянскаго языка. Русск. прохать при ц.-слав. просити (сравн. лат. *precor* и др.) и т. п., по нашему мнѣнію, могутъ быть новообразованіями (сравн. русск. тряхать при трясу и т. п.).

Трудно сомнѣваться въ томъ, что переходъ *с* въ *х* принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ общe-славянскихъ измѣненій въ области согласныхъ: онъ совершился ранѣе того времени, когда начались измѣненія согласныхъ подъ вліяніемъ мягкихъ гласныхъ или *j* (такъ называемыя смягченія).

Кромѣ *х* изъ *с*, въ общe-славянскомъ языкѣ есть нѣсколько словъ нѣмецкаго происхожденія, гдѣ *х* = готск. *h*: *хлѣбъ* = готск. *hlaibs*, *хлѣвина*, *хлѣвъ* = готск. *hlaivs*.

Первое смягченіе гортанныхъ. Гортанные согласные подверглись въ общe-славянскомъ языкѣ такъ называемому смягченію и перешли *г* — въ мягкое *ж*, *к* — въ мягкое *ч*, *х* — въ мягкое *ш*, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда за ними слѣдовалъ одинъ изъ мягкихъ гласныхъ: *е*, *и*, *ь*, *ъ* изъ общe-индо-европ. *ē*, *ю* изъ общe-индо-европ. *ēu*, *ѧ* (если онъ уже существовалъ) или согласный *j*; при этомъ *j* слился съ *ж*, *ч*, *ш*. Напримѣръ: ц.-слав. и др.-русск. *жена* (изъ *гена*, сравн. прусск. *gana*), *живъ* (сравн. лит. *gyvas*), *жьнѫ*, *жати* (сравн. лит. *ginu*, *ginti*), *жаръ*, *жаръ* (изъ *жѣръ*, *гѣръ*, сравн. гор-ѣть), *жюжь* (сравн. греч. γεύ-ομαι), *кожя*, *кожа* (изъ *коѧ*, срв. р. кои-оть); *вълче* (зват. ед.; срав. лит. *vilke*, зв.), *чистъ* (срв. лит. *kistas*), *-чьнѫ*, *-чати* (сравн. *кон-*), *чюдо* (сравн. др.-русск. *кудо*, греч. κεῦθος), *тъча* (изъ *тъкја*); *душе* (зв. отъ духъ), *крушити* (сравн. *кръха*), *слышати* (изъ —*хъти*), *душя*, *душа* (изъ *духја*).

Время, когда совершилось смягченіе гортанныхъ въ мягкія *ж*, *ч*, *ш*, можно опредѣлить относительно. Оно принадлежитъ той эпохѣ жизни обще-славянскаго языка, когда дифтонгъ *аі* еще не перешелъ въ *ē* и былъ твердымъ звукомъ, неспособнымъ быть причиною смягченія. Вслѣдствіе этого слова съ *ь* или *и* изъ дифтонга *аі* не знаютъ смягченія гортанныхъ въ шипящіе.

Процессъ, которымъ *г* измѣнилось въ *ж*, *к* — въ *ч*, *х* — въ *ш*, трудно опредѣлить. Несомнѣнно, въ числѣ промежуточныхъ звеньевъ между *г* и *ж* не было ни *dj*, ни мягкаго *д*, хотя и было *дж* (съ мягкимъ *д*), подобно тому какъ между *к* и *ч* было *тш* (съ мягкимъ *т*), откуда, черезъ сліяніе согласныхъ, — *ч*. Это *дж* измѣнилось въ *ж*, т. е. ассимилировало свою первую часть со второю, еще въ обще-славянскую эпоху, и изъ обще-славянскаго языка не перешло въ отдѣльные славянскіе языки (малорусское *дж* вмѣсто *ж* въ *дж*ерело и др. и ново-болгарско-македонское *дж* въ мъ*нджь* = м*ж*ъ и др.,— вѣроятно, новообразованія).

Гортанные передъ перечисленными выше гласными смягчились всѣ безъ исключеній (*к* передъ *ъ* въ др.-русск. *скъ*рбь, *ске*рбь и передъ *е*, *ѣ* въ др.-русск. *ске*пати, *скѣ*пати Слово о полку игоревѣ и т. п. можно считать перешедшимъ въ эти слова изъ родственныхъ словъ въ родѣ *скъ*рбь, *ско*пити и т. п., гдѣ *к* не должно было смягчиться). Разумѣется, они смягчились и въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ *к* и *х* находилось *с*, а передъ *г* — *з*; при этомъ *с* и *з* подверглись ассимиляціи съ звуками, происшедшими изъ *к* и *г*, и въ свою очередь оказали на нихъ нѣкоторое вліяніе.

Группа *ск* перешла въ обще-славянскомъ языкѣ въ *шч*, откуда съ одной стороны, черезъ переходъ *ч* въ мягкое *т*, церк.-слав., сербск., отчасти чешск. *шт'* (съ мягкимъ *т*), съ другой, при сохраненіи *ч*, — др.-русск., словинск., польск., лужицк. (отчасти чешск. и ново-болг.) *шч* или *щ*; такимъ образомъ получилось: изъ *искеть* (сравн. *искж*, 1 л. ед.) — ц.-слав. *ищеть*; изъ *скадити* (или *скендити*, сравн. *скждь*) — ц.-слав. *щадити*, др.-русск. *щадити*; изъ *пискѣль* (сравн. *пискати*) — ц.-слав. *пищаль*, др.-русск. *пищаль*; изъ *попьрискје*, *попьрискјо* (сравн. суффиксъ въ польск. *ognisko*) — ц.-слав. *попьрище*, др.-русск. *попьрище*, и т. п. Это измѣненіе было испытано группою *ск* и въ томъ случаѣ, когда ея первый звукъ (изъ *з*) принадлежалъ предлогу-префиксу, а вторымъ начиналось имя или

глаголъ; такъ, *бес-кисльнъ* (сравн. *число*) дало ц.-сл. *бещтисльнъ*. *бес-кѧдь* (сравн. *чѧдо*) — *бещтѧдь*. *бе-кисла* — *бе-щтисла* (др.-р. *бещисльнъ*, *бещядь*, *бе-шисла*, и-*Шырнигова* Сказ. о Бор. и Гл. XII в. 14 об.). Впрочемъ, иногда мы находимъ въ церк.-слав. памятникахъ, вмѣсто *щт*. одно *ч* или *сч*: *ичистити* (Савв. Ев. 47). *ичезнѫти* (Син. Пс. 220), *ичьтена* (С. Тр. 115), *и-чрѣва* (Зогр., Асс., Мар. Ев.), *бечьстьнъ* (Супр. р. 336), *бе-чясти* (С. Тр. 1), *бесчиньнъ* (Супр. р. 296). Случаи употребленія *сч*. вѣроятно, — позднѣйшее явленіе. Они — или результатъ стремленія къ этимологизаціи: срв. изъ *чрѣва* Остр. Ев. 74 об., *безчисменьнымми*, *безъчинье*. *безъчиньство*, безъ *чину* др.-р. Златоструй XII в.: или — слѣдствіе употребленія предлоговъ *изъ*, *безъ*, *съ* и на концѣ.

Группа *зг* перешла въ общеславянскомъ языкѣ въ *ждж*. откуда съ одной стороны, черезъ переходъ конечнаго *дж* въ мягкое *д*, — ц.-слав., сербск., чешск. *жд* (съ мягкимъ *д*), съ другой, черезъ переходъ *дж* въ *ж*, — русск. *жж*; такимъ образомъ получилось изъ *розгье* (ср. *розга*) — ц.-слав. *рождьіе*, др.-русск. *рожжье*. откуда малор. *рожчьє*, новгор. *рожгье*, изъ *мозгѣнъ*, *мозгити* (сравн. *мозгъ*) — ц.-слав. *мождань*, *мождити*, русск. *можжить*. Въ польскомъ яз. группа *ждж* сохраняется: *mózdżek*.

То же измѣненіе было испытано группою *зг* и тогда, когда ея первый звукъ принадлежалъ предлогу-префиксу, а вторымъ начиналось имя или глаголъ, съ тою разницею, что здѣсь въ древне-русскомъ языкѣ *жж* — если не перешло въ *жч*, *жг* — стянулось въ *ж*; такъ, *из-генѫ* (сравн. *женѫ*) дало въ церковно-славянскомъ языкѣ *иждениѫ*; *из-гивѫ* (сравн. *живѫ*) дало *иждивѫ*: *въз-гадатиса* (сравн. *жаждѫ*) дало *въждадатиса* (др.-русск. *ижену* при *ижчену*, *ижгену*; *иживу*; *въжелѣти* при *въжчелѣти*; въ Остромировомъ Ев.: *въжаждетьса* 30 об., въ Минѣ 1095 г.: *ражьже*, *ражизающе* 25, *ражизаемѣ* 26, *въжелѣста* 31, — *ѣлъ* 33 и т. п., въ Словахъ Кирилла Іерусал. XI—XII в.: *ражьжения*, въ Прологѣ 1262 г.: *ижену* 30 об., — *еть* 5,8 об., — *уть* 101 об., *ижьже* 99 об., — *еныхъ* 109, *ражьгъ* 74 и друг.; впрочемъ возможно, что древне-русскія *ижчену*, *ижгену* и т. п. — не народныя формы, а книжныя передѣлки ц.-слав. *иждениѫ*: срв. *рожгенуму* = др.-р. *роженому*, *рожгение*, — *ныхъ* Минея 1095 г. 179, 181, 183, духъ *нужьныи* Минея 1096 г. 57).

Группа *сх* была извѣстна въ обще-славянскомъ языкѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда *с* (изъ *з*) принадлежало предлогу-префиксу, а *х* — имени или глаголу. Въ большинствѣ случаевъ она дала *ш*; такимъ образомъ изъ *бес-хюма* (сравн. *шюмъ*) въ церковно-славянскомъ языкѣ, какъ и въ древне-русскомъ и въ другихъ славянскихъ, получилось *бе-шюма*, изъ *ис-хьдъ* (сравн. *шьдъ*) — *ишьдъ*, изъ *рас-хирити* — *раширити* и т. п. Въ меньшинствѣ случаевъ на мѣстѣ *сх* мы видимъ *щ*: *ищьдъше* Остр. Ев. 99. Это *щ* изрѣдка встрѣчается изъ древнихъ памятниковъ только въ русскихъ и едва ли не принадлежитъ къ числу позднѣйшихъ явленій, какъ и *сч* изъ *ск*.

Не излишне замѣтить, что переходъ гортанныхъ въ шипящіе въ нѣсколькихъ случаяхъ совершился въ обще-славянскомъ языкѣ даже тогда, когда гортанный не находился непосредственно передъ мягкимъ гласнымъ или *j*, а былъ отдѣленъ отъ него согласнымъ *в*: *вълшве* (зв. отъ *вълхвъ*), *вълшвение*, *вълшвьба* (др.-р. Кормчая XII в. Син. Б. № 227, л. 59 об.), *лишвьникъ* (др.-р. Пандекты Антіоха XI в. 25), *лишвьнъ* (ibid. 30; сравн. *лихва*). Здѣсь роль мягкаго гласнаго сыграло мягкое *в*.

Второе смягченіе гортанныхъ. Тѣ же *г*, *к*, *х*, которыя смягчились въ *ж*, *ч*, *ш*, въ нѣкоторыхъ случаяхъ смягчились въ мягкія *дз* (*s*, откуда *з*), *ц*, *с*. Это второе смягченіе гортанныхъ было двухъ видовъ и произошло 1) подъ вліяніемъ послѣдующихъ мягкихъ гласныхъ и 2) подъ вліяніемъ предъидущихъ мягкихъ гласныхъ.

Смягченіе 1-го вида имѣло мѣсто передъ *ѣ* изъ дифтонга *аі* и передъ *и*, развившимся изъ этого *ѣ* (если это *и* успѣло уже развиться): *врасѣ* (мѣстн. ед., сравн. греч. οἴκοι) *носѣ* (дат.-мѣстн. ед.; срв. греч. χαμαί), *sѣлъ* (сравн. лит. *g*ailus жесткій), *жьsѣте*, *жьsи* (повелит. н. отъ *жегж*; сравн. греч. φέροιτε, φέροις), *врasи* (им. мн., сравн. греч. οἶκοι, лит. vil*k*ai), *вълцѣ* (мѣстн. ед.), *ржцѣ* (дат.-мѣстн. ед.), *цѣна* (сравн. лит. *k*aina), *рьцѣте*, *рьци* (отъ *режж*), *дусѣ* (мѣстн. ед.), *дуси* (им. мн.). Сверхъ того, смягченіе *к* въ *ц* 1-го вида произошло въ одномъ словѣ передъ *л*. Это — ц.-слав. *цлта*, др.-р. *цята*, которое есть не что иное, какъ готск. *k*intus, измѣнившееся въ звукахъ на обще-славянской почвѣ.

Это смягченіе имѣло мѣсто въ обще-славянскую эпоху уже послѣ того, какъ закончилось смягченіе гортанныхъ въ шипящіе, тогда,

когда изъ дифтонга *ai* образовалось *ē* и нѣмецкая семья языковъ стала оказывать вліяніе на славянскую.

Процессъ, которымъ *г* измѣнилось въ *дз*, *к* — въ *ц*, *х* — въ *с*, трудно опредѣлить. Несомнѣнно, въ числѣ промежуточныхъ звеньевъ между *г* и *дз* не было ни *дj*, ни мягкаго *д*. Звукъ *дз*, вѣроятно, сохранялся въ обще-славянскомъ языкѣ до конца его самостоятельнаго существованія, и изъ него перешелъ въ отдѣльные славянскіе языки, изъ которыхъ въ однихъ (въ польскомъ, отчасти церковно-славянскомъ и ново-болгарскомъ) онъ сохранился, въ другихъ (въ русскомъ, сербскомъ, словинскомъ, чешскомъ, отчасти въ церковно-славянскомъ и ново-болгарскомъ) утратилъ *д* и превратился въ *з*: русск. возѣ, нозѣ, *зѣ*ло, жьзѣте, жьзи, ворози.

Гортанные передъ *ѣ* и *и* изъ *ai* смягчились, между прочимъ, и тогда, какъ передъ *к* находилось *с*, а передъ *г* — *з*; при этомъ *с* и *з* оказали нѣкоторое вліяніе на звуки, получившіеся изъ гортанныхъ.

Группа *ск* перешла въ обще-славянскомъ языкѣ въ *сц* (съ мягкими *с* и *ц*), откуда съ одной стороны, черезъ переходъ *ц* въ мягкое *т*, — обще-слав. мягкія *ст*, съ другой — обще-слав. мягкія *сц*: ц.-слав. и др.-р. *стѣ*нь (вѣроятно, изъ *скѣ*нь; сравн. σκιά); дъ*стѣ* и дъ*сцѣ* (отъ дъ*ска*); людь*сти* и людь*сци* (отъ людь*скъ*, им. мн.). Большая часть церковно-славянскихъ памятниковъ имѣетъ въ окончаніяхъ падежныхъ формъ (не въ корняхъ) и *ст*, и *сц*; меньшая — только *сц* (Савв. Ев., Син. Тр., Кл. Сб.). Переходъ группы *ск* въ *сц* (часто) и *ст* (рѣдко) совершился и въ тѣхъ случаяхъ, когда *с* (изъ *з*) принадлежало предлогу-префиксу, а *к* — имени или глаголу: ц.-слав. и др.-р. ис-*цѣ*лити (Мар. Ев.) и ц.-сл. ис-*тѣ*лити (Супрасл. рукп. 86 и др.; Син. Пс. 80). Рядомъ, очень часто (въ Син. Требникѣ постоянно): ц.-слав. и др.-р. и-*цѣ*лити (напр. Савв. Ев. 15, 23), и-*цѣ*ркъве (напр. Остр. Ев. 9) и т. п.

Группа *зг* перешла въ обще-славянскомъ языкѣ въ *здз* (*з* и *д* мягкія), откуда съ одной стороны обще-слав. *зд* (*з* и *д* мягкія): ц.-слав. дра*здѣ* (дат.-мѣстн. отъ дразга, Супр. р. 9),—съ другой обще-слав. дра*ззѣ*, др.-р. дра*ззѣ*. Форма съ *зз* не засвидѣтельствована памятниками.

Кромѣ перехода *г*, *к*, *х* въ *з* (*з*), *ц*, *с* непосредственно передъ *ѣ* и *и*, мы знаемъ нѣсколько случаевъ, гдѣ этотъ переходъ совершился передъ *в* съ послѣдующимъ *ѣ*, *и* и вообще мягкимъ глас-

нымъ. Это: вълсви (им. мн. отъ вълхвъ); церк.-слав. sвѣзда, звѣзда, сербск., слов., русск. звѣзда (сравн. польск. gwiazda, чешск. и луж. hvězda); ц.-слав. *sвиздати, звиздати (позвиждеть др.-р. Пандекты Антіоха XI в. 84 об., звиздание Лѣствица XII в. Рум. М. 206 об.), словинск. zvizdati, русск. звизнуть (польск. gwizdać, чешск. hvizdati); ц.-слав. и др.-р. цвѣлити (польск. kwielić, чешск. kvíliti, в.-русск. квелить, квелкой, малор. квілити); ц.-слав., сербск., русск. цвѣтъ (сравн. польск. kwiat, чешск. květ, малор. квітъ, квітка); ц.-сл. и др.-р. цвѣтѫ, цвѣлъ, цвисти (сравн. польск. kwtę, чеш. ktvu, изъ kvtu, kvísti). Сравни ц.-сл. и др.-р. скврна. Не подлежитъ сомнѣнію, что *с*, s, *ц* въ приведенныхъ словахъ развились на обще-славянской почвѣ, но изъ нихъ s и *ц* были усвоены только частью говоровъ общеславянскаго языка, другая часть которыхъ (по преимуществу предки современныхъ западно-славянскихъ языковъ) сохранила древнія *г* и *к*.

Смягченіе гортанныхъ 2-го вида произошло передъ твердыми гласными, повидимому, вслѣдствіе вліянія на гортанные находившихся впереди ихъ мягкихъ гласныхъ, особенно *ъ* и *и*. Сперва оно состояло въ томъ, что *г*, *к*, *х*, имѣя передъ собою мягкіе гласные, въ извѣстныхъ случаяхъ получили мягкое произношеніе, т. е. изъ гортанныхъ превратились въ небные и стали звучать *г* — какъ *г* мягкое (въ *гя*), *к* — какъ *к* мягкое (въ *кя*), *х* — какъ *х* мягкое (въ *хя*). Такимъ образомъ прежде всего произошло то явленіе, которое нерѣдко въ современныхъ славянскихъ языкахъ: великор. чай*кю*, копѣй*кя*, на верь*хю*, ново-болгарск. бань*кя*, свинь*кя* (Периодич. Списан. XIX—XX, 150—151) јези*кь*, јези*кя* (Arch. f. sl. Ph., IV, 694) и т. п. Потомъ неорганическое смягченіе гортанныхъ закончилось тѣмъ, что неорганически смягчившіяся *г*, *к*, *х* перешли, какъ и *г*, *к*, *х* передъ *ъ* и *и* изъ дифтонга, — въ мягкія *дз* (s, *з*), *ц*, *с*.

Такимъ образомъ обще-слав. польга (сравни льг-ъкъ, соврем. русск. польга) сначала, повидимому, подъ вліяніемъ *ъ* передъ *г*, перешло въ польгя, потомъ дало польsа, откуда ц.-слав. польsа, польза; обще-слав. вѣнькъ сначала дало вѣньѯ (*ѯ* послѣ мягкаго *к* перешло въ *ъ*), потомъ вѣньць; обще-слав. смихатисѧ сначала перешло въ смихятисѧ, потомъ въ смисятисѧ, смисатисѧ.

Случаи, въ которыхъ имѣло мѣсто неорганическое смягченіе гортанныхъ, довольно многочисленны. Это—

1) слова, перешедшія въ славянскій языкъ изъ нѣмецкаго, съ

окончаніемъ -ѧгъ (= нѣмецк. -ing-): *кънѧгъ (готск. *kunings), *пѣнѧгъ (нѣмецк. pfenning), *кѣлдѧгъ (готск. *kaldings), откуда ц.-слав. кънѧзъ, пѣнѧзъ, кладѧзъ;

2) глаголы съ окончаніями *-ѩти, -ѧти, -ѣрѩти* въ формѣ неопред. накл.: *двѩгати, мѩгати, сѧгати, тѧгати, тѣрѩти*, откуда ц.-слав. двизати, по-мизати, о-сѧзати, съ-тѧзати (чешск. tázati), тѣрзати;

3) имена существительныя на *-ькъ* (= лит. -ĩkas): *вѣнькъ, *жьрькъ, *-носькъ, *отькъ, *творькъ и т. п. (сравн. лит. vainikas вѣнокъ, degikas обжигальщикъ, kasikas копальщикъ, nešikas носильщикъ и т. п.), откуда ц.-слав. и др.-р. вѣньць, жьрьць, -носьць, отьць, творьць;

4) имена существительныя, прилагательныя и мѣстоименія на *-икъ* (немногія): *агникъ, корабликъ, *никъ, *сикъ* (сравн. мѣст. какъ, такъ и т. п.), откуда ц.-слав. агнець, кораблець, нець, сець;

5) имена существительныя уменьшительныя на *ька* (= лит. ĩka, ĩkē): *овька, двьрька, мышька, *клепька* (сравн. лит. avikē овечка, mergikē дѣвушка, rankikē ручка и т. п.), откуда ц.-слав. и др.-р. овьца, двьрьца, мышьца, клепьца;

6) имена существительныя и мѣстоименія на *-ика*: *дѣвика, *двьрьника, *пьяника, троика, *сика*, откуда ц.-сл. и др.-р. дѣвица, двьрьница, пьяница, троица, сица;

7) имена существительныя на *-ько*: *сълнько, *сьрдько, *винько, *словько*, откуда ц.-слав. и др.-р. сълнце, сьрдце, русск. винцо, словцо;

8) имена существительныя и мѣстоименія на *ико*: *лико, *jajико, *сико*, откуда ц.-слав. и др.-р. лице, яице, сице;

9) глаголы на *-икати, -ькати, -ѧкати, -ѣркати*: кликати, *рикати, *тикати, сѣкати, брѧкати, лѧкати, *зѣркати, мѣркати*, откуда ц.-слав. клицати, на-рицати, ис-тицати, прѣ-сѣцати (Ряз. Кормч. 1284 г.), прѣ-сѧцати, брѧцати, на-лѧцати, съ-зѣрцати, мѣрцати (Син. Тр. 60);

10) глаголы на *-ихати*: смихатисѧ, откуда ц.-сл. на-смисатисѧ.

Кромѣ того, мы имѣемъ s (*з*) и *ц* въ словахъ польsa, стьsa (сравн. -стигати), зьрцало (польск. zwierciadło), мѣсѧць и въ нѣсколькихъ глаголахъ съ твердымъ гласнымъ передъ обще-слав. *к*, вмѣсто котораго явилось *ц* едва ли не подъ вліяніемъ глаголовъ на *-ицати*: помацати (Ламанскій, О нѣкоторыхъ рукописяхъ въ Бѣл-

градѣ, 32), тѣлиати, навыиати, притыиати, съмыиати. Послѣдніе, кажется, не были извѣстны древне-русскому языку.

Наконецъ мы имѣемъ *зд* въ брꙗздати (др.-р. Толстовская Псалтырь XI—XII в.; срв. русск. брязнуть), *си* и *ст* въ блисиати (Зогр. Ев. 101, Остр. Ев. 283 об., Мар. Ев., Син. Пс. 29) — блистати (сравни блѣскъ) и въ ристати (сравн. рискати, рыскати).

Смягченіе гортанныхъ 2-го вида далеко не было обязательнымъ для всѣхъ словъ обще-славянскаго языка, въ которыхъ передъ гортаннымъ находился мягкій гласный. Мы имѣемъ: рядомъ съ кънѧзь —др.-р. шьлягъ (= нѣмецк. schilling); рядомъ съ тьрзати—др.-русск. въс-тьргати; рядомъ съ вѣньць—русск. конекъ, мужичокъ (изъ —ькъ); рядомъ съ агниць — грѣшьникъ, великъ; рядомъ съ овьца — тъчька, рѫчька; рядомъ съ агница—ближика; рядомъ съ клиꙗти—кликати; рядомъ съ зьрꙗло—русск. зьркало (Жит.Саввы Освящ.XIII в. 14 об.); рядомъ съ блисиати, блистати—блискати (блискаашеся Свят. Сборн. 1073 г. 120 об., ц.-слав. блискъ С. Тр. 62, малор. блискавка) и т. п.

Время, въ которое совершилось въ обще-славянскомъ языкѣ смягченіе гортанныхъ 2-го вида, безъ сомнѣнія, совпало съ временемъ, въ которое совершилось смягченіе гортанныхъ передъ *ъ* и *и* изъ дифтонга. Процессъ этого смягченія былъ также тожественъ съ процессомъ органическаго смягченія.

Конечно, смягченіе 2-го вида въ именахъ могло имѣть мѣсто только въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ за гортанными слѣдовали твердые гласные. Въ другихъ формахъ неорганическое смягченіе совпало съ органическимъ (передъ *ъ* и *и* изъ *ai*). Въ третьихъ, съ окончаніемъ *е*, неорганическое смягченіе не могло произойти, такъ какъ гортанные, прежде чѣмъ началось смягченіе 2-го вида, успѣли уже перейти въ *ж*, *ч*. Таковы формы зват. пад. кънѧже, отьче, творьче и т. п., получившія свои шипящіе еще въ то время, когда имен. ед. къ этимъ формамъ звучалъ кънѧзь, отькъ, творькъ. Таковы древнія формы косвенныхъ падежей личесе, личеси и т. д. (отъ лице), развившія свои шипящіе еще тогда, когда им. ед. звучалъ лико. Подобнымъ образомъ въ производныхъ отъ словъ, гдѣ произошло смягченіе 2-го вида, мы часто находимъ не свистящіе, а шипящіе. Такъ, производныя отъ кънѧзь, отьць звучатъ кънѧжь, кънѧжьскъ, кънѧжьство, отьчь, отьчьскъ, отьчьство (изъ кънѧг-jъ, -ьскъ, -ьство); производныя отъ богородица звучатъ богородичинъ

(между прочимъ, Остр. Ев. 283), богородичьнъ (изъ -родик-инъ, -ьнъ); отъ троица звучитъ троичьскъ; отъ съльнъце звучитъ съльничьнъ, и т. д. (русск. богородицынъ, троицынъ—новообразованія).

Ц въ *ц*ьсарь, *ц*есарь, о*ц*ьтъ и друг. перешло въ языкъ южныхъ славянъ или изъ латинскаго языка римскихъ колонистовъ Балканскаго полуострова, или изъ народнаго греческаго (= лат. *C*aesar, acetum).

Смягченіе свистящихъ. Свистящія *з* (не изъ s) и *с*, подвергшись смягченію, перешли въ общеславянскомъ языкѣ въ мягкія *ж* и *ш* въ тѣхъ случаяхъ, когда за ними слѣдовалъ *j*: ц.-сл. и др.-русск. лиж*ж* изъ лиз-j*ж* (сравн. лиз-ати), -ра*ж*ѫ, -ра*ж*ати изъ раз-j*ж*, -јати (сравн. раз-ъ, раз-ити), но*ж*ъ изъ ноз-јъ (сравн. -нь*з*-ити, русск. за-но*з*а), пи*ш*ѫ изъ пис-j*ш* (сравн. пис-ати), но*ш*ѫ, но*ш*а изъ нос-j*ш*, -ја (сравн. нос-ити).

Кромѣ того, въ небольшомъ количествѣ случаевъ *ж* и *ш* образовались изъ *з* и *с* передъ мягкими *л*, *н*, за которыми въ древности слѣдовалъ *j*; при этомъ *з* могло принадлежать предлогу-префиксу, а согласные *л*, *н* находиться въ началѣ имени, мѣстоименія, глагола. Таковы *ж* и *ш* въ ц.-сл. въ*ж*любл*ш* изъ въз-лjуб-, съ-бла*ж*нѧти изъ блаз-њати (при блаз-нити), у-пра*ж*нѧти, русск. поро*ж*нiй изъ празнj- (сравн. ц.-сл. празнъ, празникъ Савв. Ев. 76, 74 и др.), на-тры*ж*нѣнiе изъ трызнj- (сравн. трызна, тризна); и*ж*-него, бе*ж*-него, изъ из-, без-њего; по-мы*ш*ляти изъ мыс-лjати (умы*ш*льшу Остр. Ев. 247 об., помы*ш*льше др.-р. Учит. Ев. Константина Болг. XII—XIII в. 122, при мыс-лити), у-я*ш*нѧти (уя*ш*нѧютъ др.-р. Минея Тип. Б. XII в. N 235, л. 115), у-тѣ*ш*нѧти (утѣ*ш*нено, др.-р. Златоструй XII в.); сравн. др.-русск. ка*ж*ню, совр. русск. дра*ж*ню, ве*ш*нiй. Рядомъ съ этими *ж* и *ш* мы иногда видимъ также *з* и *с*: въз-люблѫ, из-него, утѣсняти.

Принадлежность этого смягченія обще-славянскому періоду не подлежитъ сомнѣнію. Процессъ измѣненія *з*, *с* въ *ж*, *ш* не вполнѣ ясенъ, но несомнѣнно, что онъ произошелъ вслѣдствіе взаимной ассимиляціи свистящихъ и *j*. Вѣроятно, *зj*, *сj* превратились сначала въ *зг*, *сх*, затѣмъ въ *жж*, *шш* и уже отсюда въ *ж*, *ш*.

Учебныя грамматики церковно-славянскаго языка говорятъ также о смягченіи *ц* и приводятъ примѣры его въ родѣ отьчь, отьчьскъ,

Первое слово произошло изъ отьк-jъ, второе изъ отьк-ьство; въ томъ и въ другомъ *ч* существовало прежде, чѣмъ въ славянскомъ языкѣ развился звукъ *ц*. Въ виду этого должно признать, что смягченія *ц* (какъ и *s*) въ обще-славянскомъ языкѣ никогда не было.

Смягченіе зубныхъ. Зубныя *д* и *т* подверглись смягченію только въ тѣхъ случаяхъ, когда за ними слѣдовалъ *j* (не мягкій гласный), сверхъ того, не во всемъ обще-славянскомъ языкѣ. Сербскій, отчасти словинскій и болгарскій языки выдѣлились изъ обще-славянскаго языка и вступили въ самостоятельную жизнь еще съ группами *dj*, *tj*, которыя дали у сербовъ—*j*, ћ (изъ *dj*) и ћ, или мягкія *г* и *к*, у словинцевъ—*j* (изъ *dj*) и ћ, или мягкія *г* и *к*, у болгаръ—мягкія *д* и *т*, ћ и ћ, *к* и *г* (сравни въ малорусскихъ говорахъ переходъ мягкихъ *д* и *т* въ *г* и *к*: гідъ = дѣдъ, гімъ = домъ, въ хаґі = въ хатѣ и т. п.). Церковно-славянскій, русскій и западно-славянскіе языки выдѣлились изъ обще-славянскаго языка одни съ шипящими согласными на мѣстѣ *dj* и *tj*, другіе, западно-славянскіе, — съ свистящими, и мы находимъ изъ *dj* и *tj* въ церковно-славянскомъ языкѣ—*жд*, *шт* (первоначально съ мягкими *д* и *т*), въ русскомъ — *ж* (откуда иногда *дж*) и *ч* (изъ *тш*), въ западно-славянскихъ—*дз*, *з* и *ц* (первоначально мягкія; въ польскомъ изрѣдка *ч*). Кромѣ того, въ ново-болгарскихъ говорахъ мы нерѣдко находимъ на мѣстѣ *dj* и *tj*—*жд* и *шт* (откуда *щ*), въ словинскомъ языкѣ на мѣстѣ *tj*—*ч*.

Такимъ образомъ обще-слав. ме*dj*у (мѣстн. ед. отъ имени съ основою на *ъ*, родственнаго съ санскр. madhjas, греч. μέσσος, μέσος изъ μέθjος, лат. medius) перешло: 1) въ сербск. ме*j*у, међю или мегю (сравн. у Константина Багрянороднаго передачу сербскаго мѣстнаго названія Међуреч черезъ Μεγυρέτους), въ словинскомъ—въ me*j*u, me*jj*u, въ болгарскихъ говорахъ—въ ме*dj*ю, међу, мегю; 2) въ церк.-слав. ме*ждj*ю, русск. ме*ж*ю, др.-чешск. me*ʒ*iu, польск. *mie*dʒ*iu (соврем. mie*dʒ*y, mię*dʒ*y); обще-слав. ну*dj*а—въ ц.-слав. ну*жд*а, въ русск. ну*ж*а; обще-слав. ра*dj*ати—въ ц.-слав. ра*жд*ати, русск. ра*ж*ати. Подобнымъ образомъ обще-слав. свѣ*tj*а перешло: 1) въ сербск. и словинск. свећа или свећя, въ ново-болг. свет*я*, свећа, свеж*я*; 2) въ ц.-сл. свѣ*шт*а, въ русск. свѣ*ч*а, въ польск. świe*c*a, въ чешск. sv*í*ce; обще-слав. хо*tj*ѫ—въ ц.-слав. хо*шт*ѫ, русск. хо*ч*у, польск. ch*c*ę, чешск. ch*cí*; обще-слав. *tj*у*dj*ъ — въ ц.-слав.

1) д', 2) л, 3) г' (нечитаемое)

штюждь, въ русск. *чюжь*, польск. *cudzy*, чешск. *cizí*; обще-слав. *бержтја* (род. ед.)—въ ц.-слав. *бержшта*, др.-русск. *беруча* (род. ед.).

Но въ тѣхъ случаяхъ, когда передъ *д* въ обще-славянскомъ языкѣ было *з*, а передъ *т*—*с*, смягченіе зубныхъ было одинаково во всѣхъ славянскихъ языкахъ: они перешли въ шипящіе. Послѣдніе ассимилировали съ собою *з* и *с* и вмѣстѣ съ ними образовали тѣ же звуковыя сочетанія, которыя получились изъ *зг* и *ск*. Вслѣдствіе этого обще-слав. *ѣздјж* дало въ церк.-слав. *ѣждж*, *яждж*, въ русск. *ѣжжю* (въ др.-русск. также *ѣждю* Ипат. сп. лѣт. 320, 347, 420), въ польск. *jeżdżę*; обще-слав. *ѣздјати*—въ русск. *ѣжжати*, въ чешск. *-jížděti*; обще-слав. *гнѣздјъ* (прич. прош.)—въ ц.-сл. *въ-гнѣждь-сѧ* С. Требн. 103; обще-слав. *пустјж*—въ ц.-слав. *пущтж*, въ русск. *пущю*, въ польск. *puszczę*, въ др.-чешск. *puščiu*, обще-слав. *тѣлстјати*—въ ц.-слав. *-тѣлштати*, въ русск. *-тѣлщати*; обще-слав. *чистјати*, *крьстјати*—въ ц.-сл. *-чштати*, *крьштати*, въ русск. *-чщати*, *крьщати*.

Подобно тому, какъ *г* и *к* въ нѣкоторыхъ словахъ смягчились вслѣдствіе дѣйствія на нихъ не прямо мягкихъ гласныхъ, а согласныхъ съ мягкими гласными, такъ точно *д* и *т* (а равно *ст*) кое-гдѣ смягчились передъ *вј* (откуда иногда ц.-слав. *вл*) и *рј*. Такъ, *мьртвјати* дало въ ц.-слав. *у-мьрштвяти* (Син. Тр. 46), *мждрјати*—*прѣ-мждряти* (Супр. р. 16), *хытрјати*—*у-хытряти*, *съмотрјеныѥ*—*съмошренье*, *изострјати*—*изошряти*, *испьстрјенъ*—*испьшренъ* (но: *съматрѣти* С. Тр., *съматряти* Супр. ркп. 66, *упьстрені* др.-р. Минея 1097 г. 449). Въ русскомъ и другихъ славянскихъ языкахъ въ историческое время ихъ существованія подобныя слова не были извѣстны (русскія *умерщвлять*, *ухищреніе* и т. п.—заимствованія изъ церковно-славянскаго языка).

Несомнѣнно, смягченіе зубныхъ (безъ предъидущихъ *з* и *с*) совершилось на обще-славянской почвѣ, вѣроятно, въ ту эпоху жизни обще-славянскаго языка, когда изъ него уже выдѣлились отдѣльные говоры и когда уже было близко распаденіе обще-славянскаго языка. Процессъ перехода *дј* и *тј* въ *дж* (откуда русск. *ж*) и *тш* (откуда русск. и слов. *ч*), хотя мало ясенъ, но все таки можетъ быть приблизительно опредѣленъ: онъ состоялъ въ ассимиляціи *ј* съ *д* и *т* и въ переходѣ его въ мягкія *г* и *х*, откуда *ж* и *ш*. Но процессъ образованія ц.-слав. *жд* и *шт* представляется труднымъ

для объясненія. Можно принять безусловно лишь то одно, что *дj* и *тj* на пути въ *жд* и *шт* одно время звучали *дж* и *тщ*, и сверхъ того, можно допустить, что *дж* и *тш* сначала, вслѣдствіе ассимиляціи *д* и *т* съ *ж* и *ш*, превратились въ *жж*, *шш*, что потомъ между двумя одинаковыми звуками произошла диссимиляція и *жж* превратилось въ *ждж*, а *шт* въ *шч*, откуда *жд* и *шт* (съ мягкими *д* и *т*). Что до перестановки звуковъ въ *дж* и *тш*, откуда будто бы *жд* и *шт*, то о ней, по нашему мнѣнію, не можетъ быть рѣчи.

Смягченіе группы *кт*. Группа *кт*, образовавшаяся какъ изъ древней группы *кт*, такъ изъ группъ *тт*, *жт*, имѣя послѣ себя мягкій гласный, подверглась тѣмъ самымъ измѣненіямъ, которыя произошли въ группѣ *тj*. Такимъ образомъ въ церковно-славянскомъ языкѣ на мѣстѣ *кт* явилось *шт*, въ русскомъ и словинскомъ—*ч*, въ западно-славянскихъ языкахъ—*ц*, въ сербскомъ—мягкое *т*, послѣ перешедшее въ *ћ* и *к*: ц.-сл. но*шть*, русск. ночь, зап.-слав. no*c*, сербск. но*ћ*, изъ но*кть* (сравн. греч. νύξ, νυκτός, лат. no*x*, no*ctis*, лит. na*ktis* ночь); ц.-слав. пе*шть*, русск. печь, зап.-слав. pe*c*, сербск. пе*ћ* (ст.-сербск. пе*кь*), изъ пе*кть* (сравн. пе*кж*); ц.-слав. мо*шти*, русск. мочь, зап.-сл. mo*c*, сербск. мо*ћи*, изъ мо*кти*, мо*гти* (сравн. мо*гж*).

Время смягченія группы *кт*, вѣроятно, тоже, что и смягченія зубныхъ. Процессъ измѣненія *кт* представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ. Группа *кт* (съ мягкимъ *т*), вслѣдствіе ассимиляціи *к* съ *т*, прежде всего перешла въ *тт* (оба *т* мягки), откуда, вслѣдствіе диссимиляціи двухъ тожественныхъ звуковъ,—*тj* (сравн. сербск.-черногорск. но*ћа*, изъ но*ћтја*, но*ћца*, польск. o*jca*, род. ед., изъ o*cca*, отьца, русск. назо*йливъ*, изъ назо*лъливъ*). Эта новая группа *тj*, конечно, послѣдовала въ своихъ измѣненіяхъ древней группѣ *тj*.

Переходъ *j* **въ** *л*. Согласный *j*, находясь послѣ губныхъ *б*, *в*, *п* и губно-носоваго *м*, перешелъ въ мягкое *л*. Этотъ переходъ, если онъ совершился въ корнѣ словъ, былъ свойственъ всему обще-слав. языку: ц.-слав. бл*ю*дж, изъ б*j*удж (*jу* изъ обще-индо-европ. *eu*), русск. блюду; ц.-сл. пл*ю*ж, пл*ь*вати, изъ п*j*уж, п*j*ъвати (лит. p*i*auti, sp*i*auti), русск. плюю, польск. pl*u*ć, pl*w*ać, чешск. pl*i*ti, pl*i*vati; ц.-

слав. блюдъ, блюдо (слово заимствованное изъ готскаго языка, = готск. biuds), русск. и сербск. блюдо, пол. bluda, чешск. blido. Если же онъ совершился въ основѣ слова и *j* принадлежитъ суффиксу, онъ свойственъ тѣмъ только говорамъ обще-славянскаго яз., изъ которыхъ послѣ образовались языки русскій, сербскій и словинскій; западно-славянскіе языки (соврем. польск. grobla, kropla, grable, ziemla и др.—руссизмы: сравн. др.-польск. grobia, kropia) сохранили *j*, а церковно-славянскій въ однихъ и тѣхъ же словахъ имѣетъ то *л*, то *j*.

Такъ, въ церковно-славянскомъ языкѣ мы находимъ рядомъ и *л* вмѣсто *j*: люблѧ, възлюбленъ, явлѧ, являти, куплѧ, куплѧ, ѥмлѧ, земля, и *j*: любьѧ (ь = *j*), възлюбьѥнъ и възлюбенъ, явьѧ, купьѧ, земья или земя, изъ любjѧ и т. д. (но нѣтъ бьюдѧ, пѣвати, бьюдо). Всѣ церковно-славянскіе памятники (кромѣ Остромирова Ев.) имѣютъ и *л*, и *j*, но въ однихъ (въ большей части, особенно въ Син. Требникѣ) преобладаетъ *л*, въ другихъ (въ Супрасльской рук.)—*j*. Современные ново-болгарскіе говоры почти не знаютъ *л*, и слова въ родѣ земля, сабля въ нихъ большая рѣдкость; обыкновенно мы въ нихъ находимъ или *j*, или мягкій согласный, принявшій въ себя *j*: земья или земя, сабья или сабя.

Переходъ *j* въ *л* въ началѣ корня (послѣ предлога-префикса *об*) ни въ церковно-славянскомъ, ни въ другихъ славянскихъ яз. неизвѣстенъ: об-емлѧтъ Мар. Ев. 20 и др., изъ об-jемлѧтъ (не обл-).

Несомнѣнно, переходъ *j* въ *л* произошелъ въ обще-славянскій періодъ. Возможно, что переходъ *j* въ корняхъ совершился ранѣе, чѣмъ переходъ *j* въ суффиксахъ; послѣдній, по нашему мнѣнію, долженъ быть относимъ къ концу обще-славянскаго періода. Переходъ *j* въ мягкое *л* самъ по себѣ не представляетъ ничего страннаго. Звуковая близость *j* и мягкаго *л* столь велика, что замѣна *j* черезъ *л* и на оборотъ—явленіе въ индо-европейскихъ языкахъ нерѣдкое; сравни, напримѣръ, итал. fiore, fiume, più и т. п. и лат. florem, flumen, plus: здѣсь итал. *j* послѣ губныхъ развилося изъ лат. *l*.

Ассимиляція согласныхъ. Одни изъ согласныхъ звуковъ ассимилировались съ другими во всемъ обще-славянскомъ языкѣ, другіе — только въ той части его говоровъ, которая дала начало южно-славянскимъ и русскому языкамъ.

Къ числу явленій ассимиляціи общихъ всѣмъ славянскимъ языкамъ принадлежатъ слѣдующія, находимыя нами въ церковно-славянскомъ языкѣ.

1. Ассимиляція губныхъ *б*, *в*, *п* съ слѣдующими *н*, *с*, *т*; она закончилась отожествленіемъ губныхъ съ слѣдовавшими за ними согласными и затѣмъ исчезновеніемъ одного изъ двухъ тожественныхъ согласныхъ. Вслѣдствіе этого мы имѣемъ:

ц.-сл. и русск. гѣ*н*ѫти, изъ гѣ*б-н*ѫти, гѣ*н-н*ѫти; ль*н*ѫти, изъ ль*п-н*ѫти; ка*н*ѫти (Син. Пс. 136), изъ ка*п-н*ѫти; усѣ*н*ѫти, изъ усѣ*п-н*ѫти; сѣ*н*ъ, изъ сѣ*п-н*ъ (сравн. ὕπνος); ко*н*ь, изъ ко*б-н*ь (сравн. ко*б*-ыла, ст.-чешск. ko*b*-oň). Надо замѣтить, что въ цѣломъ рядѣ глаголовъ мы находимъ губные передъ *н*: ц.-слав. гы*бн*ѫти, -за*бн*ѫти (въ церк.-славянскихъ памятникахъ постоянно, такъ что ни гы*н*ѫти, ни за*н*ѫти не встрѣчается), ц.-сл. то*пн*ѫти (исто*пн*ѫшꙗ Супрасл. ркп. 145, русск. то*пн*уть); ц.-слав. усъ*пн*ѫти (усъ*п'н*еши Свят. Сборн. 1073 г. 152); ц.-слав. ль*пн*ѫти (съль*пн*еться Лѣствица Рум. Муз. XII в. 94); соврем. русск. ги*бн*уть (при др.-русск. по-гы*н*ути Пантелеймоново Ев. XII—XIII в., Р. Правда по сп. XIII в., соврем. ги*н*уть), зя*бн*уть, ли*пн*уть, ка*пн*уть и т. п. Здѣсь, безъ сомнѣнія, мы имѣемъ дѣло съ позднѣйшимъ явленіемъ — съ возстановленіемъ утраченнаго кореннаго согласнаго;

ц.-сл. и русск. о*с*а, изъ во*бс*а или во*пс*а, во*сс*а (срв. лит. vapsa), о*с*ина, изъ о*пс-* (сравн. лит. apušis, лотышск. apse), грѣ*с*ъ, чрѣ*с*ъ, 1 л. ед. аор., изъ грѣ*бс*ъ, чер*пс*ъ (сравн. греб-ж, чьрп-лѫ);

ц.-слав. и др.-русск. гре*т*и, те*т*и, су*т*и, ц.-сл. чрѣ*т*и, др.-р. чере*т*и, изъ гре*бт*и, те*пт*и, су*пт*и, чер*пт*и, гре*пт*и и т. д.; не*т*ии, ст.-польск. nieć, изъ не*пт*ии (сравн. санскр. naptī, греч. ἀνεψιός, изъ ἀνεπτ-, лат. nepos, ne*pot*is); русск. доло*т*о, изъ дел*бт*о (сравн. дъл*би*-ти). Надо думать, что формы неопр. н. въ родѣ гре*т*и утратили одно изъ двухъ *т* раньше того времени, когда образовались два *т* изъ *кт*, и что поэтому результаты ассимиляціи *бт* и *кт* другъ отъ друга рѣзко отличаются. Русскія (малорусскія) гре*бт*и и т. п. — новѣйшія образованія.

Ассимиляція губнаго *б* съ слѣдующими *н*, *с*, *т* (а также, вѣроятно, съ *ж*, *з*, *м*, *п*, *х*, *ц*, *ч*, *ш*) имѣла мѣсто, между прочимъ, въ предлогѣ-префиксѣ *об*, который, благодаря ей, превратился въ *о*. Конечно, *о* изъ *об* первоначально употреблялось только въ такихъ со-

четаніяхъ, какъ *о* насъ, *осѣнити*, *отмгъчити*, *о* томь (еще въ *ожидати*, *озаряти*, *омыти*, *опять*, *охота* и т. п.), но потомъ *о* стало употребляться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ и *об*, даже передъ гласными: *о очищении* Остром. Ев., и на оборотъ,— *об* появилось передъ *н* и друг.: *обнаженъ*.

2. Ассимиляція *в* съ предъидущимъ *б*; она закончилась отожествленіемъ *в* съ *б* и затѣмъ исчезновеніемъ одного изъ двухъ *б*: ц.-слав. *облако*, изъ *об-влако*, *облѣкати*, изъ *об-влѣкати*, *область*, изъ *об-власть*; можетъ быть, *бѣгъ*, изъ *бвѣгъ* (сравн. φεύγω, лат. fugio и т. п.), *бѣхъ* изъ *бвѣхъ* (сравн. обще-индо-евр. кор. bhū); впрочемъ въ корняхъ ассимиляція *в* съ *б* могла произойти въ славяно-литовскомъ языкѣ: сравн. *бѣгъ* и лит. *bēgu* (бѣгу).

3. Ассимиляція зубныхъ *д* и *т* съ слѣдующими *м* и *с* закончилась исчезновеніемъ зубныхъ:

ц.-слав. и др.-русск. *вѣмь*, *дамь*, *ѣмь*, 1 л. ед., *вѣмъ* и т. д., 1 л. мн., изъ *вѣд-мь*, *дад-мь* и т. д. (корни *вѣд-*, *дад-*, ср. *дад-ать*, *ѣд-*); ц.-слав. *румѣнъ*, русск. *румянъ*, изъ *рудм-* (кор. *руд-* въ русск. *руда*; сравни *ръд-ѣти* и т. п.); русск. *вымя*, изъ *в-ыд-мя* (сравн. санскр. ūdh-ar вымя, греч. οὖθ-αρ); ц.-слав. и русск. *осмъ*, изъ *остмъ* (сравн. греч. ὀκτώ, лат. octo, лит. ašmas осьмой). Исчезновеніе *д* въ группѣ *дм* мы находимъ также въ литовскомъ языкѣ: dûmi, изъ dod-mi (даю, 1 л. ед.), ēmi, изъ ēd-mi (ѣмъ), жмудск. raumi (воплю) и т. п., вслѣдствіе чего можно было бы относить его не къ обще-славянскому, а къ славяно-литовскому періоду (въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ *д* передъ *т* сохраняется: санскр. vidmanē = греч. Fἰδμεναι). Но литовскій языкъ имѣетъ рядомъ съ ēmi, raumi — ēdmi, ēdme (1 л. мн.), raudmi, и нельзя рѣшить, которая изъ этихъ двухъ формъ— архаизмъ и которая — возникшее на литовской почвѣ новообразованіе.

Ц.-слав. *седмь*, русск. *седьмой* (при др.-русск. семь Святосл. Сборн. 1073 г., семыи Остром. Ев., соврем. семь, семой) является исключеніемъ изъ правила объ ассимиляціи *д* съ *м*. Повидимому, *д* обязано здѣсь своимъ сохраненіемъ тому обстоятельству, что нѣкогда передъ *д* находилось *б* (первоначальная форма звучала *себдмь*; сравн. гр. ἕβδομός), которое удержало *д* отъ ассимиляціи, но которое потомъ само ассимилировалось съ *д* и исчезло.

Ц.-слав. и русск. вѣ*в*ѣ, ѣ*в*ѣ (дв. ч.) не могутъ быть считаемы за образовавшіяся изъ вѣ*дв*ѣ путемъ ассимиляціи *д* съ *в*. Послѣдніе звуки ни въ обще-славянскомъ языкѣ, ни позже не ассимилировались другъ съ другомъ, какъ показываютъ слова въ родѣ *дв*ьрь, *дв*оръ, *дв*игати (сравни *тв*орити, молит*в*а и т. п.). Формы вѣ*в*ѣ и пр.— обще-славянскія новообразованія, по образцу вѣмь, вѣмъ, безъ *д*.

Ц.-слав. и др.-русск. вѣси, даси, ѣси (2 л. ед.), изъ вѣ*д*-*си* и т. д.; ц.-слав. блюсъ, басъ, чисъ (1 л. ед. аор.), изъ блю*д*-*с*ъ (сравн. блю*д*-ѫ), ба*д*-*с*ъ (сравн. бо*д*-ѫ, бо*д*-ати), чи*т*-*с*ъ (срв. чи*т*-ати); ц.-слав. и русск. число, русск. прясло и т. п., изъ чи*т*-*сло*, пр*ѧт*-*сло* (окончаніе -*сло* = лат. -clum, -culum въ periculum, obstaculum и т. п., лит. -klas въ arklas плугъ, irklas весло и т. п.); ц.-слав. и др.-русск. гѫсли, ясли, изъ гѫ*д*-*сли*, я*д*-*сли* (окончаніе -*сль* родственно съ литовскимъ окончаніемъ словъ женск. рода -klē: au-klē обувь, dû-klē дань и т. п.); ц.-слав. чисма, изъ чи*т*-*сма* (окончаніе -*сма* родственно съ окончаніемъ лат. -smus въ rēmus, изъ rē*t*-smus, лит. -smas въ rēk-smas крикъ, verk-smas, valk-smas и т. п.); ц.-сл. и др.-р. остѫпати, остати (напр., С. Пс. 94, 180, Остр. Ев. 95, 230, Ипат. сп. лѣт. 369), изъ о*т*-*с*тѫпати и при отъстѫпати, современн. русск. оставить, остаться. Переходъ группъ *дс* и *тс*, вѣроятно, совершился въ древнѣйшую эпоху жизни обще-славянскаго языка, въ нѣкоторыхъ словахъ прежде, чѣмъ началось измѣненіе слав. *с* въ *х*. Поэтому на мѣстѣ древнихъ группъ *дс* и *тс* мы иногда находимъ обще-славянское *х* (откуда *ш*): ц.-слав. и русск. пѣшь, русск. пѣхота изъ pēds- (сравн. лит. pēda нога, лат. pes pedis); ц.-сл. съмѧхъ, съмѧшѧ (Асс. Ев. 52 и др.), аор. отъ -мѧ*т*ѫ, — изъ -мѧ*тс*-; русск. пряха, неряха, сваха, ляхъ и т. п., изъ пр*ѧдс*а, -р*ѧдс*а, сва*тс*а, л*ѧдс*ъ (сравн. прилаг. ляд-ьскъ); ц.-слав. и др.-р. о*х*одити, о*ш*ьдъ = о*тх*-, о*тш*-; о *х*ождьшихъ = *от х*- др.-р. Златоструй XII в. 67. Возможно, что нѣкоторые случаи ассимиляціи зубныхъ и *с* совершились еще въ славяно-литовскій періодъ: лит. vesiu, mesiu (1 л. ед. будущ. вр. отъ ve*d*u, me*t*u), изъ ve*ds*iu, me*ts*iu; švēsa (свѣтъ), švēsus (свѣтлый), изъ švē*ts*-, корень švē*t*-, слав. свѣ*т*-, свь*т*-.

4. Ассимиляція гортаннаго *к* съ слѣдующими *н*, *с* и твердымъ *т* закончилась исчезновеніемъ *к*:

ц.-слав. и др.-р. бльснѫти, изъ бльс*кн*ѫти (сравн. блѣс*к*ъ), др.-р. прыснути (Слово о п. игор.), изъ прыс*кн*ути (ср. прыскаю). Ассими-

ляція *к* и *н* имѣла мѣсто исключительно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ передъ *к* былъ *с* (т. е. въ группѣ *скн*). Во всѣхъ другихъ случаяхъ, въ родѣ у-мѣл*кнѫ*ти, — *к* сохранилось;

ц.-слав. рѣ*сте*, тѣ*сте* (2 л. мн. аор.), изъ рѣ*к-сте*, тѣ*к-сте* (корни тѣ же, что въ -рѣ*к*-ати, -тѣ*к*-ати), ц.-слав. и др.-русск. плести, изъ плe*кс*-ти. О переходѣ группы *кс* въ *с* можно сказать то же, что сказано выше о переходѣ группъ *дс*, *тс* въ *с*. *С* изъ *кс* въ общеславянскомъ языкѣ между гласными перешло въ *х*; отсюда рѣ*х*ъ, рѣ*х*омъ, рѣ*шѧ* и т. п.;

ц.-слав. и др.-русск. лѣ*т*ати, русск. лѣ*т*ъ, изъ лѣ*к-т-*, лe*к-т-* (сравн. лит. lē*k*-ti); ц.-слав. и русск. плe*тѫ*, изъ плe*к-тѫ* (сравн. греч. πλέχω, лат. ple*cto*); ц.-сл. и др.-р. чьр*т*а, изъ чьр*к-т*а (сравн. русск. чер*к*нуть, почер*к*ъ); ц.-сл. и русск. п*ѧт*ъ (сравн. лат. quin*que*, лит. pen*ki* пять, pen*kt*as пятый). Изъ формъ неопред. накл. лѣ*т*ати и 1 л. ед. наст. вр. плe*тѫ* *т* перешло въ другія формы тѣхъ же глаголовъ, гдѣ группа *кт* имѣла мягкое *т* (какъ въ **нокть* и т. п.) и потому должна бы была дать въ ц.-слав. языкѣ *шт*, въ русск. *ч* и т. д.: ле*т*иши, ле*т*имъ, плe*т*еши, плe*т*емъ и т. п. Слово п*ѧт*ь обязано своимъ *т* вліянію слова п*ѧт*ъ; первоначально оно должно было звучать въ общеславянскомъ языкѣ п*ѧ*чь = лит. pen*ki*.

5. Ассимиляція мягкихъ плавныхъ *л* и *р* и носоваго *н* съ слѣдующимъ *j* имѣла результатомъ исчезновеніе *j*-та: ц.-сл. и др.-р. во*л*я, изъ во*лj*а; ц.-сл. и др.-р. бу*р*я, изъ бу*рj*а; ц.-сл. и др.-р. си*н*ь, изъ си*нj*ъ. Сравни малор. весі*л*я, весі*лл*я, кам*і*н*я*, кам*і*н*н*я, изъ весѣ*лj*е, камѣ*нj*е.

Къ числу явленій ассимиляціи, свойственныхъ не всѣмъ славянскимъ языкамъ, но только части ихъ, принадлежитъ, между прочимъ, ассимиляція зубныхъ *д* и *т* съ слѣдующими *л* и *н*. Она имѣла мѣсто въ той части общеславянскаго языка, которая дала начало церковнославянскому (съ ново-болгарскимъ), сербскому и русскому языкамъ, и закончилась въ нихъ исчезновеніемъ *д* и *т*:

ц.-слав. и русск. па*лл*ъ, шь*лл*ъ, я*лл*ъ или ѣ*лл*ъ, плe*лл*ъ и т. п., изъ па*дл*ъ, шь*дл*ъ, я*дл*ъ, плe*тл*ъ, па*лл*ъ и т. д.; ц.-слав. и русск. ра*ло*, ж*ѧло*, русск. мы*ло*, ши*ло* и т. п., изъ ра*дло*, ж*ѧдло* и т. д. (окончаніе *-дло* = греч. -θλον, лат. *-blum*, *-bulum*); ц.-слав. и русск. се*лити*, въсе*лѥ*ная, изъ се*дл*ити (корень тотъ же, что въ сед-ьло); ц.-

слав. и русск. мо*л*ити, изъ мод*л*- (корень *мод*-; сравн. лат. meditari, mod-estus и т. п.). Западно-славянскіе языки въ приведенныхъ словахъ и имъ подобныхъ сохраняютъ (хотя и не вездѣ) *д* и *т*: польск. pa*dł*, sze*dł*, ja*dł*, чешск. me*tl*, польск. ra*dło*, my*dło*, mo*dlić*, чешск. mo*dliti*; въ пражскихъ глаголическихъ отрывкахъ XI—XII в. (моравскаго извода) мы читаемъ: въсе*дл*ися, мо*дл*итва. Не излишне замѣтить, что группы *дл*, *тл*, исчезнувшія на нѣкоторое время въ обще-славянскомъ языкѣ, потомъ, послѣ перестановки плавныхъ, явились въ немъ вновь и потому нерѣдки въ славянскихъ языкахъ, въ томъ числѣ и въ церковно-славянскомъ (по преимуществу въ началѣ словъ): *дл*ань, *тл*ѣшти и т. п., изъ дѧлнь, телкти;

ц.-слав. и др.-русск. въз-бѣ*нж*ти, в*нж*ти, въс-пр*нж*ти, свѣ*нж*ти, изъ бѣ*дн*-, в*дн*-, пр*дн*-, свѣ*тн*-, бѣ*нн*- и т. д. (корни бѣ*д*-, в*д*-, пр*д*-, свѣ*т*-); ц.-слав. г*н*ание (Син. Пс. 166), изъ г*дн*-; ц.-сл. пле*н*ица, изъ плет*н*-. Западно-славянскіе языки обыкновенно сохраняютъ здѣсь *д* и *т*: чешск. va*dnûti*, pa*dnûti*. Глаголы въ родѣ ср.-болгарск. -па*дн*ѫти, -ме*тн*ѫти (Сборникъ 1345 г.), русск. ме*тн*уть принадлежатъ къ числу позднѣйшихъ новообразованій.

Рядомъ съ явленіями ассимиляціи и послѣдовавшаго за нею исчезновенія согласныхъ, мы должны упомянуть объ измѣненіи группъ *зз* и *сс* (все равно, какого бы происхожденія ни были *з* и *с*)—въ *з* и *с*. Эти группы особенно часто встрѣчались при соединеніи именъ и глаголовъ, начинавшихся съ *з* и *с*, съ префиксами *без-*, *въз-*, *из-*, *раз-* (*роз-*), или при соединеніи именъ, начинавшихся съ *з* и *с*, съ предлогами *без*, *въз*, *из*; но группа *сс* была извѣстна также въ серединѣ словъ. Измѣненіе *зз* и *сс* въ *з* и *с*, если не вездѣ, то въ большинствѣ случаевъ должно было совершиться въ обще-славянскій періодъ, послѣ того времени, когда образовалось *х* изъ *с*; вслѣдствіе чего мы не знаемъ случаевъ перехода *с* изъ *сс* въ *х*. Оно наблюдается въ ц.-слав. и др.-русск. безълобьнъ, безако*нꙗ*, бе-закона (Супр. р.)=без-*з*-; бестудьнъ, бе-студа, бе-страха, бе-сына, др.-русск. и-Смольньска = бес-*с*-, ис-*с*-; ц.-сл. и др.-русск. *кси*, изъ *кс-си* (сравн. лит. essi), насъ, васъ, вѣроятно, изъ нас-*съ*, вас-*съ* (сравн. тѣхъ изъ тѣ-*съ*), масло, весло, изъ мас-*сло*, вес-*сло* (корни маз-, вез-, суффиксъ -сло), от-врѣ*сѧ*, съ-тра*сѧ* (3 л. мн. аор. отъ вьрз*ѫ*, тра*сѫ*, С. Тр. 93, Мар. Ев. 113 и др.), изъ -врѣс-*сѧ*, -тра*с*-*сѧ*.

Неорганическіе согласные въ началѣ и серединѣ словъ. Согласные, возникшіе въ обще-славянскомъ языкѣ въ началѣ словъ передъ гласными, — *в* и *j*.

Неорганическое *в* постоянно находится передъ *ъ* и *ы*: ц.-слав. и др.-русск. *въ*, *вън-* (предлогъ-префиксъ), изъ *ъ*, *ън-*, сравн. греч. ἀνά, ἀν-, лат. an-; *въз-* (предлогъ-префиксъ), сравн. лит. už; *въп-ити*, при *въз-ъпити*; *выдра*, изъ *ыдра*, сравн. греч. ὕδρα, лит. ūdra (выдра); *выкнѫти* (Супр. р.), сравн. *учити*; русск. *вымя*, сравн. санскр. ūdhar, греч. οὖθαρ, лат. ūber; русск. *выпь*, сравни лотышск. ūpis филинъ. Сверхъ того, есть одно обще-славянское слово, гдѣ неорганическое *в* находится передъ *о*: *вон*я, сравн. ж-хати, греч. ἄν-εμος, лат. an-imus и т. п.

Неорганическій *j* находился почти передъ каждымъ начальнымъ *а*, *е* (и ѧ) и безъ исключенія передъ каждымъ начальнымъ *ъ*: ц.-слав. и др.-русск. *язъ* (*ѫзъ* Мар. Ев.), т. е. *јазъ*, изъ *азъ*, сравн. санскр. aham, лит. až; *явѣ*, *явити*, сравн. санскр. āvis открыто, лит. ovije на яву; *яице*, сравн. греч. ᾠόν, латинск. ō-vum; *ѥдинъ*, изъ *единъ*, сравн. русск. *одинъ*; *ѥсень*, сравн. русск. *осень*, прусск. asanis; *ѥсмь*, *ѥсть* и т. д., сравн. санскр. asmi, asti, лат. est, лит. esmi, esti; *имѧ*, изъ *јъмѧ*, *ъмѧ*, сравн. прусск. *e*mens, и т. п. Впослѣдствіи одинъ изъ говоровъ обще-славянскаго языка, предокъ церковно-славянскаго языка, утратилъ во многихъ словахъ *j* передъ *а*. Союзъ *а* повидимому всегда былъ безъ *j* (ни одинъ славянскій языкъ не знаетъ его съ *j*), а также могло быть нѣсколько словъ, начинавшихся съ *е* и не принявшихъ *j*: сравн. русск. *э*-то, *э*-но и т. п. и сербск. *е*-то, *е*-но.

Кромѣ того, неорганическій *j* находился: 1) передъ *ѫ*, который подъ его вліяніемъ перешелъ въ *а*: ц.-сл. и др.-русск. *ядъ*, *ясли*, изъ *јѫдъ*, *јѫсли*; ц.-сл. и др.-русск. *язва*, рядомъ съ др.-русск. *ѫзва* (Сказ. о Бор. и Гл. по сп. XII в.; Новгородск. лѣт. XIV в.), и т. п.; 2) передъ ж: ѭ-родъ, ср.-болг. ѧ-родъ (ѧ изъ ѭ), русск. *ю*-родивый, рядомъ съ ж-родъ, русск. *у*-родъ, срв. отрицательную частицу санскр. an-, греч. ἀν-; ѭ-долъ, средн.-болг. ѧ-доліе, русск. *ю*-доль, рядомъ съ ж-долъ, сравн. греч. ἀνά, ἀν-; ѭза Святославовъ Сборн. 1073 г., ср.-болг. ѧза, др.-русск. *юзникъ*, совр. *союзъ*, при ѧза, *узникъ*, сравн. греч. ἄγχω, лат. angustus, лит. ankštas; ѭтрьнь Святослав. Сборникъ 1073 г., *ютроба* сербск. Волканово Ев. XII

в. 5, вънѫтрѣному Слѣпченск. Ап. XII в. 14 об., ѫтроба Болонск. Псалт. XII—XIII в., польск. областн. *jątrznica* кишка, чешск. *vnitř*, *vnitř*, при ѫтроба, русск. *внутрь*, пол. *wnątrz*, сравн. лит. *antris*; *ѫхати, ср.-болг. благо-ѫхати, при ѫхати; срв. в-оня.

Впослѣдствіи обще-славянскій языкъ утратилъ во многихъ словахъ *j* передъ *ѫ*, *ѫ*.

Древнѣйшій *j* передъ *ѫ* не слѣдуетъ смѣшивать съ болѣе новымъ, который развился въ разныхъ славянскихъ языкахъ передъ *ѫ*, но не превратилъ *ѫ* въ *а*. Съ новѣйшимъ *j* мы имѣемъ дѣло, напримѣръ, въ древне-русскомъ *jѫсти*, которое пишется съ іотированнымъ *ѫ* въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.

Случаи появленія неорганическаго *j* передъ *ă* неизвѣстны (ѥзеро и т. п. нельзя считать происшедшими изъ *jă*зеро, *jo*зеро, въ виду лит. *ežeras*). Причина возникновенія *j*-та передъ ѫ (точнѣе: передъ ă̄n, ān) и невозникновенія передъ *ă* (откуда *о*) заключается, вѣроятно, въ томъ, что этотъ *j* появился тогда, когда *ă* безъ слѣдующаго носоваго уже перешло въ *о* или приблизилось къ *о*.

Согласныхъ, возникшихъ въ обще-славянскомъ языкѣ въ серединѣ словъ,—не болѣе двухъ; это—*т*, между *с* и *р*, и *д*, между *з* и *р*, явившіяся, вѣроятно, послѣ перехода *с* въ *х* и раньше перестановки плавныхъ.

Первое мы находимъ въ ц.-слав. и др.-русск. *остръ*, сравн. санскр. *açris* (уголъ), греч. ἄκρος, лат. *acer*, *acris*; въ *пьстръ*, срв. греч. πικρός; въ *стр*уга, *стр*уя, о-*стр*овъ, срв. санскр. *sravati* (течетъ), греч. ῥέω изъ *σρέFω, ἐρρύην изъ *ἐσρύFην; *сестр*а, сравн. лат. *soror* изъ *sosor*, лит. *sesu̇*, *sesers* (сестра). Литовскій языкъ также имѣетъ *t* между *s*, *š* и *r*: *aštrus* (острый), *strovė*, *štrovė* (теченіе), но вставка *т* въ немъ не выдержана (при *strovė*, напримѣръ, есть *srovė* и *srava* теченіе), и потому нѣтъ основанія ставить ее въ связь со вставкою *т* въ обще-славянскомъ языкѣ и возникновеніе ея относить къ славяно-литовскому періоду; должно думать, что *т* между *с* и *р* развилось и въ обще-славянскомъ, и въ литовскомъ самостоятельно (ср. обще-слав. *хр*омъ, *хр*ѫстъ изъ *ср*-). Надо замѣтить, что сочетаніе *ср*, образовавшееся на славянской почвѣ: ц.-слав. *ср*амъ, *ср*ачица, *ср*ѣда и т. п., не имѣетъ вставочнаго *т*, за однимъ исключеніемъ, въ которомъ должно видѣть церковно-славянское новообразованіе: *стр*амомь (Син. Пс. 146).

Что до *д* между *з* и *р*, то его мы находимъ только въ сочетаніяхъ предлоговъ-префиксовъ на *з* со словами, начинающимися съ *р*: ц.-слав. и др.-русск. *без-д-разума* (=безъ разума), *из-д-ржкъ* (=изъ рукъ), *из-д-рѣшти*, *раз-д-рушити*, *раз-д-рѣшити* и т. п. (*из-ржкы* С. Пс. 104, разрушение Мар. Ев. 21—новообразованія). Необходимо имѣть въ виду, что сочетаніе *зр*, явившееся на общеславянской почвѣ послѣ перестановки плавныхъ, не имѣетъ вставочнаго *д*: ц.-сл. *зр*акъ, при-*зр*акъ, у-*зр*ачиѥ (др.-русск у-зорочьѥ).— Постоянно встрѣчающееся въ церковно-славянскихъ и древне-русскихъ памятникахъ Из*др*аиль Ἰσραήλ получило свое *д* уже въ церк.-славянскомъ языкѣ, вѣроятно, по аналогіи съ раз*др*ушити и т. п.

Къ числу неорганическихъ согласныхъ въ серединѣ словъ не слѣдуетъ относить *д* въ ц.-слав. и др.-русск. но*зд*ри (при носъ и лит. nasrai) и мя*зд*ра (сравн. мясо). Этотъ звукъ принадлежитъ суффиксамъ и находится въ такихъ словахъ, гдѣ о вставкѣ его не можетъ быть рѣчи: въ бе-*д*ро (сравн. корень лат. fe-mur, fe-men), русск. пуз-*д*ро при пузо, кѫ-*д*рь (сравн. родственные суффиксы греч. -θρον, лат. -*br*um, изъ обще-индо-европ. -*dh*ram). Слав. мя*зд*ра, кромѣ окончанія, въ звуковомъ отношеніи тожественно съ лат. mem*br*um (изъ memz-*br*um).

Исчезновеніе начальныхъ согласныхъ. Согласный *j*, находившійся передъ *а*, *ѣ*, *у*, *ѫ* въ началѣ словъ, въ обще-славянскомъ языкѣ во многихъ случаяхъ (но не всегда) исчезъ, безразлично, былъ ли это древній *j*, или образовавшійся на общеславянской почвѣ.

Опущеніе *j* передъ *а* встрѣчается почти исключительно въ церковно-славянскомъ языкѣ (а вмѣстѣ съ нимъ и въ ново-болгарскомъ). Мы имѣемъ ц.-сл. *а*кы, *а*мо, изъ *ja*кы, *ja*мо и рядомъ съ *я*кы, *я*ко, *я*мо и т. п.; ц.-сл. *аз*ъ, изъ *jaз*ъ и рядомъ съ *яз*ъ (*нз*ъ Мар. Ев.), др.-р. *язъ*; ц.-сл. *а*ице, *а*вити, *а*гньць, *а*года, изъ *ja-* и рядомъ съ *я-*. Но также мы имѣемъ др.-р. (обычное въ Лаврент. сп. лѣт.) и кашебск. *а*ко = *я*ко, сербск. *а*ко (если), чешск. vajce изъ *aj*ce = яйце.

Опущеніе *j* передъ *ѣ* совершилось въ обще-славянскомъ языкѣ въ огромномъ количествѣ случаевъ (наименьшее количество ихъ имѣлъ церковно-славянскій языкъ): ц.-сл. и русск. *ѣ*-дж, *ѣ*-хати, изъ *jѣ-*, рядомъ съ ц.-сл. *ядж*, *я*хати (сравн. лит. *jo*-ti); *ѣ*мь, изъ *jѣ*мь,

рядомъ съ ц.-сл. ямь, русск. ядъ, ясли; ѣзва, изъ jѣзва, рядомъ съ язва.

Опущеніе *j* передъ *у* особенно распространено въ церковно-славянскомъ и русскомъ яз.: ц.-слав. и др.-русск. *у*, *у*-же, польск. обл. *už*, чешско-словацк. *už*, изъ *ю* и рядомъ съ ц.-слав. *ю*, сербск. *jур*, польск. *juž*, при литовск. *jau*; *унъ*, изъ *юнъ* и рядомъ съ *юнъ*, при лат. *juvenis*, лит. *jaunas*; *утро*, изъ *ютро*, рядомъ съ ц.-сл. *ютро*, сербск. *jутро*, пол. *jutro*; русск. *уха*, рядомъ съ сербск. *jуха*, польск. *jucha*, при санскр. *jušas* уха, лат. *jus*, лит. *jušė*.

Опущеніе *j* передъ ѧ мы знаемъ только въ одномъ достовѣрномъ примѣрѣ: ц.-сл. ѫду (между проч. Остром. Ев. 85), изъ *jѫду*, рядомъ съ ѭду (корень тотъ же, что въ мѣстоименіи *и*, въ *яко* и др.); но трудно сомнѣваться въ томъ, что это явленіе было значительно распространено.

Время опущенія *j* (по крайней мѣрѣ передъ *ѣ*) можно опредѣлить приблизительно: оно произошло тогда, когда группа *jѣ* еще не перешла въ *ja*, и потому при опущеніи *j* передъ *ѣ* получился *ѣ*, а не *а*.

Согласный *в*, находившійся передъ *о* въ обще-славянскомъ *оса* (сравн. лит. *vapsa*), также исчезъ изъ произношенія, и это слово во всѣхъ славянскихъ языкахъ обыкновенно начинается съ *о*.

Исчезновеніе конечныхъ согласныхъ. Всѣ согласные, находившіеся въ концѣ словъ и не вошедшіе, подобно *м* и *н*, въ составъ носовыхъ гласныхъ, въ одну изъ эпохъ обще-славянскаго періода (едва ли въ очень древнюю) исчезли изъ произношенія, и такимъ образомъ всѣ слова обще-славянскаго языка стали оканчиваться на чистые или носовые гласные: ц.-слав. и др.-русск. вълкъ стало оканчиваться на *ъ*, вмѣсто *с* (вълкъ*с*), сравн. санскр. vṛkas (волкъ, им. ед.), греч. λύκος, лат. lupus, лит. vilkas; ц.-слав. и др.-русск. небо— на *о* вмѣсто *с* (небо*с*), сравн. санскр. nabhas (небо, им.-вин. ед. ср. р.), греч. νέφος, лат. genus; ц.-слав. и др.-русск. небесе (род.) — на *е* вмѣсто *с* (небесе*с*), сравн. санскр. nabhasas (род. ед.), греч. νέφε(σ)ος, лат. generis; ц.-слав. и др.-русск. веде (2 и 3 л. ед. аор.) — на *е*, вмѣсто *с* и *т* (веде*с*, веде*т*), срв. санскр. abharas, abharat (имперфектъ, 2 и 3 л. ед., = нёсъ), греч. ἔφερες, лат. ferebas, ferebat; ц.-слав. и др.-русск. ѥ (3 л. ед. наст. вр. отъ ѥсмь)— на *е* вмѣсто *ст*,

сравн. лат. *est*; др.-русск. *я* (при ц.-слав. *азъ*, др.-русск. *язъ*)—на *а* вмѣсто *з* (=*яз), сравн. лит. *až*, лотышск. *ez*.

Но нѣсколько словъ обще-славянскаго языка сохранили свои конечные согласные. Это — предлоги *без*, *въз*, *из*, употребляющіеся постоянно въ самой тѣсной связи со слѣдующими за ними именами и мѣстоименіями и составляющіе какъ бы часть этихъ послѣднихъ; въ нихъ мы нерѣдко находимъ ихъ конечный согласный ассимилированнымъ съ начальнымъ согласнымъ слѣдующаго слова: сверхъ того, древне-русскія нотныя книги въ огромномъ большинствѣ случаевъ пишутъ ихъ безъ *ъ*: *из* истьлѣнія, *из* устъ, *из* утробы, *из* гроба, *без* мужа, *бес* печали. Родственные языки показываютъ, что отсутствіе въ этихъ предлогахъ *ъ*-ра исконно: сравн. *без* съ лотышск. *bez* (литовск. *be* соотвѣтствуетъ нашему *бе*: *бе* грѣха Свят. Сб. 1073 г. 57; *бе*-успѣшьна др.-р. Слова Григор. Бог. XI в. стр. 190; *бе* раздѣленія др.-р. Слова Кирилла Іерус. XI—XII в. 40; *бе* псалтырьнаго пѣнія др.-р. Уставъ церк. XII в. Син. Б. N 330, 5 об.); *въз* — съ лит. *už*, лотышск. *uz*; *из* — съ лит. *iš*. Впрочемъ, рядомъ съ *без*, *из* мы встрѣчаемъ изрѣдка также *безъ*, *изъ* (почти исключительно при слѣдующемъ словѣ съ начальнымъ твердымъ гласнымъ), какъ въ церковно-славянскихъ памятникахъ: безъ осжденіѣ, изъ основаніѣ С. Тр. 30, 100, безъ отьца Супр. р. 7, такъ и въ древне-русскихъ нотныхъ книгахъ: безъ отьца, безъ огня Стихирарь ок. 1163 г. 14, 30 об., изъ утробы, безъ очию Тріодь Саввина до 1226 г. 163, 164. Сверхъ того, встрѣчается даже *безо*, *изо* (при слѣдующемъ словѣ съ начальнымъ *о*): безо отьца, изо облака Зогр. Ев. 13, 101; безо отьца, изо обоѥ др.-р. Слова Григор. Бог. XI в. стр. 111, 115; изо олтаря Сказ. о Бор. и Гл. по сп. XII в. 11 об. Здѣсь *о*, вѣроятно, изъ *ъ*, слѣдствіе ассимиляціи *ъ* съ *о* (хотя мы постоянно читаемъ: въ оно врѣмѧ, въ отьца, къ отьцю и т. п., а не *во* оно...).

Если эти предлоги, имѣющіе извѣстную долю самостоятельности въ рѣчи, сохраняютъ свой конечный согласный, то конечно, они сохраняютъ его и тогда, когда употребляются въ значеніи префиксовъ. Здѣсь имъ слѣдуютъ также другіе префиксы: ц.-слав. раз-, от-, об- (др.-русск. нотныя книги: избавити, изволивъ, изгънанъ, излияти, изнуривъ, възвратити, въздьржаніѥ, безгрѣшьнъ, разбоиникъ, распяти, отрокъ, обнаженъ, обновити, облакъ, облѣкѫ, обрѣсти, обрящю).

Во ерѣшіѣ ѧ. писано б (поп.)ко

Впрочемъ надо замѣтить, что предлоги-префиксы отъ и объ нерѣдко имѣютъ ъ: отъвѣща Остр. Ев. (всегда съ ъ, при *от*врьзохъ и т. п. почти всегда безъ ъ), отъстѫпати Остр. Ев. (чаще, чѣмъ ост-), отъѧти Асс. Ев. 168, Остр. 269 об., объимъ Остр. и др. Рядомъ съ отъ и объ встрѣчаются от*и*-, объ-, об*и*-: об*и*-ходъ, об*и*ходити С. Тр. 162, Богословіе Іо. Дам. XII в. 152. Конечный ъ въ объ, отъ, вѣроятно, ведетъ начало изъ древности (такъ что *от* и *отъ* въ обще-славянскомъ языкѣ равно древни: срв. лит. at- и ata- от-); что же до ъ въ безъ, изъ и пр., то оно едва ли не возникло на славянской почвѣ, прежде всего вслѣдствіе стеченія согласныхъ и отсутствія ассимиляціи между ними.

Предлогъ-префиксъ ц.-слав. чрѣсъ, др.-русск. чересъ (въ древности всегда съ *с*) въ памятникахъ церковно-славянскаго языка обыкновенно пишется съ ъ.

Что до предоговъ-префиксовъ *съ*, *въ* (рядомъ съ *сѫ*- въ *сѫ*сѣдъ и т. п., лит. s*an*-, и съ ѫ- въ ѫдолъ и т. п.), то они въ древности оканчивались на *н*, который въ однихъ случаяхъ исчезъ, въ другихъ — вошелъ въ составъ носоваго гласнаго, въ третьихъ — сохранился. Его мы видимъ въ сочетаніяхъ этихъ предоговъ-префиксовъ съ мѣстоименіемъ *и* и вообще съ словами, начинающимися гласнымъ, особенно мягкимъ, или j: съ*н*-имь (твор. ед. отъ *и*), съ*н*-имати, съ*н*-орити (др.-р. Слова Кирилла Іерус. XI—XII в. 50 об.); въ*н*-ь (вин. ед.), въ*н*-емь (мѣстн. ед.), въ*н*-уші = въ уши (вин. дв., Син. Пс. 28), въ*н*-ихъ же рѫку (С. Пс. 49), въ*н*-ѣго любъви (Остр. Ев. 169), въ*н*-егда, въ*н*-имати, въ*н*-ущити и т. п. Это *н* мало по малу перешло въ сочетанія другихъ предоговъ-префиксовъ съ мѣстоименіями и глаголами, такъ что въ церковно-славянскихъ и древнерусскихъ памятникахъ мы находимъ: отъ-*н*-его, къ-*н*-ему, по-*н*-емь (мѣстн.), объ-*н*-емь, по-*н*-имати, до-*н*-ьдеже (рядомъ: до*и*деже), даже: скозѣ-*н*-ѧ (С. Тр. 83), има *н*-ихъ (Син. Пс. 23).

VI. Церковно-славянскія измѣненія звуковъ.

Здѣсь мы будемъ говорить о тѣхъ звуковыхъ измѣненіяхъ, которыя претерпѣлъ церковно-славянскій языкъ послѣ выдѣленія своего изъ обще-славянскаго языка и до перехода въ языкъ средне-болгарскій. Одни изъ нихъ совершились въ самомъ церковно-славянскомъ языкѣ; другія, по преимуществу новѣйшія, произошли въ отдѣльныхъ болгарскихъ говорахъ, которыми говорили писцы дошедшихъ до насъ церковно-славянскихъ памятниковъ. Часть церковно-славянскихъ звуковыхъ измѣненій имѣла мѣсто въ до-историческую эпоху, закончившуюся временемъ Кирилла и Меѳодія и ихъ ближайшихъ учениковъ; часть относится къ исторической эпохѣ, которая можетъ быть названа также эпохою послѣ-кирилло-меѳодіевскою. Она закончилась временемъ написанія извѣстныхъ намъ церковно-славянскихъ памятниковъ.

---

1. Измѣненія звуковъ въ до-историческую эпоху.

Звуки церковно-славянскаго языка до-исторической эпохи мало отличались отъ звуковъ эпохи исторической. Въ эту эпоху, вѣроятно, совершились:

исчезновеніе древнихъ долгихъ гласныхъ (древніе долгіе *а*, *у*, *ы* и др. стали произноситься по количеству одинаково съ древними краткими—*е*, *о*, ударяемыми *ъ*, *ь* и др.);

переходъ *ѧ* въ *а* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ (т. е. въ *я*): слова *дѧло*, *цѧлъ* и т. п., прежде имѣвшія открытое *е*, стали произноситься дяло, цялъ;

измѣненіе обще-славянскихъ носовыхъ *о* и *е* въ тѣ звуки, которые въ церковно-славянскихъ памятникахъ изображаются *ѫ* и *ѧ*;

измѣненіе обще-слав. *л*, тожественнаго или близкаго по качеству къ современному русско-польск. грубому *л* (*ł*),—въ среднее *л* (исторія славянскихъ языковъ, особенно чешскаго, показываетъ, что среднее *л* развилось въ нихъ изъ грубаго *л*);

исчезновеніе *j* въ серединѣ словъ всего чаще передъ *а* и ѫ: древнія има*j*амь, дѣла*j*ахъ, несѣ*j*ахъ (срв. современн. ново-болг. живѣяхъ, сербск. неси*j*ах) превратились въ имаамь, дѣлаахъ, несѣахъ; да*j*ати, сѣ*j*ати — въ даати, сѣати; добра*j*а (им. ед. женск., им.-вин. мн.)—въ добраа; гонени*j*а (род. ед.)—въ гонениа; женоѫ (твор.)—въ женоѫ и т. п.; срв. ново-болг. западн. оваа = овая, неалъ = пѣялъ, пѣлъ, живеалъ, даваатъ = даватъ, неа = неѫ и т. п. Исчезновеніе *j*-та не было обязательнымъ; поэтому, рядомъ съ даати, добраа, гонениа, мы находимъ въ церк.-славянскомъ языкѣ (равно какъ и въ ново-болгарскихъ западныхъ говорахъ) — нерѣдко даяти (даѧти), добрая (добраѧ), гонения (гонениѧ) и женоѫ; мы встрѣчаемъ изрѣдка даже видѣѧхъ, растѣѧхъ, бѣѧхъ и т. п. (Супрасл. р. 13, 19, 34; имаямь, имаѧмь и дѣлаяхъ, дѣлаѧхъ неизвѣстны). Сверхъ того, *j* долженъ былъ исчезнуть въ формахъ членныхъ прилагат. и мѣстоименій въ родѣ добра-*j*его, добру-*j*ему, добрѣ-*j*емь, добръ-*j*имь, добры-*j*имь.

Наконецъ, къ до-исторической эпохѣ могутъ относиться слѣдующіе случаи *ассимиляціи и стяженія гласныхъ*.

Группа *аје* (черезъ *ае*) перешла въ *аа*, откуда получилось одно *а*. Это имѣло мѣсто въ формахъ 1) род. ед. муж.-ср. р. членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій и 2) настоящаго времени глаголовъ на *ати*, особенно 3 л. ед.

Большая часть церк.-славянскихъ памятниковъ имѣетъ формы род. п. исключительно съ окончаніемъ *аго* (*ѧго*) или *ого*: добр*аго*, добр*ого*; такъ, Саввино Ев. имѣетъ формы род. на *ого*, Ассеманово и Остромирово Ев., Синайскій Требникъ, Супрасльская рук., Клоцовъ Сборникъ — на *аго* и—рѣдко—на *ого*, древне-русскія нотныя книги постоянно—на *аго*; въ стихотвореніи Константина Болгарскаго мы читаемъ: живѫщ*аго*. Но рядомъ съ этими окончаніями мы находимъ окончаніе *его*, не подвергшееся ассимиляціи: Зографское Ев. имѣетъ обыкновенно формы род. на *его* (добр*его*); они попадаются изрѣдка также въ Синайской Псалтыри, Маріинскомъ

Ев. (рядомъ съ формами на *ааго*) и нѣкоторыхъ средне-болгарскихъ памятникахъ (особенно часто въ Парижскомъ Стихирарѣ XIII в.).

Одна часть церк.-славянскихъ памятниковъ (и съ ними древне-русскія нотныя книги) совсѣмъ не знаетъ глагольныхъ формъ съ *аа* изъ *аје*; другая имѣетъ ихъ—исключительно 3 л. ед.—въ самомъ ограниченномъ количествѣ (Зографское, Саввино, Ассеманово Ев.): съконьч*аа*тъсѧ, подоб*аа*тъ, прѫж*аа*тъсѧ Зогр. 2, 100, 101; третья, напротивъ, богата подобными формами 3 л. ед. ч., изрѣдка формами 2 л. ед. и 2 л. множ. Это—Супрасльская рук. и Маріинское Ев.: умир*аа*тъ, съпрѣбыв*аа*тъ, подоб*аа*тъ Супр., събир*аа*тъ, разумѣв*аа*тъ, растач*аа*тъ Мар., прѣбыв*аа*ши Супр. 36, позна*аа*те, да*аа*те, гнѣв*аа*тесѧ Мар. (рядомъ формы на *аетъ* и т. п.). Отмѣтимъ въ Хиландарскихъ Листкахъ форму въста*аа*ши, въ Син. Псалтыри формы обладатъ, повѣда*аа*ші 43, 106. Можно было бы думать, что глагольныя формы на *аать* и т. п. отличаются отъ формъ на *аетъ* не присутствіемъ ассимиляціи *е* съ *а*, а глагольными суффиксами, и что въ формахъ на *аать* мы имѣемъ дѣло съ глаголами типа им*аа*мь, 3 л. ед. им*аа*тъ, если бы церковно-славянскіе памятники, тѣ, въ которыхъ часты формы въ родѣ събир*аа*тъ, не имѣли постоянно формъ глагола им*аа*мь со стяженіемъ звуковъ: имать (ни разу: им*аа*тъ), и если бы различіе звуковъ въ формахъ събир*аа*тъ и имать не указывало на различіе ихъ образованія.

Стяженіе *аа* (изъ *аја*) въ *а* обычно въ формахъ имперфекта и въ глаголѣ им*аа*мь. Церковно-слав. памятники (кромѣ Остромирова Ев.) имѣютъ имперфектъ и на *ахъ* (обыкновенно), и на *аахъ* (древне-русскія нотныя книги исключительно на *аахъ*), а глаголъ им*аа*мь постоянно, съ однимъ *а* (нотныя книги имѣютъ въ этомъ глаголѣ также постоянно одно *а*). Сравни въ ново-болгарскомъ яз. рядомъ: зн*аа*мъ и знамъ (знаю), вик*аа*тъ и викатъ (изъ викѫтъ, 3 л. мн.; Arch. f. sl. Ph. XIII, 544, 546).

Группа *ѣје* (черезъ *ѣе*) перешла въ *ѣѣ*, *ьа*, откуда *ѣ*. Это имѣло мѣсто въ формахъ 1) мѣстн. ед. муж.-ср. р. членныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій и 2) глаголовъ на *ѣти*.

Изъ церковно-слав. памятниковъ одна Супрасльская рук. имѣетъ очень часто формы мѣстн. ед. на *ѣѣмь*: на дрѣвѣ крьстьн*ѣѣмь* и т. п., и одно Ассеманово Ев. часто формы на *ѣамь*: друз*ѣамъ* и т. п. Остальные церк.-славянскіе памятники имѣютъ здѣсь окончаніе

или *ѣмъ* (Зогр., Остр., Мар. Ев., Син. Пс.), или *ѣмъ* (С. Тр.); нотныя книги—за самыми ничтожными исключеніями (Стихираръ Ак. Н. XII в.: о видим*ѣѣмь* 106 об.)—окончаніе *ѣмъ*.

Большая часть церк.-славянскихъ памятниковъ не знаетъ глагольныхъ формъна *ѣатъ* и т. п., но они нерѣдки въ Маріинскомъ Ев.: усп*ѣа*тъ, съблажн*ѣа*тъ (рядомъ съ формами на *ѣетъ*). Супрасльская рукоп. имѣетъ нѣсколько разъ форму 2 л. ед. *дѣѣши* 225, 227, 231, 232, 256; Маріинское Ев.—небольшое количество формъ 2 л. мн.: им*ѣа*те, ум*ѣа*те и т. п. Въ Зографскомъ Ев. мы находимъ: ицѣлѣтъ, напаѣтъ 94, 112, = *-ѣетъ*.

Сверхъ того, въ Маріинскомъ Ев. встрѣчается форма сравнител. степ. добр*ѣа* 61, 62, 99.

Стяженіе *ѣа* (изъ *ѣја*) въ *ѣ* обычно въ формахъ имперфекта; о немъ должно сказать то же, что сказано выше о стяженіи въ тѣхъ же формахъ *аа* въ *а*.

Группа *ије* перешла въ *ии*, откуда *и*, въ формахъ мѣстн. ед. муж.-ср. р. членныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій. Это *ии* мы видимъ сравнительно рѣдко: на послѣдьн*ии*мь мѣстѣ Зогр. 113, въ заутрьн*ии*мь съвѣтѣ С. Тр. 90 и т. п. Обыкновенное окончаніе мѣстн. ед. въ церковно-слав. памятникахъ и постоянное въ нотныхъ книгахъ—*имъ*.

Группа *ује* (черезъ *уе*) перешла въ *уу*, откуда *у*. Это имѣло мѣсто въ формахъ 1) дат. ед. муж.-ср. р. членныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій и 2) 3 л. ед. ч. настоящ. вр. глаголовъ на *овати*.

Одна часть церк.-славянскихъ памятниковъ имѣетъ формы дат. ед. съ окончаніями *ууму* (*юуму*) и *уму* (*юму*): добр*ууму*, добруму; другая (Савв. Ев., Син. Тр., Клоц. Сб.)—только съ окончаніемъ *уму*; древне-русскія нотныя книги знаютъ эти формы лишь съ окончаніемъ *ууму* (или съ его видоизмѣненіями — *уому*, *оому*); стихотвореніе Константина Болгарскаго имѣетъ рядомъ: просл*ш*ту*уму* и прѣсвѣ*туму*. Только Зографское Ев. обыкновенно употребляетъ формы на *уему*: добр*уему*, да такія же формы изрѣдка встрѣчаются въ Син. Псалтыри и Маріинскомъ Ев.

Одно Маріинское Ев. имѣетъ нѣсколько формъ 3 л. ед. на *ууть*: вѣр*ууть*, трѣб*ууть*, рад*ууть*ся.

Стяженіе *ыји* (черезъ *ыи*) въ *ы* и *ији* (черезъ *ии*) въ *и* произошло въ значительномъ количествѣ случаевъ въ формахъ им.-вин. ед. муж. р., твор. ед. муж.-ср. р., дат.-тв. дв., род., дат., тв., мѣстн. мн. членныхъ прилагательныхъ и мѣстоименій, а также въ рядѣ другихъ именныхъ и мѣстоименныхъ формъ, въ формахъ повелит. накл. и т. п.

Формы им.-вин. ед. муж. въ родѣ мѫдры, пръвы, крѣпли мене Зогр., чи естъ сынъ Мар. въ церковно-славянскихъ памятникахъ нерѣдки; изъ нихъ нѣкоторые (Савв. и Мар. Ев., С. Тр.) имѣютъ ихъ очень часто. Рядомъ съ ними мы находимъ въ церк.-славянскихъ памятникахъ формы на *ыи* и *ии* (добрыи), *ъи* и *ьи* (добрьи), *ои* и *еи* (доброи). Нотныя книги и стихотвореніе Константина Болгарскаго не знаютъ формъ на *ы* и *и*.

Формы тв. ед., дат.-тв. дв. и другихъ падежей въ родѣ добрымь, добрыхъ, крѣпльшимь — въ церк.-славянскихъ памятникахъ явленіе обычное; рядомъ съ ними, то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ, въ тѣхъ же памятникахъ находятся формы на *ыимъ* (добрыимь), *ъимъ* (добрьимь), *иимъ* (крѣпльшиимь) и т. п. Нотныя книги знаютъ только не стяженныя формы — на *ыимъ* и т. д. У Константина Болг. при трехъ формахъ безъ стяженія: видимыимъ, невидимыимъ, живѫштиимъ, мы видимъ одну со стяженіемъ: шестокрилатыхъ.

Формы въ родѣ: о вы = о выи Зогр. 63, умы = умыи (повелит. накл.) Зогр. 6, млъни (им. ед.) Зогр. 35, бали, сѫди Кл. Сб. 15, 22, въ орѫжі, братрі моеі (дат.) С. Пс. 174, 139, въ цьсарстви Л. Унд., о вьскрѣшени, на распѫтихъ Мар. 81, 15, убимъ (повел. н.) Мар. 77, уби (пов.) С. Пс. 122, чловѣкоубица Зогр. 152, убица Мар. 78, примѫ С. Пс., особенно: приде = прииде, — нерѣдки въ церк.-слав. памятникахъ и находятся въ нихъ рядомъ съ формами безъ стяженія, съ сохраненіемъ *ыи* (*ъи*), *ии* (*ьи*). Несомнѣнно, они получили начало прежде, чѣмъ произошло исчезновеніе *ъ*, *ь* и *и*, т. е. прежде, чѣмъ явились формы мы*ј*, уби*ј*ца и т. п. Нотныя книги знаютъ стяженіе только въ глаголѣ придѫ, который въ нихъ пишется всегда съ однимъ *и*.

Сравни ново-болгарскія и сербскія формы им. ед. членныхъ прилагательныхъ въ родѣ добри (*и* изъ *ы*), злати, вели, сербск. формы род. мн. въ родѣ речи (= рѣчей) и т. п.

Наконецъ, къ кирилло-меѳодіевской эпохѣ могутъ относиться слѣдующія явленія въ заимствованныхъ изъ греческаго яз. словахъ:

вставка глухаго (ъ или ь) между двумя согласными: анъгелъ, псалъмъ (откуда позже псаломъ), псалътырь, Капернаумъ. Въ древнерусскихъ нотныхъ книгахъ эти ъ и ь имѣютъ надъ собою нотные знаки: Вакъхъ, Тарѣхъ, Викъторъ, талантъ Стихирарь XII в. Акад. Н. 30 об., 32, 49, 68, и т. п.;

переходъ *о* въ *е* подъ вліяніемъ *j*: Иєрданъ Ἰορδάνης, Иєвъ Ἰώβ (согласный *j* здѣсь и въ Ияковъ, Июда, точно также какъ *з* въ Измаилъ, *г* въ аллилуи, Евга Εὔα и др., вѣроятно, перешелъ въ церк.-славянскій яз. изъ греческаго);

переходъ *е* въ *о* послѣ *е*, *ѣ* подъ вліяніемъ отсутствія *j*: геона γέεννα, Виѳлеомъ Βηθλεέμ. Съ этимъ переходомъ находится въ связи то обстоятельство, что слова въ родѣ архиерѣи, июдеи въ церк.-славянскихъ памятникахъ обыкновенно имѣютъ формы твор. ед., дат.-тв. дв., дат. мн. съ окончаніями формъ твердаго склоненія: архиерѣомъ и т. п. (также прилагат. архиерѣовъ, дат. ед. архиерѣови; срв. род. дв. архіереу Acc. и др.).

---

2. Измѣненія звуковъ въ историческую эпоху.

Исчезновеніе глухихъ гласныхъ. Глухія ъ и ь, а также чистое *и*, въ кирилло-меѳодіевскую эпоху сохраняли гласное произношеніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они слышались въ обще-славянскомъ языкѣ.

Эпоха послѣ-кирилло-меѳодіевская началась исчезновеніемъ глухихъ и *и* въ концѣ и серединѣ словъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они были безъ ударенія и гдѣ стеченіе согласныхъ не требовало сохраненія между ними гласнаго. Такимъ образомъ исчезли ъ въ богъ, мъножь, ь въ конь, вьсе, *и* въ мои и т. п. и приведенныя слова стали звучать бог, множ, кон', все, мој. Сверхъ исчезновенія неударяемыхъ глухихъ и *и*, кое-гдѣ исчезли глухіе и *и* ударяемые: въ формахъ им.-вин. ед. въ родѣ бъдръ (срв. лит. budrùs), мѣстн. ед. въ родѣ сынъхъ (ср. лит. sunúsè), томъ (срв. лит. tamè), въ им. ед. муж. р. мои (срв. ударенія въ русск. им. ед. женск. и ср. р. моя́, мое́). Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ большаго

это исчезновеніе бе[illegible]

числа формъ лишившихся неударяемаго глухаго или *и* на немногія однородныя формы съ ударяемымъ глухимъ или *и*. Впрочемъ нѣсколько словъ, благодаря особымъ условіямъ, нѣкоторое время, кажется, сохраняли конечные ударяемые глухіе; это — мѣстоименіе *вьсь* и существительныя *вьсь* и *дьнь*. Мы читаемъ: *всь* миръ, *всь* градъ, *всь* народъ, съборъ *всь* Савв. Ев. 2, 16, 39, 87 и т. п., *всь* миръ Зогр. 19 и т. п., въ *всь* Савв. 85, Зогр. 102 и т. п., въ прочи *д'нь*, на в'сѣкъ *д'нь* Зогр. 101, 105 и т. п. Сверхъ того, глухіе въ концѣ словъ сохранились (или перешли въ чистые), когда за словами слѣдовали мѣстоименія *тъ*, *сь*, *и*, т. е. въ случаяхъ въ родѣ рабъ-тъ, рабъ-сь, видитъ-и.

Въ то время, къ которому относятся дошедшіе до насъ церковнославянскіе памятники, *ъ*, *ь* и *и*-какъ гласные звуки уже очень часто не существовали. Всѣ памятники имѣютъ нѣкоторое количество словъ съ опущеніемъ *ъ* и *ь* (*и* обыкновенно сохраняется, но означаетъ *j* и потому не составляетъ слога), но въ однихъ памятникахъ это опущеніе встрѣчается рѣже (въ Зогр., Савв. Ев., особенно въ Остр. Ев.), въ другихъ очень часто (особенно въ Асс. Ев.). Если мы возьмемъ Зографское Ев., то въ самомъ началѣ его найдемъ: съкончати вм. съконьч-, всѣкѫ вм. вьс-, о всемь вм. о вьс-, колми, пщѣтесѧ, никто же, многа, колиждо, мѧкка, псано, оправдисѧ и др. Въ Ассемановомъ Ев. мы читаемъ, рядомъ съ многочисленными случаями отсутствія *ъ* и *ь* въ родѣ съказаетсѧ, все,—также случаи въ родѣ: сих ли не вѣси 6, градѫт кь нему 8, чьтѫт сына, правъденъ естъ, градет година, імат животъ 11, Моси даст вам хлѣб с небесе 16, кръв моѭ 19. Кромѣ того, изъ тѣхъ *ъ* и *ь*, которыя мы видимъ въ памятникахъ, конечно, многія не означаютъ уже никакого звука. Такъ, въ мѫножѭ, рядомъ съ множѭ, или въ вьсе, рядомъ съ все, *ъ* и *ь* — буквы, лишенныя всякаго звуковаго значенія, которыя перешли въ церк.-слав. памятники изъ ихъ древнихъ оригиналовъ, написанныхъ еще тогда, когда *ъ* и *ь* означали звуки.

Понятно, если *ъ* и *ь* нерѣдко были только буквами безъ всякаго значенія, писцы могли ставить ихъ тамъ, гдѣ звуки *ъ* и *ь* никогда не слышались. Такое *ъ* мы не разъ находимъ въ Зографскомъ Ев. и другихъ памятникахъ въ словѣ сѫребро (нотныя книги всегда: сребро, безъ *ъ* или *ь* послѣ *с*); здѣсь мы имѣемъ дѣло едва ли не съ попыткою писцовъ осмыслить это слово; такія же *ъ* и *ь* мы нахо-

*) Звукъ и исчезъ, но остался знакъ,

димъ въ алъкати, въ когъда, вънегъда, осъновалъ С. Пс. 3, 9, 108, 281, вьскрьсъноть Савв. 36 и т. п.

Переходъ глухихъ въ чистые. Значительное количество словъ церк.-слав. языка имѣло по два глухихъ или глухой и *и* въ слѣдующихъ одинъ за другимъ слогахъ: сънъ, вънъ, вьсь, сильнъ, вѣрьнъ, шьдъ, живъ*и* и т. п. Исчезновеніе глухаго или *и* во второмъ (послѣдующемъ) слогѣ повело къ проясненію глухаго въ первомъ слогѣ и къ переходу его въ соотвѣтствующій чистый, т. е. къ переходу ъ въ *о*, ь въ *е*; так. обр. сънъ превратилось въ сон (пишется въ памятникахъ по традиціи — сонъ), вьсь въ вес' (пишется по традиціи — весь или весъ), сильнъ въ силен, живъ*и* = живь*ји* (им. ед.) въ живој. Примѣры: праведъныѫ, сѫщець, темьницѫ, бѣсенъ, подобенъ Зогр. Ев.; крѣпокъ, пѣсокъ, сонъмомъ (дат.), ложь, правьденъ, буренъ, непорочень, честьѫ, конецъ, телець, морескъ, денъ (им.-вин.), весъ, сънемъ Син. Пс.

Можно отмѣтить, между прочимъ, слѣдующіе случаи перехода глухихъ въ чистые:

въ префиксахъ и предлогахъ: вонъми (изъ вънъми), возъвахъ (изъ възъвахъ), солъгашѫ, во спасенье (изъ въ сън-), во съмрѣти, подо мноѫ, прѣдо мноѫ, ото вьсѣхъ Син. Пс., во тъ часъ Мар. Ев. и т. п.; въ послѣднихъ примѣрахъ *о* изъ ъ принадлежитъ предлогу, а исчезновеніе глухаго произошло въ началѣ слѣдующаго слова;

въ формахъ им.-вин. ед. существительныхъ съ мѣстоименіями *тъ* и *съ*: дне-сь, родо-сь, позоро-сь Зогр. 5, 35, 133, ученіко-тъ, народо-сь, образо-сь Асс. 39, 40, 57 и т. п.; здѣсь конечный глухой существительнаго перешелъ въ чистый подъ вліяніемъ исчезновенія ъ или ь въ мѣстоименіи;

въ формахъ им.-вин. ед. муж. р. прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій, по преимуществу членныхъ: огнь негашѫштеі, вѣкъ граджштеи Зогр. 64, 65, грѣшьноі, нечъстивоі, прѣподобъноі, лѫкавоі, истръгоі (прич.), изведоі, създавоі, вышьнеі, ніщеі, велеи и т. п. Син. Пс.; въ Син. Требникѣ всѣ формы им. ед. причастій прошедшаго времени, кромѣ одной, оканчиваются на *еи*: явлеи;

въ формахъ род. мн. существительныхъ: людеі, печалеи, плътеи, скрѣбеи, съвѣдѣтеи, знаменсі, спасенсі Син. Пс., дѣтеі, врачеі, треі Асс. 52, 144, 41;

въ формахъ 3-го л. ед. и мн. ч. наст. вр. и 3-го л. ед. аориста въ соединеніи съ мѣстоименіями *и* (вин. п.) и *съ* (имен.): съмѣрито-*и*, избавито-*и*, спасето-*и*, въсхвалѧто-*и*, поѧто-*и* Син. Пс. 16, 40, 143, 175; лежито-*сь* Асс. 159;

въ формахъ 1-го л. ед.: прѣдаме-*и* Мар. Ев. 48;

въ формахъ 1-го л. мн.: убіѣмо-*и* Асс. 58; пожрѣхомо-*и* Син. Пс. 72.

Кромѣ этихъ случаевъ, замѣчательно употребленіе *е* вм. *ъ* въ формахъ косвенныхъ падежей мн. ч. причастій: посълавъшеимъ, глаголѧштеихъ Зогр., искѧштеіхъ, съгрѣшаѧштеімъ С. Пс., ѣдшеимъ, понесъшеимъ Мар.; рядомъ съ подобными формами съ *е* вм. *ъ* (срв. величающьимъ др.-р. Путятина Минея XI в. 100 об.), въ древнѣйшихъ русскихъ спискахъ съ церковно-славянскихъ оригиналовъ — въ Евгеніевой Псалтыри, въ Путятиной Минеѣ XI в. и т. п. — мы находимъ формы съ *о* вм. *ъ* въ родѣ вѣрьноимъ Пут. Мин. 54; это показываетъ, что *е* формъ косвенныхъ падежей или образовалось изъ *ъ*, такъ что ѣдшеимъ=ѣдшеjмъ, ѣдшеймъ, или — скорѣе — перешло въ эти формы изъ другихъ формъ (вин. ед. на *ей* или им. мн. на *еи*). Сравни форму мѣстн. мн. каменеихъ Мар. Ев. 42 (отъ каменьѥ?) и другую странную ф. того же над. людеіхъ Зогр. 159 (рядомъ: на съборищиихъ Остр. Ев. 80).

Наконецъ можно отмѣтить *о* и *е* въ во-інѫ (= выну) Син. Пс. 72 и въ заимствованныхъ словахъ: пьсаломъ, пъсаломъ, Таверъ С. Пс. 20, 159, 197, Петеръ Асс. 175, Павелъ Кл. Сб. 8 и др., оцетъ С. Тр. 92.

Переходъ *ъ* въ *е* въ нѣсколькихъ случаяхъ послужилъ причиною замѣны *и* черезъ *е*. Глаголъ *имѫ* съ родственными словами въ общеславянскую эпоху имѣлъ *и* въ корнѣ (изъ *jъ*), если передъ корнемъ (въ префиксѣ) не было согласнаго, и *ъ*, если передъ корнемъ былъ согласный: *имѫ*, *имъше*, *приимѫ*, *заимодавьць* и *възьмѫ*, *възьмъ*, *сънѣмъ*. Этотъ *ъ* иногда перешелъ въ *е* и так. обр. получилось *вземъ*, *снемъ*. Послѣднія слова передали свое *е* тѣмъ словамъ того же корня, въ которыхъ былъ гласный *и*, вслѣдствіе чего явились слова *ѥмъше* Супр. 29, *поемы-и* (прич.) Мар. 143, *приемъ* (прич.), *наемъникъ*, богопріемца Асс. 4, 8, 78, 85, 160, *заемодавьць* С. Пс. 246, *лихоемьство* 267, даже: *емати* Савв. Ев. 27, *пріемати* Асс. 8, *прииѥмаста* Супр. р. 335 (въ тѣхъ же памятникахъ: *имъше*, *наимьникъ*

и т. п.). Точно также суффиксъ *инъ* (съ *и* изъ *jь*) употреблялся рядомъ съ суфф. *ьнъ*: достоинъ, гноинъ и т. п.—сильнъ, бурьнъ и т. п. Звукъ *е*, образовавшійся въ силенъ и друг., былъ переданъ этими словами словамъ въ родѣ достоинъ, и въ послѣднихъ стало слышаться *е*: недостоенъ С. Тр. 127 и др.

Цѣлый рядъ церк.-слав. словъ и формъ звучалъ то съ *ь*, то съ *и*: явленьıе и явлениıе, людьи и людии. Понятно, чистый, образовавшійся въ словахъ съ *ь* вслѣдствіе исчезновенія этого *ь*, явился въ тѣхъ же словахъ и тогда, когда въ нихъ было *и* и когда въ нихъ не могло имѣть мѣста исчезновеніе глухаго. Напримѣръ, *е* развилось изъ *ь* въ цѣсарествьıе, безденьıе; оно перешло изъ этихъ словъ въ ихъ варіанты съ окончаніемъ *-иıе*: цѣсарествиıе, безденияя Супр. р. 14, 57, и т. п.

Другой рядъ церк.-слав. словъ звучалъ въ однихъ формахъ съ *о*, *е* изъ *ъ*, *ь*, въ другихъ безъ этихъ звуковъ, съ опущеніемъ нѣкогда существовавшихъ здѣсь *ъ*, *ь*: любовь, изъ любъвь, и любве, любви и т. д., изъ любъве. Послѣднія формы въ церк.-слав. языкѣ эпохи памятниковъ (какъ и въ современномъ русскомъ языкѣ) подверглись вліянію первыхъ формъ и приняли въ себя изъ нихъ *о*, *е*; такимъ образомъ мы читаемъ: пришелецъ Ассем. Ев. 3 (*е* перешло изъ пришельца), конеца С. Пс. 149 (*е* перешло изъ конець), смокови, любови С. Тр. 64, 195 (сравн. русск. любови при любви).

Переходъ *ъ* въ *о* и *ь* въ *е*, кажется, не былъ обязательнымъ; по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ права сказать, что рядомъ съ сонъ, весь въ эпоху памятниковъ уже не существовало сънъ, въсь или въсь. Употребленіе въ памятникахъ *ъ* и *ь*, т. е. сънъ, въсь, конечно, ничего не доказываетъ: оно можетъ быть объясняемо какъ традиціонное; но *о* и *е* изъ *ъ* и *ь* — обычное явленіе въ современномъ болгарскомъ языкѣ, и ново-болгарскіе говоры, имѣющіе *о* и *е*: сонъ, весъ, чоляко-тъ, имѣютъ рядомъ съ ними и глухой: сънъ, въсъ, чолякъ-тъ.

Вѣроятно, въ связи съ переходомъ глухихъ въ чистые находится небольшое количество ошибокъ въ церк.-слав. памятникахъ, состоящихъ изъ употребленія *ъ*, *ь* вм. *о*, *е* или на оборотъ: приобрѣтъхъ, оцьть размѣшънъ Зогр. 37, 43, людьмъ помышлѣьщимъ Савв. 144, слъвеса, въстахъмъ С. Пс. 31, 37, імо = имъ (дат.) С. Пс. 226, подъбънж С. Тр. 82 и т. п.—Марко Асс. 89—не ошибка или описка,

а особое образованіе, развившееся подъ вліяніемъ уменьшительныхъ на *ко*; сравн. современн. русск. и сербск. Марко.

Образованіе плавныхъ гласныхъ. Обще-славянскія группы *ър, ъл, ър, ъл* + согласный въ кирилло-меѳодіевскую эпоху еще сохранялись, какъ показываютъ древне-русскіе кондакари, въ которыхъ ъ и ь нерѣдко повторяются (плавные гласные не могутъ повторяться). Въ послѣ-кирилло-меѳодіевскую эпоху, въ то время, когда церк.-слав. глухіе начали исчезать изъ произношенія, или даже нѣсколько раньше, названныя группы превратились въ плавные гласные: *ър, ър* — въ гласный *р*, *ъл, ьл* — въ гласный *л*, безразлично, находились ли они подъ удареніемъ, или были не ударяемыми. Эти плавные гласные стали обозначаться въ письмѣ черезъ *ръ, лъ* (рѣже *ръ, ль*), и этотъ способъ передачи ихъ сдѣлался настолько употребителенъ, что въ церковно-славянскихъ памятникахъ (кромѣ Остромирова Ев.) древнія *ър, ър* и пр. совсѣмъ не встрѣчаются (описки и т. п. не въ счетъ), и мы въ нихъ встрѣчаемъ постоянно *ръ, лъ*. Такимъ образомъ обще-слав. *гърдъ* превратилось въ *грдъ, грд* и стало изображаться черезъ *гръдъ*; обще-сл. *съмьртъ* дало *съмртъ, смрт'* и стало писаться *съмръть*, и т. д. Впрочемъ изрѣдка въ памятникахъ мы не находимъ при *р, л* буквы ъ или ь, т. е. видимъ написанія въ родѣ *съмрть*, которыя вполнѣ убѣждаютъ насъ въ томъ, что въ *гръдъ, съмръть* мы имѣемъ дѣло не съ плавными согласными + глухой, а съ плавными гласными, въ родѣ тѣхъ, какіе въ настоящее время слышатся во многихъ болгарскихъ говорахъ.

2) Обще-славянскія группы *ръ, ръ, лъ, ль* + согласный имѣли нѣсколько иную судьбу. Въ тѣхъ случаяхъ, когда за этими группами въ слѣдующихъ слогахъ были чистые гласные, *ръ, ръ, лъ, ль* образовали плавные гласные *р* и *л*; так. обр. дат. п. *кръви* сталъ звучать *крви*, дат. п. *плъти* сталъ звучать *плти*. Но въ другихъ случаяхъ, тамъ, гдѣ послѣ *ръ* и пр. былъ слогъ съ глухимъ или съ *и*, исчезнувшимъ изъ произношенія, *ръ* перешло въ *ро, ръ* въ *ре, лъ* въ *ло*. Так. обр. имен.-вин. ед. *кръвь, плътъ*, по исчезновеніи конечнаго ь, стали звучать *кров', плот'*. Примѣры: кровъ Син. Пс. 172 и др., поскрежьщетъ 76, 253, плоть 127 и др., слезъ (род. мн.) 84 и др., слезьна 179, углебъ 138 и т. п.

*) Написанія *ръ, лъ* — просто передача

Обще-славянск. группы *ъръ*, *ърь*, *ърь* и т. п. + согласный иногда (конечно, при удареніи на второмъ глухомъ) слѣдовали группамъ *ръ*, *рь* + согл. Мы читаемъ бренье С. Пс. 33, 140, С. Тр. 160, Мар. Ев. 353 и др. (при др.-русск. *бърьнье*, *бернье*). Но они могли давать также (при удареніи на первомъ глухомъ) *ор*, *ер* и т. п., даже *ero*: умеръшаѧ С. Тр. 23, умеръшими Кл. Сб. 21 и др., умерошъ (вин.) Мар. 221.

Употребленіе плавныхъ гласныхъ было настолько распространено въ церковно-славянскомъ языкѣ эпохи памятниковъ, что заимствованныя изъ греческаго слова съ группами: гласный + плавный согласный, или плавный + гласный, иногда получили вмѣсто этихъ группъ плавные гласные: грѣчьскы = γραικός Остр. Ев. 220 об., хрѣсти Остр. 145 об., Хрѣсти, Хрѣстови = Χριστός Мар. Ев. 170, 152, смрѣна σμύρνα С. Пс. 97, трѣпеза = τράπεζα Син. Пс. 168, трѣторъ, трѣторьскъ = τάρταρος С. Тр. 100, 94, 98, Хрѣсостомъ = Χρυσόστομος Кл. Сб. М. 10. Срв. ново-болг. трпезъ, търпезъ.

Церк.-слав. цѣръковь С. Пс. 176, цѣркъвь др.-р. Слова Григорія Бог., хрѣбетъ С. Пс. 32, 39, 141, 181, рядомъ съ црѣкы, хрѣбетъ, хребьта, не имѣютъ никакого отношенія къ переходу глухихъ въ чистые. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ древними явленіями, существовавшими рядомъ въ обще-славянскомъ языкѣ, какъ показываютъ словинск. *cirkva* (при сербск.-чакавск. *crikva*), моравск. *křibet*, верхнелуж. *khribjet*, польск. областн. *chrzybiec* (Wisła 1889 г. III, 743), и потому *и* въ цѣрковь, хрѣбетъ нельзя считать образовавшимся изъ *ъ* въ църкъвь, хръбътъ.

Отожествленіе ъ съ ѣ. Звуки *ѣ* и *ъ*, не перешедшіе въ *о* и *е*, въ эпоху памятниковъ въ большей части говоровъ церк.-слав. языка стали звучать тожественно; иначе говоря, *ъ* сдѣлался глухимъ звукомъ одного качества съ *ѣ*. Одни памятники (главнымъ образомъ Зографское Ев., отчасти Саввино Ев. и Супрасл. рук.) еще сохраняютъ по мѣстамъ традиціонное, послѣдовательное употребленіе *ѣ* и *ъ*, но другіе ихъ смѣшиваютъ. Такъ, Ассеманово Ев. не различаетъ *ѣ* и *ъ*, и мы въ немъ читаемъ много разъ *ъ* вм. *ѣ*: тъкьмо 2, тъжде 3, сътьника 14, къждо 104, вънъзі, сънъміштихъ 115, ученикъ-ть 120, зъль глаголъ 127 и т. п.; срв. кръвь, врътъпъ Зогр. 42, 67, възъмъ, пришъдъ Савв. 32, 34, козълъ Супр. 111 (при ко-

зелъ С. Пс. 105) и т. п. Листки Ундольскаго совсѣмъ не знаютъ ъ и въ нихъ вездѣ стоитъ ъ: вѣсъ миръ. Остромирово Ев., памятникъ русскаго происхожденія, въ большинствѣ случаевъ употребляетъ ъ и ъ по-русски.

Однимъ изъ слѣдствій отожествленія ъ съ ъ было то, что коегдѣ, вмѣсто *е* изъ древняго ъ, появилось *о*: врътопъ С. Пс. 118, С. Тр. 16 (при врѣтѣпъ Зогр. Ев., Мар. Ев.), сѫдобъ, род. мн., С. Пс. 102, 215, 265, 266, 275.

Впрочемъ должно имѣть въ виду, что глаголическая буква ъ чрезвычайно близка по виду къ глаголической буквѣ ъ и что эти буквы въ памятникахъ различаются съ большимъ трудомъ.

Измѣненія согласныхъ. Согласные, нѣкогда отдѣленные другъ отъ друга глухими, послѣ исчезновенія этихъ послѣднихъ соприкоснулись и оказали взаимное воздѣйствіе. Результатомъ его было прежде всего ихъ отвердѣніе и смягченіе.

Согласные мягкіе, соприкоснувшись съ послѣдующими согласными твердыми, во многихъ случаяхъ отвердѣли; на оборотъ, согласные твердые, соприкоснувшись съ послѣдующими мягкими, смягчились. Эти измѣненія отразились въ церк.-слав. памятникахъ, особенно въ Зографскомъ Ев., Саввиномъ Ев. и Супрасльской рук. (Остромирово Ев. не можетъ идти здѣсь въ счетъ), сохранившихъ остатки правописанія того времени, когда ъ и ъ еще различались. Такъ, въ Зографскомъ Ев., гдѣ твердость согласныхъ нерѣдко означается буквою ъ (не звукомъ), а мягкость буквою ь, мы читаемъ: гумѣно, правъдѫ, възмѫтъ 1, бѣсѣныѫ, правъды 2, мѣзда 3, распустѣныѫ 4, тьмѣно, тѣма, селѣныхъ 6, изѣмѫ, бръвѣно 7; въселисѫ, вѣзиде, кротъци 2, вънити 3, вѣзмати 4 и т. п. То же въ Супрасльской рук.: дарѣствуи 3, крестѣныимъ 4, подъстѣлавъ 5, съѣда 6; вѣпияхѫ 2, вѣзѫ 3, въ лице, съ ними 5 и т. п. Между прочимъ отвердѣніе согласнаго имѣло мѣсто въ словѣ вѣдова (ср. санскр. vidhavā-, лат. vidua), и оно является въ ц.-сл. памятникахъ постоянно въ видѣ вѣдова (но въ др.-русскихъ памятникахъ нерѣдко: вѣдова).

Сверхъ того, мы видимъ въ памятникахъ небольшое количество случаевъ полнаго измѣненія согласныхъ, а иногда также и опущенія. Это—бѣство Зогр. 71, Мар. 88, 169 и др., бѣсство Асс. 99, изъ бѣжьство, розьство Кл. Сб. 23, Мар. Ев. 48, изъ рожьство, невѣзьства

С. Пс. 46, изъ невѣ*ждь*ства, кънижьчиѫ Мар. 83, изъ кънижьч—, лекъка С. Тр., изъ льгъка, *ц*рьноризъцъ Супр. р. 90, изъ *чр*—(сравн. соврем. болг. *ц*рнъ, сербск. *ц*рни), *що* = *што* Супр. р., изъ *чьто*, *ц*ѣрьство С. Пс. 43, изъ *ц*ьсарьство (цьсарь, рядомъ съ цесарь, цьсарь, нерѣдко въ древне-русскихъ спискахъ съ ц.-слав. оригиналовъ; срв. ново-болг. *ц*аръ), а также: прѣстоѫі прѣдъ Богомь Зогр. 81, прѣстоѫщіимъ Асс. 83, прѣстоѫи прѣдъ Богомъ Мар. 191, прѣстоѫтъ С. Тр. 154 и т. п., изъ прѣдъст—. Должно замѣтить, что древне-русскія нотныя книги не знаютъ предлога-префикса прѣдъ безъ *ъ* и что въ нихъ формы въ родѣ прѣстояти вм. прѣдъстояти неизвѣстны.

Согласные мягкіе, сдѣлавшіеся послѣ исчезновенія глухихъ конечными звуками словъ, вѣроятно, во многихъ случаяхъ отвердѣли. Такимъ образомъ древнее дамь, имѣвшее мягкое *ь*, стало звучать дам, съ твердымъ *м*; древнее чьсть, съ мягкимъ *т*, стало звучать чест, съ твердымъ *т*, и т. д. Къ сожалѣнію, памятники не позволяютъ намъ съ точностью опредѣлить, въ какихъ именно случаяхъ согласные мягкіе въ концѣ словъ отвердѣли, но нельзя сомнѣваться въ томъ, что конечное мягкое *м* (въ формахъ твор. и мѣст. ед., 1 л. ед.) во время написанія такихъ памятниковъ, какъ Ассеманово Ев. и Син. Псалтырь, уже не существовало.

Кромѣ отвердѣнія въ концѣ словъ, многіе согласные мягкіе отвердѣли передъ гласными. Это 1) тѣ мягкіе, которые были результатомъ смягченія гортанныхъ и зубныхъ, и 2) плавные *л*, *р* и носовые *н*, *м*.

Шипящіе *ж*, *ч*, *ш* отвердѣли всего чаще передъ слѣдующимъ *а*, затѣмъ передъ *ѫ*, рѣдко передъ *у*; средне-болгарскій языкъ показываетъ, что въ послѣднюю эпоху существованія церковно-слав. языка группы *жѫ*, *чѫ*, *шѫ*, съ мягкими шипящими, еще могли существовать и въ это время перейти въ *жа*, *ча*, *ша*; так. обр. ц.-сл. *душѫ* могло перейти въ душа (вин. ед.). Группы *жо*, *чо*, *шо* (тѣмъ болѣе *жы*, *чы*, *шы*) въ церковно-слав. языкѣ были неизвѣстны, и мы встрѣчаемъ ихъ впервые уже въ средне-болгарскихъ памятникахъ: мънъ*шо*му, бывъ*шо*му (часто); *жы*ветъ, носи*шы* Слѣпченскій Апостолъ XII в. 14, 16 об.

Группы *жд* и *шт* отвердѣли въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ и шипящіе. Въ средне-болгарскомъ языкѣ мы также иногда встрѣчаемъ ви*жда*, хо*шта* (1 л. ед.) = ц.-сл. ви*ждѫ*, хо*штѫ*, съ мягкими *жд*, *шт*. Группы *ждо*, *што*, *жды*, *шты* (не изъ жьдо и т. д.) были неизвѣстны ц.-слав. языку, и мы встрѣчаемъ ихъ уже въ средне-болгарскихъ памятникахъ: ни*што*му, хота*што*му; свѣ*щы* Охридскій Апостолъ XII в. 16 об.

Свистящіе *s*, *з*, *с*, *ц* отвердѣли передъ *а*, *у* и ѫ. Послѣ *s*, *з*, *ц* изъ *г*, *к* мы иногда еще встрѣчаемъ—какъ архаизмъ—*ѣ* = *я* (хотя написанія въ родѣ кнаs*а*, кна*за*, род. ед.,—явленіе обычное), но послѣ *с* изъ *х*, въ случаяхъ въ родѣ насми*с*атисѧ,—*ѣ*, *я* въ памятникахъ совсѣмъ неизвѣстны. Группы s*у*, *зу*: пѣнѧs*у* Асс. 161, Мар. 70, пѣнѧ*зу* Зогр. 12 и т. п., — обычны; но группа *цу* — сравнительно рѣдка (обыкновенно: *цю*). Въ средне-болгарскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ иногда ѭѧ, трои*ца*, вин. ед., что̀ указываетъ на возможность сохраненія въ церковно-слав. языкѣ послѣдней эпохи нѣкотораго количества мягкихъ свистящихъ передъ ѫ, въ родѣ ѭѫ, трои*цѫ*.

Отвердѣніе мягкихъ, происшедшихъ изъ гортанныхъ и зубныхъ, должно было совершиться въ послѣднюю эпоху существованія церковно-славянскаго яз., какъ показываетъ присутствіе въ церк.-слав. памятникахъ древнихъ формъ склоненія словъ на *жь*, *чь*, *шь*, *жа*, *ча*, *ша*, *же*, *зь*, *ждь* и т. п.: формы съ отвердѣвшими согласными, въ родѣ кна*за*, кна*зу*, еще не успѣли ввести эти слова въ склоненіе твердыхъ основъ. Такъ, мы имѣемъ въ церк.-слав. памятникахъ формы род. ед. въ родѣ ѭѧ (не ѭ*зы*, какъ жены; исключеніе: ѭ*зы* С. Тр. 111), дат. ѭ*зи* (не ѭ*зѣ*), вин. мн. кнѧ*зѧ*, твор. мн. кнѧ*зи* (не кнѧ*зы*).

Кромѣ *с* изъ *х*, подверглось отвердѣнію также древнее *с* въ формахъ мѣстоименія *вьсь* и въ родственныхъ съ нимъ словахъ. Мы нерѣдко читаемъ въ ц.-слав. памятникахъ в*с*а (мн. ч. ср. р.), в*с*акъ, вс*ѫ* (м. проч. Зогр. Ев.)—рядомъ съ вс*я*—вс*ѣ*, вс*я*къ—вс*ѣ*къ, вс*ѫ*. Сверхъ того, въ Зографскомъ Ев. мы находимъ *с*аное 18 = *сѣ*ное=сѣяное (при *сѣ*вѣшюму Зогр., *сѣ*хъ, аор., Савв., *сѣ*ти С. Тр., не *сѣ*та нива Супр.).

Отвердѣніе плавныхъ *л* и *р* (т. е. переходъ мягкаго *л* въ среднее *л*) совершилося сравнительно въ небольшомъ количествѣ случаевъ. Твердое *л* вмѣсто мягкаго мы всего чаще находимъ передъ ѫ: люблѫ,

рѣдко передъ *а*, еще рѣже передъ *у*: помышл*аа*хѫ С. Пс. 71, на-сл*а*диші = наслѣдиши С. Пс. 184, прикл*у*чьшюсѧ Мар. 136. Твердое *р* встрѣчается несравненно чаще, особенно передъ ѫ, затѣмъ передъ *а* и *у*, а также въ концѣ словъ: мор*у* Савв. 21, твор*а*ста Супр. 18, бур*а* 57, Остр. Ев. 244 об., вр*а*мѧ=врѣмѧ С. Пс. 183 и т. п.

Конечно, написанія въ родѣ *ри*ба Савв. произносились съ твердымъ *р*, т. е.: рыба. Отвердѣніе *р* въ формахъ кес*а*ра, кес*а*ру и т. п. иногда повело къ переходу словъ мягкаго склоненія въ твердое; такъ, въ Маріинскомъ Ев. мы находимъ дат. кес*а*рови и прилагательное кес*а*ровъ 164.

Отвердѣніе носоваго *н* произошло также только въ нѣкоторыхъ говорахъ ц.-слав. языка, всего чаще передъ ѫ: съблажнѫ, гръдынѫ, рѣдко передъ *а*: съблажн*а*етъ Зогр. 4,—*аа*хѫ Мар. 135, ог*на*, род., С. Пс. 55. Отвердѣніе *м* очень рѣдко: сра*м*ѫсѧ = срамлѭсѧ Савв. 51.

Сравни ново-болг. кошу*ла*, зем*ла*, *луди*, *луба* (рядомъ съ кошу*ля* и пр.), отвор*ѫ*, говор*ѫ*, робин*ѫ* (рядомъ съ отвор*ѭ*, робин*ѭ*).

Наконецъ, въ концѣ исторической эпохи должно было совершиться то явленіе, которымъ закончилось существованіе церковно-славянскаго языка и началось существованіе языка средне-болгарскаго. Это—переходъ послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ съ одной стороны ѧ въ ѫ, съ другой—ѫ въ ѧ. Церковно-славянскіе памятники имѣютъ лишь незначительное количество случаевъ этого перехода (изъ которыхъ часть похожа на описки); мы ограничимся указаніемъ седмѭ (твор.) Зогр. 60, лѣжѫште Асс. 127, до душѫ С. Пс. 134, прокаженыѭ Кл. Сб. (Микл.) 18.

Ново-болгарскіе говоры нашего времени нерѣдко имѣютъ *е* (иногда носовое) на мѣстѣ ц.-слав. ѫ, ср.-болг. ѧ: макед. пае̨нкъ = ц.-сл. паѫкъ, ср.-б. пѧнкъ; гледае̨тъ, гледае̨шти = ц.-сл. гладаѫтъ, гладаѫшти, ср.-б. гладѧтъ, гладѧщи и т. п.

Изъ литературы предмета.

Амфилохій архим. О вліяніи греческой письменности на славянскую (Труды 1-го Археологическаго Съѣзда, т. II. М. 1871).—Бемъ. Историко-филологическое изслѣдованіе Супрасльской рукописи (Филологич. Записки 1869 г.).—Bergaigne. Du prétendu changement de *bh* en *m* en paléoslave, en lithuanien et en gothique (Mémoires de la Société de linguistique de Paris, II).—Böthlingk. Ein Paar Worte gegen die altslovenischen Wurzeln mit silbenbildenden *r* und *l* (Bulletin Акад. Наукъ, т. XXII, 1876 г.).—Бодуэнъ-де-Куртенэ. Глоттологическія (лингвистическія) Замѣтки. Выпускъ I. Воронежъ, 1877. — Подробная программа лекцій въ 1877—78 учебномъ году. Казань—Варшава, 1881.—Бодянскій. О времени происхожденія славянскихъ письменъ. М. 1855.—Bopp. Vergleichende Grammatik des Sanscrit, Send, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen. Dritte Ausgabe. Berlin, 1869—1871.—Брандтъ. Грамматическія замѣтки. Томъ I. Изд. 2-ое. Спб. 1886.—Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Три книги. Strassburg, 1886—1890.—Zur Frage nach den Verwandtschaftsverhältnissen der indogermanischen Sprachen (Techmer's International Zeitschrift für allgem. Sprachwiss., I).—Будде. Къ вопросу о надстрочныхъ знакахъ въ древне-славянскихъ и русскихъ рукописяхъ (Филологич. Записки 1887 г. № 5).—Будиловичъ. Начертаніе церковно-славянской грамматики, примѣнительно къ общей теоріи русскаго и другихъ родственныхъ языковъ. Варшава, 1883 (срв. Журн. М. Нар. Пр. 1883 г. № 5).—Бѣляевъ. Исторія алфавита и новое мнѣніе о происхожденіи глаголицы. Казань, 1886.—Vondrák. Zur Kritik der altslovenischen Denkmale. Wien, 1886.—Востоковъ. Разсужденіе о славянскомъ языкѣ (Труды Общ. любит. росс. словесности, ч. XVII, 1820 г. Перепечатано въ «Филологическихъ Наблюденіяхъ А. Х. Востокова», Спб. 1865). — Hassencamp. Ueber den Zusammenhang des letto-slavi-

schen und germanischen Sprachstammes. Leipzig, 1876.—Hattala. De contiguarum consonantium mutatione in linguis slavicis. Prag, 1865.—Гебауэръ. Etymologie von книга (Kuhn's Beiträge z. vergleich. Sprachforsch., VIII).—Geitler. Euchologium, glagolski spomenik manastira Sinai-brda. U Zagrebu, 1882.—Psalterium, glagolski spomenik manastira Sinai-brda. U Zagrebu, 1883 (срв. Arch. f. slav. Phil., VII; Listy filologické a paedagogické, XI; Филолог. Зап. 1885 г., вып. 3).—Starobulharská fonologie, ze stalým zřetelem k jazyku litevskému. V Praze, 1873. — Die albanesischen und slavischen Schriften. Wien, 1883.—Головачевскій. Ueber den Lautwerth des glagolitischen ъ (Arch. f. sl. Ph., IV).—Hübschmann. Das indogermanische Vocalsystem. Strassburg, 1885.—Даничић. Диоба словенских језика. Из лекција. У Биограду, 1874.—Ћићu istoriji slavenskih jezika (Rad Jugoslav. Akad., I).—Delbrück. Einleitung in das Sprachstudium. Zweite Auflage. Leipzig, 1884.—Dobrowsky. Institutiones linguae slavicae dialecti veteris. Vindobonae, 1822 (русскій переводъ: «Грамматика языка славянскаго по древнему нарѣчію», Спб. 1833—34).—Дювернуа. Система основныхъ элементовъ и формъ славянскихъ нарѣчій. М. 1872.—Zawiliński. O stosunku pokrewieństwa języków aryo-europejskych. W Krakowie, 1885.—Зеленецкій. О языкѣ церковно-славянскомъ, его началѣ, образователяхъ и историческихъ судьбахъ. Одесса, 1846. — Kirste. Zum slavischen Palatalismus (Arch. f. slav. Ph., V). — Die Entstehung der Präpositionen *безъ*, *възъ*, *изъ* und *разъ* (ib., VIII).—Козловскій. Zur Geschichte des slavischen Consonantismus (ib., XI).—Kolář. O Zografském Evangelium a jeho berlinském vydání. V Praze, 1879.— Kopitar. Glagolita Clozianus, id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi... λείψανον... Vindobonae, 1836.— Котляревскій. Объ изученіи древней русской письменности (Филолог. Зап. 1879—1880 гг.). — Кочубинскій. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій. Основная вокализація плавныхъ сочетаній конс. + *л*, *р* + ъ, ъ + конс. Два выпуска. Одесса, 1877—78. — Итоги славянской и русской филологіи. Од., 1882.—Krek. Einleitung in die slavische Literaturgeschichte. Akademische Vorlesungen, Studien und kritische Streitzuge. Zweite Auflage. Graz, 1887.—Крушевскій. Къ вопросу о гунѣ. Изслѣдованіе въ области старославянскаго вокализма (Русск. Филол. Вѣстн. 1881 г. № 1, и отд., Варш., 1881).—Крынскій. О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ. Варш. 1870. — Lang. Jazykovědecký rozbor Euchologia Sinajského („Zpráva o c. k. real. a vyšším gymnasii v Příbrami", 1888 и 1890 гг.).—Leskien. Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen)

Sprache. Grammatik. Texte. Glossar. Zweite Aufl. Weimar, 1886 (русскій переводъ: «Грамматика старославянскаго языка, съ дополненіями по языку Остромирова Ев.». М. 1890).—Die Vocale ъ und ь in den sogenannten altslovenischen Denkmälern des Kirchenslavischen. Leipzig, 1875. —Die Declination im Slavisch-litauischen und Germanischen. Leipzig, 1876.—Ludwig. Ueber einige nasale Formen im Altslovenischen (Sitzungsberichte der k. Böhmischen Gesellschaft der Wiss., 1874 г.) — Mahlow. Die langen Vocale AEO in den europäischen Sprachen. Ein Beitrag zur vergleichende Lautlehre der indogermanischen Sprachen. Zweite Aufl. Berlin, 1888.—Miklosich. Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice suprasliensi. Vindobonae, 1851.—Zum Glagolita Clozianus. Wien, 1860.—Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Erster Band (фонетика). Zweite Ausgabe. Wien, 1879 (срв. Arch. f. sl. Ph., III и IV, ст. Лескина).—Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. W. 1886.—Altslovenische Formenlehre in Paradigmen, mit Texten aus glagolitis en Quellen. W. 1874.—Beiträge zur altslovenischen Grammatik. W. 1875.—Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen. W. 1883.—Die slavischen Elemente im Magyarischen. Zweite Auflage. Besorgt und eingeleitet von D-r L. Wagner. Wien und Teschen, 1884.— Ueber die Lautverbindung *kt* in den indoeuropäischen Sprachen («Festgruss an von O. Böthlingk zur Doktor-Jubiläum, von seinen Freunden». Stuttgart, 1888).— Glagolitisch (Ersch und Gruber's Encyclopädie). — O slovima s, ѯ (Rad Jugoslav. Akademije, IX, 1869).—Милетичъ. Особности-тѣ на езика на Мариинския паметникъ (Периодическо списаніе на Българск. Учен. Др., XIX—XX, 1886).—Миллеръ Всев. Къ вопросу о славянской азбукѣ (Журн. М. Нар. Пр. 1884 г. № 3).—Müllenhof. Zur Geschichte der Auslaute im Altslovenischen (Monatsberichte d. k. Akad. d. Wiss. zu Berlin, 1878).—Некрасовъ. Очеркъ сравнительнаго ученія о звукахъ и формахъ древняго церковно-славянскаго языка. Спб. 1889.—Перволькъ. Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Томъ II. Варш., 1888.—Polívka. Kterým jazykem psány jsou nejstarší památky církevního jazyka slovanského, starobulharsky, či staroslovansky (Slovanský Sbornik, изд. Елинкомъ, 1883).—Paläographische, grammatische und kritische Eigenthümlichkeiten in dem Makedonischen Prax-apostol (Arch. f. sl. Ph., X).—Потебня. Къ исторіи звуковъ русскаго языка. I. Воронежъ, 1876. II—III. Варш., 1880—81.— Путята. Къ теоріи индо-европейскаго вокализма. М. 1881.—Разумовскій. Церковное пѣніе въ Россіи. М. 1867—69.—Rački. Assemanov ili Vatikanski Evangelistar. U Zagrebu, 1865.—Смоленскій. Краткое описаніе древняго (XII—XIII в.) знаменнаго Ирмолоя, принад-

лежащаго Воскресенскому монастырю. Каз., 1887.—Соболевскій. Стихотвореніе Константина Болгарскаго (Русск. Филолог. Вѣстн. 1884 г. № 4).—Греко-славянскіе этюды (ibid. 1883 г.).—Кирилло-меѳодіевскіе вопросы (Кіевск. Универс. Изв. 1885 г. № 9).—De-Saussure. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes. Leipsick, 1879.—Срезневскій. Древніе глаголическіе памятники, сравнительно съ памятниками кириллицы. Спб. 1866.—Древніе памятники юсоваго письма. Съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка. Спб. 1868.—Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ (Зап. Ак. Н., XI—XXXIX, и отд. Спб. 1867—81).—Taylor. Ueber den Ursprung des glagolitischen Alphabets (Arch. für sl. Ph., V).—Ундольскій. Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи (Чтенія Общ. ист. и древн., годъ 2-ой, 1846—47 г., II).—Fick. Die ehemalige Sprachenheit der Indogermanen Europa's. Ein sprachgeschichtliche Untersuchung. Göttingen, 1873.—Фортунатовъ Phonetische Bemerkungen (Arch. f. sl. Ph. XI—XII).—Črnčić. Assemanovo izbornô Evangjelje. V Rimu, 1878.—Schafarik. Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Prag, 1858 (русскій переводъ въ «Чтеніяхъ» моск. Общ. ист. и др. 1860 г. кн. 4. Разборъ Викторова въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древн.», Тихонравова, 1859—60 гг., кн. 4—5).—Schleicher. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Vierte Auflage. Weimar, 1876.—Die Formenlehre der kirchenslavischen Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt. Bonn, 1852.—Ist das Altkirchenslavische—slovenisch? (Kuhn und Schleicher's Beiträge z. vergl. Sprachforsch., I).—Schmidt Joh. Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus. I—II. Weimar, 1871—75. — Die Verwandtschaftsverhältnisse der indo-germanischen Sprachen. Weimar, 1872.—Zwei arische *a*-Laute und die Palatalen (Kuhn's Zeitschrift für vergl. Sprachforsch., XXV. Изложеніе въ Русск. Филол. Вѣстн. 1880 г. № 2).—Verwandeln *l* und *m* im Slavischen und Litauischen vorhergehende Dentale in *s*? (Kuhn's Beiträge z. vergl. Spr., VII).—Ягичъ (Jagić). Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis, nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.—Маріинское Четвероевангеліе, съ примѣчаніями и приложеніями. Спб. 1883. (срв. Götting. Gelehrt. Anzeigen, ст. Мазинга). — Четыре палеографическія статьи. Спб. 1884. — Glagolitica. Würdigung neuentdeckter Fragmente. Wien, 1890 (срв. Кіевск. Универс. Изв. 1890 г. № 11).—Studien über das altslovenisch-glagolitische Zographos-Evangelium (Arch. f. sl. Ph., I—II). — Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus (ibid.,

I).—Weitere Uebergange aus *s* in *ch* im Slavischen (ib., II).—Wie lautete ж bei den alten Bulgaren? (ib. III).—Ueber einen Berührungspunkt des altslovenischen mit dem litauischen Vocalismus (ib.).—Das altslovenische Evangelistarium pop-Sava's (ib., V).—Die Umlautserscheinungen bei den Vocalen *e*, *ъ*, *ѫ* in den slavischen Sprachen (ib., V—VI).—Jarosiewicz. Ueber das «Euchologium Sinaiticum». Sine loco et anno.

Другія библіографическія указанія см. въ нашихъ «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка», а также въ названныхъ выше трудахъ Бодуэна-де-Куртенэ («Программа...»), Котляревскаго и Кочубинскаго («Итоги...»).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	строк.	Напечатано.	Должно читать.
41	16 сверху	оир'ка номъ	оир'каномъ
74	22 —	ст.	сп.
75	3 —	bhrū-su	bhrū-šu

Сверхъ того, на стр. 31 поставлена глаголическая буква ъ вмѣсто глаголической буквы ь (послѣдняя отличается отъ первой лишь тѣмъ, что начинается точкою, а не кружкомъ).
